

Red Falcon

A man in a dark suit and white shirt is standing in front of a dark-colored car at night. He is holding a handgun with both hands, pointing it directly at the viewer. The background is a blurred city street at night with warm, orange-toned lights. The title 'ЗАТЕРЯННЫЙ АД' is overlaid on the bottom half of the image in a stylized, glowing red font.

**ЗАТЕРЯННЫЙ
АД**

— Фрэнк, через полчаса подойдут «Священный шёпот» и «Альбатрос», — сказал Робинсон, пожилой мужчина в белом халате со стетоскопом.

— Да, я знаю. Саймон мне доложил, — хрипло отозвался Фрэнк, закашлялся. — Малыша посмотри. Если бы ты знал, где я его нашёл! Не поверишь!

Он присел на корточки рядом с диваном, где лежал мальчуган лет пяти. Взяв за ручку, взгляделся в симпатичную круглую мордашку, покрытую веснушками. Когда тот открыл глаза, улыбнулся ему искренней, белозубой улыбкой, и подмигнул.

— Ты молодец. Просто герой, — воскликнул он весело, легко щёлкнув мальчугана по курносому носику.

Робинсон приподнял мальчика, расстегнув ему рубашку, стал прослушивать стетоскопом.

— Тебе отдохнуть надо, Фрэнк. Хреново выглядишь, — сказал Робинсон.

— Я не сильно устал. Пожалуй, сделаю пару кругов. Вдруг ещё кого найду живого.

Робинсон с жалостью взглянул на красные, слезящиеся глаза собеседника, распухший нос, растрескавшиеся до крови губы, обмороженные скулы. И покачал головой, вздохнув.

— Глупо, — пробормотал он, в голосе ощущалась искренняя обеспокоенность. — Гроза усиливается. Зачем рисковать...

— Да не волнуйся так. Я при худшей погоде летал, — с улыбкой похлопав по плечу, перебил его Фрэнк. — Дай мне лучше что-нибудь... У тебя всегда что-то есть. Башка раскалывается, — Он с силой потёр лицо руками.

Робинсон понял, что спорить бессмысленно. Отошёл к ломберному столику. Бросил в высокий стакан с водой таблетку. Фрэнк выпил залпом, и стремительно выскочил в коридор. Быстро подтянувшись на металлических поручнях деревянной лестницы, в два прыжка оказался на верхней палубе.

Пронзительный завывающий ветер, ни одной звёздочки на небе, лишь за клубившимися тучами чуть проблескивал диск полной луны. Океан равнодушно демонстрировал итог разыгравшейся недавно драмы. Длинный, обтекаемый корпус судна с провалами иллюминаторов под углом в сорок пять градусов ушёл в тёмную воду. Развороченная пробоина в правом борту, куда вползали клубы тумана. Громадье волн медленно поднимались вверх и обрушивались на останки некогда прекрасного творения рук человеческих. Мрачные тучи прорезали ослепительные зигзаги молний. И тут же звучал раскатистый басовитый аккомпанемент.

Во второй половине 21-го столетия человечество вышло за пределы солнечной системы, отправилось покорять новые галактики, нашло формулу абсолютного топлива, победило почти все смертельные болезни — от чумы до онкологии, но не смогло обезопасить себя от подобных трагедий. Человеческий разум оказывался абсолютно беспомощным перед стихией.

Небо сверху донизу располосовало причудливо изломанной вспышкой, высветившей на мгновение название на борту погибшего судна: «Атлантида». Миф, созданный Платоном, оказался удивительно живучим. Мысль о том, что много тысяч лет назад существовало могущественное, неслыханно богатое процветающее государство, населённое людьми,

стоящими на вершине эволюции, внешне и внутренне безупречными, по-прежнему будоражила воображение. Человечество, так и не сумев построить идеальное общественное мироустройство, продолжало верить в существование древней высокоразвитой цивилизации, которая превосходила современную. Но лайнер, названный в честь легендарного острова, лишь повторил его судьбу.

Ледяной шквал безжалостно хлестнул в лицо, от чего на миг перехватило дыхание. Не обращая внимания, быстрым шагом Фрэнк направился к стоящему на верхней площадке вертолёту, похожего на изящную стрекозу с огромными фасеточными глазами, в которых отражались всполохи молний. Легко запрыгнул на сиденье. Бросив взгляд на приборы, плавно отклонил рычаг вверх, ручку управления от себя, вертолёт медленно поднялся, набрав высоту.

Включив прожектор на полную мощь, начал медленно облетать место катастрофы, старательно вглядываясь в каждую волну, пытаясь обнаружить признаки жизни. Его привлёк странный шум, похожий на гул двигателей реактивного самолёта, взлетавшего совсем рядом. Фрэнк вывел машину выше, пытаясь понять, откуда идёт этот странный звук. Небо приобрело мерзкий изумрудно-болезненный оттенок.

Из самой большой тучи, напоминающей жирного, кудрявого иссиня-чёрного барана, начала выпадать воронка темно-свинцового цвета. Она стремительно удлинялась, неумолимо приближаясь к поверхности воды. «Торнадо? В Атлантическом океане? Что за бред?!» — Фрэнк помотал головой, словно пытался отогнать галлюцинацию, возникшую в его болезненном воображении.

Шум нарастал, превратившись в жуткий вой фантастического исполина.

«Стрекозу» заболтало в воздухе, как пёрышко. Фрэнк ощутил, как леденеют конечности, выскальзывает рычаг управления, ноги не находят педали. Громадное, иссиня-свинцовое веретено, уходящее высоко в небо, не отклоняясь ни на дюйм в сторону, шло прямо на него, заглатывая в себя все, что попадалось на пути.

Вертолёт начал падать, самопроизвольно вращаясь вокруг оси, как кленовый лист. Все быстрее и быстрее. Но не успел даже коснуться воды, как свинцовый вихрь захватил его в смертельные объятья, закрутив, завертев, как щепку, вознося все выше, выше. И в самой верхней точке, потеряв всю свою мощь, вытолкнул пережёванные останки с огромной высоты.

Глава 1. Этот новый прекрасный мир

Солнце начало ощутимо припекать. Открыв глаза, Фрэнк тут же зажмурился, не выдержав потока яркого света. Песчаный, пологий берег, поросший травой. Свежий, приятный ветерок ворошил волосы. Он присел и огляделся. Прислушался к своим ощущениям, пошевелил пальцами рук, ног, пощупал рёбра. Вроде все цело. Медленно встал, потянулся во весь рост, и огляделся. Весь берег был усыпан исковерканными кусками металлической обшивки, прозрачными кусками кабины, свёрнутыми в причудливые конструкции лопастями — все, что осталось от вертолётa. Фрэнк бросил взгляд на левую руку — навигатор сплющило, словно блин. Он усмехнулся, сорвал остатки некогда мощной системы, швырнул о землю.

Он попытался вспомнить то, что произошло ночью. Страшное, мучительно долгое падение с высоты. Оглушающий удар о воду. Он камнем пошёл вниз. Сознание вернулось лишь в тот момент, когда, казалось, уже ничего не могло спасти. Руки и ноги не слушались, мышцы занемели от холода. Мозг отчаянно посылал телу сигналы о спасении, но оно не желало подчиняться. Разум начал погружаться во тьму, Фрэнк из последних сил послал отчаянный импульс. Конечности вновь ожили, он заработал ими с такой силой и мощью, что через мгновение уже выскочил на поверхность.

Завеса тумана над океаном разошлась, в сотне ярдов отсюда он увидел нечто, похожее на отлогий берег, хотя рядом с местом гибели лайнера не могло быть никакой суши. Как он сумел выбраться, он уже совершенно не помнил.

Фрэнк выдохнул воздух. По крайней мере, он выжил. Хотя это выглядело фантастично. Рассказать кому, что он побывал внутри водяного смерча и остался жив. Никто не поверит.

Он сбросил одежду. С недовольной гримасой осмотрел. Особенно пострадала куртка, но брюки и рубашка остались относительно целыми. Хотя все было жутко грязным. А Фрэнк не выносил этого. С детства привык, что вся его одежда имела идеальный вид, без единого пятнышка, или морщинки. Он побродил по берегу, нашёл грудку камней. Забравшись туда, выстирал одежду и разложил здесь.

Солнце здорово жарило уже, а морские волны манили прохладой. Фрэнк медленно зашёл в воду, вглядевшись в глубину. По своему опыту знал, насколько коварной может оказаться вроде бы совершенно безобидная местность. Но здесь, около берега была чистейшая, прозрачная вода, позволяющая видеть далеко вперёд.

Он прыгнул в воду, сделал несколько энергичных гребков, нырнул, чтобы рассмотреть дно ближе. Растительный мир Атлантики не отличается разнообразием, но здесь Фрэнк увидел невероятное количество водорослей разных форм, размера и цвета: изумрудные, бурые, ярко-жёлтые, алые, розовые. Они выглядели, как мох, и как длинные тонкие ленты, как диковинные грибы и светящиеся воронки. Они густо покрывали причудливые нагромождения камней, создавая фантастически красивый узор. Сновали стайки рыбок, серебристых и яркоокрашенных, куда-то краб спешил по своим делам, из песчаной ямы вылетел электрический скат, заставив Фрэнка отшатнуться. Беспечная рыбка подплыла к зарослям розовой травы, которая мгновенно превратилась в зубастого хищника, заглотнувшего ничего не подозревающую жертву.

Он вернулся на берег, когда уже полностью продрог, от холода у него стучали зубы. Но

сильно пожалел, что у него не оказалось акваланга под рукой, а ещё лучше кинокамеры. Эта местность поражала богатой жизнью, не соответствующей этой широте. Без маски он не мог подробно рассмотреть представителей морской фауны, но ему показалось, что некоторые существа выглядят совершенно фантастично. Он никогда не встречал их раньше.

Он оделся и решил осмотреться. За пляжем начиналась холмистая возвышенность, заросшая зеленью. Узкая тропинка, сбегала под небольшим уклоном вниз. Сквозь кроны деревьев пробивался яркий свет, рассыпав множество весёлых, солнечных зайчиков. Деревья стали редеть, неожиданно склон резко оборвался.

В небо устремились величественные башни. Насколько хватало глаз, раскинулся рукотворный массив, объединённый чудо-архитектором в единое целое. Очарованный великолепием, он ускорил шаг, в глубине души ощущая страх, что мираж исчезнет. Но оказавшись на краю склона, с радостным удивлением обнаружил, что видение обрело чёткие очертания и превратилось в невыразимо прекрасный город. Металл и стекло создавали удивительно лёгкие, грациозные, пронизанные светом и в то же время монументальные сооружения.

В центре возвышалось здание, своим оригинальным дизайном и оформлением, походившее на знаменитый нью-йоркский небоскрёб компании «Крайслер», увенчанный тщеславным архитектором высоким шпилем. Все подчинялось незримой гармонии, создавая ощущение неведомого музыкального инструмента, ждущего, когда на нем сыграют симфонию вечности.

Внизу вытянулась идеально прямая лента шоссе, по которой сновали машины. Он спустился вниз, проголосовал. Машины проносились мимо, равнодушно не замечая длинной фигуры. Выругавшись, он решил пойти пешком. Прихрамывая, поплёлся по обочине, где через высохшую землю кое-где пробивались былинки.

Фрэнк резко обернулся на визг тормозов. Рядом остановилась «глазастая» чёрная машина с выступающими из решётки радиатора «клыками».

— Подвезти? — глухо спросил водила, плотный широкоплечий мужчина средних лет, одетый в костюм в сине-голубую клетку, и бархатными отворотами бордового цвета. Это придавало ему комичный вид, и плохо вязалось с остальной довольной суровой внешностью. Коротко стриженные тёмные волосы топорщились над непропорционально высоким без единой морщинки лбом. Крючковатый нос с широкими ноздрями, выпуклый рот с тонкими губами, жёстко очерченный глубокими морщинами. Круглые, близко посаженные глаза. Он чем-то напоминал хищную птицу, грифа или стервятника, сидящего на краю ущелья.

— Спасибо! — улыбнулся Фрэнк, забираясь на сиденье рядом с водителем. — Я уж думал, придётся на своих двоих переться до города. Скажите, а как называется это место?

— The Island of Atlantis, — ответил водитель, краем глаза пристально изучая случайного попутчика.

— Атлантический остров? Ну, разумеется, а какой ещё может быть остров в Атлантическом океане? — усмехнулся Фрэнк. — Я имел в виду конкретное название.

— Вы не поняли, — хмуро пробормотал водила, прищурившись. — Не атлантический остров, а Остров Атлантов. Это полностью рукотворный остров, созданный одним человеком.

Фрэнк бросил на него насмешливый взгляд, не поверив.

— Серьёзно? Остров Атлантов? Атлантида?

— Да, можно сказать так. В 1948-м году остров и город построил магнат Алан Райзен.

Он вложил в строительство все своё состояние.

— Правда? Круто. У вас потрясающе красивый город. Стиль ар-деко в период расцвета. Производит сильное впечатление. Думаю, у вас нет отбоя от туристов.

— У нас не бывает туристов. Мы живём обособленно от всех, — мрачно пояснил собеседник. — Чтобы нам никто здесь не мешал. А как вы сюда попали?

Фрэнк ощутил в его голосе явное недоверие.

— Была страшная гроза. Мой вертолёт засосало в торнадо и выкинуло здесь, у побережья. Естественно, вертолёт в кашу. Я выжил чудом.

— Вертолёт? А откуда вы на нём взлетали? Здесь больше нет никакой суши поблизости.

— С моей яхты, — просто объяснил Фрэнк.

— Вот как? И что же вы тут искали?

— Здесь неподалёку потерпел крушение лайнер, — Фрэнк уже начал злить этот допрос, он решил рассказать подробно, ощущая все возрастающую подозрительность собеседника. — Они напоролись ночью на подводный утёс. У них сонар вышел из строя. Моя яхта оказалась ближе всех к месту катастрофы. Я принимал участие в спасательных работах.

— У вас яхта? Большая яхта? Я так понимаю, вы — человек не бедный.

— Да уж, не бедный, — усмехнувшись, подтвердил Фрэнк. — Глава компании «Фольклэнд Моторс», Франклин Фольклэнд. Двадцать процентов спорткаров американского авторынка. Плюс подводное оборудование, гидропланы, батискафы. Моё хобби. Занимаюсь подводными исследованиями.

Водитель бросил на попутчика оценивающий взгляд, в котором сквозило явное недоверие. Худощавый мужчина, выглядит лет на тридцать-тридцать пять. Заурядная внешность. Обветренное лицо, словно грубо вылепленные из глины, высокие скулы, широкий рот. Растрёпанные, немного вьющиеся тёмные волосы, оттопыренные уши. Стопроцентный янки из низов.

— Понятно, вы — владелец крупной компании, — протянул водитель, наконец. — А я-то думаю, почему мне так знакомо ваше лицо. Кстати, меня зовут Нейл Саммерс, заместитель директора местного завода.

— Очень приятно познакомиться, Нейл.

— И ты сам принимал участие в спасательных работах? — недоверчиво поинтересовался Саммерс. — Это же опасно. А если бы ты погиб?

— Ну, мог, конечно. Что поделаешь. Жизнь вообще штука сложная, — усмехнулся Фрэнк. — Можно и дома в собственной постели сдохнуть от какого-нибудь геморроя. Но лучше, знаешь, в вертикальном положении, с адреналином в крови.

— Странно. Неужели, твоя жизнь, жизнь владельца крупной фирмы, равноценна жизни какого-то пассажира лайнера? — не оценив юмора, продолжил Саммерс.

Фрэнк бросил непонимающий взгляд на собеседника, пытаясь понять, шутит он или говорит серьёзно.

— Что, значит, равноценна или не равноценна? Любая жизнь бесценна, — он пожал плечами. — Даже крошечного ребёнка. Может быть, из него вырастет новый Моцарт или Эйнштейн.

— А если из него уже вырос бездельник, пропойца, попрошайка? А ты отдашь за него свою жизнь?

— Когда яспасал людей, я не интересовался их социальным статусом, — раздражённо

отрезал Фрэнк. — Если мы будем рассуждать, кому имеет смысл жить, а кому не имеет, то скатимся на уровень социал-дарвинизма, а ещё хуже фашизма.

— Ты — коммунист? — бросив изучающий взгляд исподлобья, поинтересовался Саммерс.

— Господи! Да почему сразу коммунист?! Что за манера такая сразу обвинять в левых взглядах?! — возмутился Фрэнк. — Это же элементарные, общечеловеческие ценности, твою мать!

— Возможно, — пробормотал собеседник. — Извини, если задел.

Повисла неловкая пауза.

— Нейл, я надеюсь, у вас есть порт с причалом для частных судов? Мне надо связаться с командой моей яхты. Они меня заберут отсюда. Все разрешающие документы имеются.

— У нашего города нет выхода к океану, — резко бросил водитель, словно отрезал. — Никакого порта.

— Нет порта? — Фрэнк удивленно поднял брови. — Странно. На берегу океана и нет порта? Ну ладно, чёрт с ним. Я сообщу, чтобы они прислали вертолёт за мной. Или с этим тоже будут проблемы?

— Вертолёт? Думаю, что не будет.

— Нейл, а что выпускает ваш завод?

— Станки, спецоборудование.

— А машины?

— Да, конечно.

— Какой «движок»?

— Ну, обычный, — протянул тот равнодушно. — А что?

— Мы могли бы наладить с вами контакты. Моя компания производит самый экологически чистый двигатель в мире. Работает на водороде. КПД в два раза выше, чем у любого двигателя на бензине или дизельном топливе. Себестоимость ниже. Полторы тысячи миль без дозаправки. Моя собственная разработка.

— Круто. Обязательно сообщу директору о твоём предложении.

— Закурить не найдётся? Спасибо, — Фрэнк затянулся сигаретой, закашлялся от грубого, резкого вкуса, с удивлением бросив взгляд на протянутую Саммерсом плоскую коробку, на верхней крышке которой был выдавлен золотом знак доллара, без каких-либо выходных данных компании-производителя. — Кстати, классная у тебя тачка, Нейл. «Понтиак Стар Шеф», я так понял. 1956-й, нет, 1957-й год. Если память не изменяет. Симпатичный дизайн, движок неплохой. Обожаю ретромобили. Но, по правде говоря, больше люблю «форды». Моя страсть, что называется. Коллекционирую.

— И в каком масштабе? — поинтересовался Саммерс.

— Один к одному, конечно! — улыбнулся Фрэнк. — У меня есть почти все модели, — он сделал широкий жест рукой, словно показывая ряд машин. — Начиная с самой первой — квадроцикла Генри Форда. И Т-модель, «Жестянка Лиззи». Прототип. Знаешь, присказку Форда: «машина может быть любого цвета, если она чёрная». Прототип «Жестянки Лиззи» был красной. И я нашёл такой. Таких моделей осталось, может, пара штук в мире. Особенно «мустанги» обожаю.

— Конюшню держишь? Сколько голов? — впервые в голосе собеседника пробилился интерес.

— Да нет, ты не понял, — засмеялся Фрэнк. — «Мустанг», я имел в виду модель

«форда». «Шелби», «Босс», «Кобра джет», «Матч». У меня одна из лучших коллекций в мире. И все на ходу. Сам люблю возиться. Порой находишь буквально на помойке рухлядь, ржавую, мятую, и по винтику восстанавливаешь раритет, который на аукционе может стоить несколько сотни тысяч баксов. Я работал раньше автомехаником. Отцу помогал. У него была маленькая автомастерская. Но потом он продал её, чтобы я мог учиться. Я — инженер-конструктор. Массачусетский институт с отличием. Сто семнадцать патентов. Не мог подвести отца. А что у вас тут кино снимают? — воскликнул он с интересом.

Машина уже въехала в город и остановилась на перекрёстке. Фрэнк с неподдельным интересом рассматривал пробегающих мимо красоток.

— Кино? — не понял Саммерс.

— Ну да. Что-то из пятидесятых годов прошлого века. Девушки одеты стильно, словно с журналов мод сошли, — объяснил Фрэнк. — Пышная юбка, «осиная» талия. Я люблю то время, ретро, архитектуру, моду, музыку, особенно джаз. Ну и тачки, конечно. Золотое время. Я смотрю, таких крутых тачек, как у тебя, навалом. Просто глаза разбегаются. Как умудрились столько найти? И все как новенькие. Может, прикуплю для коллекции. Ретромобилей, увы, все меньше в мире. Рассыпаются. И стоят бешённых денег.

— Да-да, конечно, — о чем-то глубоко задумавшись, бросил Саммерс. — Знаешь, Фрэнк, давай выпьем за наше знакомство. Так приятно встретить коллегу. А вот и мой дом, — он завернул на узкую улицу, и остановил машину около длинного кирпичного дома с маленькими окошками. — Ты что предпочитаешь? Виски, коньяк? Обговорим детали сотрудничества.

— Спасибо. С удовольствием.

— Вот и прекрасно. Отдохнёшь, потом можем погулять, осмотреть город. Ну и связаться с твоей яхтой сможешь. Нет проблем.

Фрэнк очнулся в затхлой комнатёнке без окон. По стенам, выложенных облупившейся кафельной плиткой, тянулся ряд потускневших от времени металлических стеллажей. В центре находился стол. С потолка свисала лампа с жестяным абажуром. Пара верзил в чёрной форме. Прямо перед ним, довольно ухмыляясь, стоял Саммерс. Он переоделся, снял клоунский пиджак. Теперь на нем были бриджи, высокие сапоги, и блуза с отсрочкой, обнажавшая крепкую, широкую шею и бугры мускул.

— Что это значит? Где я? — пытаюсь встать, воскликнул Фрэнк, и тут же ощутил, как верзилы с силой вжали его плечи.

— Пасть заткни, ублюдок! — резко бросил Саммерс. — Разденьте его. Уинстон, осмотри.

С Фрэнка бесцеремонно начали стаскивать одежду. Он извивался, пытаюсь вырваться из крепких объятий. Задохнулся от острой боли под дых. Полный, лысоватый мужчина небольшого роста в белом халате начал деловито ощупывать его, залез в рот, осматривая зубы, будто племенному рысаку.

— Джон, ты гляди, какой у нашего мальчика «инструмент», — бросил один из охранников, проводя дубинкой по мужскому достоинству Фрэнка. — А ты хвастался, что у тебя больше всех. Твоей фитюльке ещё расти, и расти до этого, — загоготал он.

— У меня свой, а у него — может протез, — с нескрываемой завистью протянул второй.

— Не мешайте, парни. Потом измерять будете, — произнёс сурово Уинстон. — Переверните его, — добавил он, натягивая резиновые перчатки.

Фрэнка грубо схватили, и плотно прижали животом к ледяной поверхности стола, из глаз брызнули слезы, ощущая, как ему грубо разводят ягодицы и лезут холодными пальцами в задний проход. Саммерс подошёл ближе к красному от стыда Фрэнку, который прерывисто, тяжело дышал, и нагло поинтересовался, схватив лапищей за лицо:

— Ну что, Фрэнк Фольклэнд, «красный» придурок, владелец яхт, мустангов и вертолётов? Нравится тебе наше гостеприимство? Что скажешь, Уинстон?

— Хороший материал. Похоже, стопроцентно здоров, — ответил тот, сбросив перчатки в урну. — Протянет долго. Ты говоришь, он — инженер?

— Да. Он мне рассказал. Но, может, врал. Слишком много он мне заливал. Похоже, у него с башкой хреново, — добавил Саммерс, покрутив пальцем у виска.

— Ладно. Поставим пока на самую простую работу. Строптивый.

— Ничего, обломаем, — проронил Саммерс, жадно осматривая мускулистое тело пленника, упругие ягодицы, мощное мужское достоинство, в его глазах читалось неприкрытое бесстыдное желание. — Покажите ему, что он будет делать, — приказал он.

На Фрэнка нацепили синюю робу и втокнули в помещение, где за столом сидел пожилой мужчина в очках в чёрной оправе.

— Так. Слушай внимательно, — сказал он, когда Фрэнк силой усадили за стол и приковали к ножке. — Этот узел ты должен будешь собирать за две минуты. Пока не сможешь, конечно, но потом научишься, — объяснил он, не замечая с каким презрением, смотрит на него Фрэнк. — Вот так, — удовлетворено сообщил он, быстро закончив сборку. — Теперь покажу медленно. Понял? — поинтересовался он. — Тогда попробуй сам.

— Я всё понял, — проговорил Фрэнк, сбросив лёгким движением все на пол, болтики и винтики разлетелись по углам. — Значит так. Если вы немедленно меня не отпустите, я устрою грандиозный скандал. Имейте в виду, меня уже сейчас ищут. Объявят в международный розыск. Это место просеют через мелкое сито и когда обнаружат, что меня похитили, вам всем будет, ох, как невесело.

— Все сказал? — спросил Саммерс, самодовольно поигрывая дубинкой. — А теперь слушай сюда. Никто никогда тебя здесь не найдёт. Это место закрыто от всего мира. Выбраться с этого острова ещё никому не удавалось. Если сбежишь с завода, прямиком попадёшь на виселицу. И не думай, что тебе задарма дадут жрать хлеб. Не таких ломали. А пока получишь урок за свою строптивость, — добавил он и с ухмылкой, сделав знак охранникам.

Фрэнка притащили в вонючую комнатку, привязали к столбу, поддерживающему свод. Он содрогнулся, ощутив, как просвистевшая в воздухе плеть, опустилась на обнажённые плечи. От боли и унижения перехватило дыхание. Он даже не смог вскрикнуть.

Его втокнули в камеру. Фрэнк, с трудом дотавившись до койки, попытался улечься так, чтобы не было так больно. Кто-то бесцеремонно стащил его вниз. Сверху нависла небритая рожа, перекошенная злобой.

— Ты, сука, куда улёгся?! Нужно было меня спросить, где твоя койка! Я главный здесь! Дэвид Фергюсон! Слушаться будешь меня или получишь так, что мало не покажется, — добавил он, показывая здоровенный, волосатый кулак. — Понял, ублюдок?

Фрэнк присев на койку, взглянул на него и хотел послать куда подальше. Но тут же представил, что с ним сделают сокамерники и слабо кивнул.

— Не слышу, — злобно прошипел Фергюсон. — Громко и отчётливо скажи: «я понял, мистер Фергюсон».

— Я понял, Фергюсон, — проговорил сквозь зубы Фрэнк.

— То-то, — самодовольно, проговорил бугай, похлопав Фрэнка по щеке грязной лапищей. — Пит, покажи новенькому его место.

На следующее утро Фрэнк очнулся от ужасающего воя сирены. Резко подскочил, грязно выругался, стукнувшись головой. Следующая койка нависала над ним в паре дюймов. Сокамерники ссыпались с коек и выстроились в узком проходе. Подошли охранники, отцепив кандалы от стены, нанизали их на общую цепь.

— А ты чего, сука, расселся? — прохрипел Фергюсон.

— Да, мне и так хорошо, — отозвался Фрэнк и вновь улёгся на койку, заложив руки за голову.

И в то же мгновение ощутил, как его грубо стаскивают вниз. Физиономия надзирателя не предвещала ничего хорошего. Но Фрэнк решил идти до конца.

— Это ещё что такое? — поинтересовался мрачно амбал. — Саботаж? Плетей захотел? Фрэнк упрямо молчал.

— Дональд, — крикнул он. — Иди сюда.

— Чего? — отозвался тот лениво.

— Через плечо. Иди сюда, говорю. Новенький решил устроить цирк.

Через минуту рядом нарисовался второй детина. Здоровенная башка с бобриком волос на короткой, толстой шее, мощные надбровные дуги, широкий нос, и почти отсутствующий подбородок. Кажется, эволюция остановилась для этого субъекта на неандертальце. Смерив презрительным взглядом противника, Фрэнк встал в защитную боксёрскую стойку, решив, что погибать будет с музыкой. И постарается ответить хотя бы парочкой точных ударов, как учил его отец.

Но «неандерталец» не стал его бить.

Фрэнк ощутил, как охранник бесцеремонно притянул к себе и, развернув спиной, крепко схватил сзади под руки. Второй охранник резким движением стащил с Фрэнка брюки и приложил свою дубинку к паху. Адский разряд тока пронзил снизу доверху, заставив задохнуться от нестерпимой, мучительной боли. В глазах закрутился калейдоскоп искр. Фрэнк словно издалека услышал сдавленный крик, больше похожий на звериный вой.

— Ты понял, сука, что тебя ждёт? Будешь фордыбачить. Твои яйца поджарим на обед, — угрюмо процедил сквозь зубы первый охранник.

Фрэнка с силой толкнули в спину и прицепили в общую сеть. Фергюсон с гадливостью смерил его и смачно харкнул. Потянулись мрачные стены, выкрашенные в ядовито-зелёный цвет, с тусклыми светильниками через каждые пару футов. Они вышли в огромный зал без окон. Стены из серого, необработанного камня, с которых стекали струйки грязной воды. Тусклые, убогие лампочки на шнурах свисали с потолка. Жутко унылое место.

Здесь располагались столы, на которых были разложены кучами детали. Все рабочие разбрелись по своим местам. Только Фрэнк остался стоять без дела.

— Жди здесь, — буркнул Дональд.

Через пару минут рядом с Фрэнком оказался пожилой мужчина в очках в чёрной, пластиковой оправе.

— Пошли, Фолькленд, я тебе покажу, что ты будешь делать, — произнёс он тихо.

Они прошли в угол, где стоял стол с разложенными промасленными деталями.

— Я мастер цеха, зовут меня Томас Беннет. Если что не будет получаться, будешь у меня спрашивать. Понимаю, трудно тебе придётся поначалу, — вздохнул он. —

Привыкнешь, надеюсь. Ты парень молодой. Освоишь. Вот смотри, этот узел попроще, чем в первый раз я показывал. Попробуй собрать его, ну хотя бы минут за пять что ли.

Он медленно начал складывать детали, одну за другой, брал медленно то одну отвёртку, то другую, показывая, для какого винта она нужна. Потом повторил чуть быстрее. На пятый раз Фрэнк начал терять терпение.

— Ну, попробуй, — предложил Беннет мягко. — Не торопись, не сразу получится.

Фрэнк бросил на него снисходительный взгляд, его пальцы ловко засновали в кучке деталей и через пару секунд он выложил готовый узел перед Томасом. Тот сдавлено пробормотал:

— Ты кем раньше работал?

— Автомехаником, — ответил Фрэнк коротко, расслабленно откидываясь на спинку стула.

— Саммерс говорил, ты — инженер-конструктор. Это, правда, может?

Фрэнк промолчал, только пристально вглядывался в лицо собеседника, наклонив чуть набок голову, словно изучая.

— Ладно, если я тебе посложней работу дам. Не будешь возражать? — поинтересовался через паузу Беннет. — Ты постарайся не нарываться. Тогда проще тебе будет. Ты, я вижу, сильно гордый. Но раз сюда попал, уже деться тебе некуда. Такая уж, понимаешь, загогулина.

Беннет провёл Фрэнка к полусобранному агрегату и спросил:

— Знаешь, что это такое?

Фрэнк лишь презрительно усмехнулся.

— Ну, отлично. Попробуй собрать, а узлы тебе будут другие подвозить. Чем больше сделаешь...

— Тем что? Больше зарплату получу? — поинтересовался с издёвкой Фрэнк. — И в чем у вас тут платят? В баксах или евро? Или может золотом? Я как-то не совсем понял. Или я выбрать могу? Я бы тогда золото выбрал. Всемирный эквивалент денег. Где угодно принимают, в любой точке мира.

Беннет удивлено воззрился на него, поморгал глазами. Потом коротко рассмеялся, хотя это звучало совсем невесело.

— Ладно, — похлопав его по плечу, проронил он и ушёл, опустив голову.

Потянулись серые будни. Каждое утро — вой сирены, одна и та же каменная коробка с грязными стенами, с агрегатом и узлами, которые подвозили Фрэнку на тележке. Нельзя сказать, что работа кипела. Кто-то работал быстрее, кто-то более медленно. Между тем, как ему подвозили собранные узлы, проходило много времени. В конце концов, это до смерти надоело.

Пытливый ум требовал пищи больше, чем голодный желудок. Чтобы хоть как-то отвлечься от пустоты бытия, Фрэнк начал замерять, сколько в среднем нужно каждому сборщику на узел, который потом подвезут ему, и сколько пройдёт времени, когда будет готов следующий. Быстро подсчитал в уме время. Довольно усмехнувшись выводам, уселся на подножку ещё не собранного агрегата и сложил руки на груди.

— Ты, сука, чего расселся?! — услышал он злобный вопль охранника. — Работай давай! Или сейчас по рёбрам получишь!

Фрэнк слез с подножки, мгновенно установил уже готовые узлы в агрегат. И вновь

демонстративно уселся перед носом разъярённого орангутанга.

— Все. Я все собрал. Понял? — сузив зло глаза, выпалил Фрэнк.

Верзила задохнулся от злобы, но оглядевшись, понял, что Фрэнк прав. Тележка с готовыми узлами была пуста.

— Ну, ты, это самое... — Фрэнк будто услышал, как скрипят шестерёнки в мозгах детины, который никак не мог решить проблему — бить или не бить строптивного работника.

Он постоял пару минут, тяжело дыша. Резко развернулся, куда-то ушёл.

— Ты уже все сделал? — услышал Фрэнк растерянный голос Беннета. — Когда же ты успел?

— Ну, у вас тут и организация производства. Какой-то прямо пещерный век, — проворчал нахально Фрэнк. — Вы б хоть конвейер что ли ввели.

— Конвейер? А это как? — поинтересовался Беннет. В его голосе Фрэнк услышал явные отзвуки уважения.

— Очень просто. Поставить ленту, чтобы она передвигалась, к другому сборщику, как только часть узла собрана. Производительность труда увеличивается раз в пять. Может больше. У Форда на заводах машина собиралась за 93 минуты, а на других — два-три дня.

Фрэнку казалось, что Беннет расхохочется от этого примитивного «рацпредложения», которому уже было сто лет в обед. Но тот лишь с большим уважением взглянул на него.

— А можешь схему нарисовать, как это сделать? Чертёж?

— Могу, конечно, — усмехнулся Фрэнк. — Но зачем?

— Фрэнк, — Беннет впервые назвал его по имени, доверительно и как-то по-дружески вглядываясь в лицо. — Сейчас все надрываются по шестнадцать часов в день. Мучаются. А если ты поможешь, то все смогут работать по двенадцать часов, может быть, даже по десять. Помоги. Пойдём в мой кабинет, я тебе все дам — чертежи, выкладки.

Они вошли в маленькую комнатку, где за загородкой находился старый письменный стол, бюро. На стене висела старая грифельная доска с полустёртым чертежом, нарисованным мелом.

— Поработай здесь, — мягко предложил Беннет. — Все ж лучше, чем в цехе.

Он вытащил ворох бумаг, вывалил их перед Фрэнком на столе, услужливо отодвинув стул.

Фрэнк просидел до вечера, делая расчёты, наброски, чертежи. Беннет несколько раз навещал его, заглядывая через плечо, ронял с умилением:

— Молодец, Фрэнк. Ты талантливый.

Эта похвала, сказанная человеком, который совершенно не знал о том, что Франклин Фолькленд — изобретатель уникального двигателя, почему-то радовала больше, чем все льстивые статьи в прессе, написанные в адрес «гениального инженера-конструктора, самого молодого в мире автомагната, нового Генри Форда».

Беннет вернулся к вечеру, взяв пачку бумаги, которую Фрэнк аккуратно сложил в папку, и пробормотал странным упавшим голосом, совершенно без энтузиазма:

— Ну, пойдём теперь, покажем это мистеру Коннели.

— Беннет, сами ему покажите. Там все просто. Я все расчёты сделал. Все элементарно. Только цену рассчитать не могу точно. Я не бухгалтер.

Беннет покачал головой и, нахмурившись, подтолкнул Фрэнка к выходу.

Кабинет Коннели поражал богатством меблировки. Стены, отделанные панелями красного дерева. По всему периметру тянулись высокие шкафы, плотно заставленные

фолиантами в кожаных переплётках с золотым тиснением. Хотя Фрэнк догадывался, что Коннели даже не прикасался ни к одной книге, которая стояла у него на полке.

Огромная хрустальная люстра, массивный стол с кожаной столешницей, несколько разнородных мраморных статуй, старинные бронзовые торшеры. На стенах — картины в очень широких, позолоченных рамах. Фрэнк не смог разобрать, что на них изображено. Какая-то безвкусная мазня. На полу — палас с ярким восточным орнаментом. И камин до потолка из красного гранита.

Джон Коннели, плотный мужчина с холёным лицом и мясистым носом, покрытый буграми, один из главных надсмотрщиков, сидел, переживая жвачку, с презрением осматривая вошедших.

— Ну и что ты там начирикал, Фольклэнд? — грозно рыкнул он. — Ты вообще, подонок и негодяй. Почему ты не сообщил об этом сразу? И столько времени бездельничал?

— Мне не сразу в голову эта мысль пришла, — нагло ответил Фрэнк. — В холоде мозги хуже работают.

— Вот, Фольклэнд, правильно, — не ощутив издёвки, изрёк надменно Коннели. — Потому что, не ты, а я стою на вершине интеллектуальной пирамиды, и вношу наибольший вклад в создание общественного блага. Без меня, ты бы сдох с голода в своей безнадёжной неспособности. Ты понял, ублюдок?

Это звучало анекдотично, но Беннет мгновенно сжал руку Фрэнку, который уже готовился открыть рот и сказать что-то ядовитое.

— Вот, мистер Коннели, — Беннет просеменил, вжав голову в плечи к столу, и выложил папку с бумагами. — Это то, что я вам говорил.

Коннели раскрыл папку, быстро пролистал и вновь смерил грозным взглядом Фрэнка.

— Слушай, меня внимательно, сукин сын. Если ты хоть где-нибудь ошибся и мистер Хаммерсмит из-за тебя потерпит убытки, мы тебя за яйца подвесим. Публично. Ты понял?

— Я проверил его расчёты, мистер Коннели. Там все правильно, — голос Беннета звучал, как мышинный писк.

— Ладно, идите, — приказал Коннели, откинувшись на спинку роскошного кожаного кресла с высокой спинкой, напоминающего трон.

Когда захлопнулась дверь, Фрэнк чуть не расхохотался. Зачем он потратил столько сил и времени? Этот тупой ублюдок Коннели ни черта не поймёт в расчётах.

— Фрэнк, ты это, иди, отдохни, — пробормотал Беннет. — Тебе сегодня двойной паёк выдадут. А то ты похудел очень.

Прошло ещё несколько дней, минула неделя. Фрэнк смирился с тем, что его нововведения никогда не увидят свет. Но в один прекрасный день, их отвели не в прежний зал, а другой, где он радостью увидел ленту конвейера и оценил, что все было сделано по его чертежам. Все как он планировал. Он ощутил такой невероятный прилив восторга, что ему захотелось расцеловать даже охранника. Он задорно взглянул на хмурых товарищей и засучил рукава.

Проходил час за часом и Фрэнк уже осознал, что теперь ему приходится работать в пять раз больше. Никакого отдыха конвейер не давал. Хотя сейчас он двигался медленнее, чем Фрэнк планировал. Не все рабочие ещё освоили достаточно быструю сборку, но зато подвоз узлов стал равномерным. К вечеру, Фрэнк ощутил, как у него ломит спину, и мучительно болят ноги, а колени не сгибаются.

Когда стрелка часов подошла к 5, Фрэнк с облегчением вытер руки замасленной

тряпкой и уселся на подножку очередного собранного агрегата, ожидая, когда его отведут вместе со всеми в барак.

— Ты чего, ублюдок, расселся? — услышал он грозный рык Дональда, который совершенно недвусмысленно помахивал дубинкой-электрошокером. — Быстро за работу! Или получишь очередную порцию.

— Беннет сказал, что теперь работа будет 10 часов идти, — бросил Фрэнк, холодея от нехорошего предчувствия.

Дональд перекинулся так, что его физиономия стала походить на рожу уродливого тролля.

— Кто тебе сказал, мразь? Как работали, так и будешь работать. До одиннадцати. Как всегда.

Детина взорвался гнусным хохотом. У Фрэнка вытянулось лицо. Он понял, как нагло его обманули. Это была ловушка. Никаких послаблений его предложение не дало. Выиграл только хозяин.

Через неделю, Фрэнк уже еле доползал до своей койки и валился без сил. Каждый день скорость ленты конвейера понемногу увеличивалась. Он специально предусмотрел это в расчётах, чтобы люди могли освоиться, выйти на его средние показатели. Но хозяину, видимо, этого показалось мало. Он понял, что увеличивая скорость, можно добиться ускорения сборки. Если сборщик не успевал, в «награду» получал плетей по полной программе.

Поздно ночью, Фрэнк совершенно без сил вернулся в барак, его встретили налитые кровью глаза Фергюсона.

— Ублюдок, — хрипло процедил он сквозь зубы. — Значит, это из-за тебя мы стали работать в десять раз больше! Ну, все, теперь ты у меня точно получишь!

Фрэнк, бросив угрюмый взгляд на Фергюсона, молча поплёлся к своей койке. Фергюсон остановил его, размахнулся, но Фрэнк, увернувшись от кулака, со всей силы нанёс удар в нижнюю челюсть, свалив противника с ног. Но громила мгновенно вскочил, вытащив из кармана заточку, в его глазах блеснула яростная решимость прикончить врага.

Отскочив в сторону, Фрэнк схватил лезвие, и резко отвёл вверх. Ударил по руке противника, тот выпустил заточку. Но тут же стал атаковать быстрыми, беспорядочными ударами, от которых Фрэнку удавалось отбиваться, не забывая метко контратаковать. Сокамерники окружили дерущихся и стали подбадривать их радостными криками. Фрэнку удалось нанести точный удар локтем Фергюсону в солнечное сплетение, и когда тот согнулся от боли, чуть подпрыгнул, и довершил дело сильным ударом в шею сверху. Фергюсон грохнулся на пол, Фрэнк, тяжело дыша, поднял глаза на зрителей. В их глазах светилось явное одобрение.

— Так, поднимите этот кусок дерьма, — приказал охранник, наблюдавший за стычкой с довольной ухмылкой. — И ты, Фольклэнд, сейчас пойдём к Салливану для получения заслуженной награды.

Салливан, начальник охраны, взглянув на сильно помятого Фергюсона, с отвращением поморщился и лениво спросил:

— Кто первым начал драку?

— Он! Он, мистер Салливан! — закричал Фергюсон, показывая на Фрэнка, который только презрительно улыбался.

Салливан, бросив оценивающий взгляд на худосочного Фрэнка, ростом и весом

уступавшего громиле Фергюсону, изрёк:

— Фолькленду — сорок плетей, Фергюсону — десять и потом обоим карцер.

Фрэнк даже усмехнулся, увидев знакомую комнату. Настолько тесную, что казалось, стены и потолок постепенно сдвинутся, раздавив находившихся здесь. Стоял не выветриваемый ничем гнилостный запах от разлагающейся крови, мочи, блевотины и дерьма.

От стены отделился Саммерс, подошёл ближе, и, наклонившись, прошипел в самое ухо:

— Соглашайся, Фолькленд. Иначе тебе не выжить. Пару раз нагнёшься, зато от наказаний тебя избавят.

— Да пошёл ты, — бросил хмуро Фрэнк, с ужасом понимая, что Саммерс не оставит своих гнусных притязаний.

Саммерс начал преследовать Фрэнка с самого первого дня, как только привёз на завод Хаммерсмита, недвусмысленно намекая на послабления, которые полагались работникам, которых извращенец использовал для своего «гарема».

— А я ведь и сам могу взять, — нагло сказал мерзавец.

Как пушинку схватив Фрэнка, он швырнул его о стену, мгновенно оказавшись рядом, перевернув к себе спиной, резким движением стащил с него брюки.

— Хватит, Саммерс, делом займись, — ленивый голос второго охранника, гориллы Дональда, показался Фрэнку слаще музыки.

Саммерс ослабил хватку. Фрэнк тут же вырвался и отскочил в сторону, встав в стойку.

На втором десятке ударов Фрэнк потерял сознание, а когда его привели в чувство, услышал горячий шёпот Саммерса, который до этого охаживал его плетьюми:

— Соглашайся, Фолькленд, добром. Все равно я возьму своё.

— Пошёл ты...

Фергюсон свои десять ударов переносил с такими воплями и стонами, что казалось, его разрывают на части. А когда его увели, кроме звука рассекаемой воздух плети не было слышно ничего. Фрэнк молчал, впиваясь зубами в губы, что ещё сильнее разъярило Саммерса. После сорока ударов, он с глубоким сожалением бросил плеть, и презрительным взглядом проводил шатающегося от боли Фрэнка, злорадно заметив, как с его ног на пол скатываются крупные капли крови.

Фрэнка втокнули в промозглую, сырую камеру, которая напоминала коробку из-под обуви. Он свернулся клубком в углу, где валялись остатки сгнившего сена, поскольку в вытянутом положении ноги в камере не поместились, и ощутил невыносимую, невыносимую безнадежность своего положения. На глаза навернулись слезы, острая боль пронизала лёгкие. Он закашлялся, почувствовав во рту металлический привкус крови. «Да, дело совсем хреново».

Отсидев в карцере, Фрэнк заметил, что ряды его сокамерников обновились, в подобном месте никто долго не выдерживал. Он почему-то вспомнил воспоминания узников фашистских концлагерей, что самое трудное выжить в первый месяц, потом можно приспособиться и выжить.

Ночью он слышал шёпот Дейтона Аффлека, щедедушного, немолодого человека, которому хуже всего приходилось в цехе, он не мог быстро и точно работать, и его здоровья еле-еле хватало выдерживать наказание.

— Фолькленд, проснись, послушай меня, — шептал Аффлек. — Мы хотим сбежать из этого чёртового места. Ты с нами?

Фрэнк глубоко задумался, Аффлек мог быть «подсадным». Провал подобной операции грозил как минимум виселицей.

— Ты можешь не идти с нами, только помоги вскрыть замок. Говорят, ты умеешь так здорово руками делать.

Перед мысленным взором всплыла нагло ухмыляющаяся физиономия Саммерса, и Фрэнк подумал, что судьба даёт ему шанс вырваться из этого ада.

На следующую ночь Фрэнк быстро вскрыл примитивные замки на решётке, которая огораживала камеру и вместе Аффлеком, и ещё тремя парнями вышел в коридор. Они дождались, когда часовые пройдут мимо них, и Фрэнк стал вскрывать общий замок на двери, которая вела из помещения, он на удивление легко поддался, и они перебежали дальше. Фрэнк увидел в конце дверь, выходящую с завода. Затаив дыхание, крадучись прошёл, взялся за замок. Ослепил невыносимо яркий свет. Фрэнк замер, закрывшись рукой.

— Ну что, Фолькленд, — услышал он ликующий голос Саммерса. — Понимаешь ты теперь, что тебе деться некуда?

Фрэнк молча, тяжело дышал. Глупейшая, примитивнейшая ловушка. Саммерс подошёл ближе, резким движением прижал к стене:

— Ты думаешь, ублюдок, что тебе опять плетей всыпят, да отпустят? Нет, теперь будет похуже. А когда ты увидишь, что это. Может ты и передумаешь.

Он нацепил на него наручники и, подталкивая в спину, повёл в конец коридора. Втолкнул в комнатушку.

— А? Что Фолькленд, знаешь, что это такое? — торжествующе изрёк Саммерс. — Познакомься, моё собственное изобретение. У меня ведь тоже голова варит. Ну ты выбираешь? Мой или этот? — спросил он с гадливой улыбкой, проведя любовно по острому металлическому штырю, торчавшему из высокого табурета, над которым висели цепи. — Здесь ведь больнее будет. И не просто больнее. А очень больно! До смерти!

Фрэнк похолодел, у него подкосились ноги. Он не мог представить, что здесь используются подобные средневековые пытки. Зажмурил плотно глаза, пытаясь собрать остатки мужества.

— Никогда, Саммерс. Скорее ад замёрзнет. Лучше это, — он кивнул на «стул».

— Идиот, — скривился упырь. — Настоящий идиот. Ладно, начинайте, — кивнул он охранникам.

Он отошёл в сторону и, сложив руки на груди, стал с ухмылкой наблюдать. Фрэнка раздели, подвесили на цепи и медленно начали опускать под злорадным взглядом Саммерса. Штырь вонзился в тело, начал раздирать внутренности. От дикой, ни с чем несравнимой боли перехватило дыхание. Он безвольно повис. Сознание начало постепенно угасать, но чувство боли не отключалось. Штырь вытащили из растерзанного тела, вызвав ещё одну волну конвульсий.

Фрэнк лежал на земле, корчась в предсмертных муках, и последним, что услышал, было:

— Ну чего, Саммерс. Ввести ему сейчас? Он сейчас окочурится.

— Нет! Ни в коем случае! Сдохни, мразь! Сдохни!

Глава 2. Шанс на спасение

— Сэр Роджер, ну ещё один раз, и все. Я уверен, что отыграюсь, — сказал Магнус Хаммерсмит, толстяк с тяжёлыми мешками под глазами, выдававшими нездоровый образ жизни, в позолоченном пенсне, которым он пытался придать себе более солидный вид, что ему совершенно не удавалось.

Его собеседник сэр Роджер Кармайкл, хозяин дома, выглядел полной противоположностью гостю, худощавый, с чертами лица, будто вырезанными из камня, с волевым подбородком и старомодными, посеребрёнными бакенбардами.

— Нет, Магнус, на сегодня довольно, — холодно возразил лорд Кармайкл. — Я скажу, чтобы вызвали вашего шофёра. Он отвезёт вас домой.

Хаммерсмит обвёл глазами роскошную гостиную, антикварную мебель красного дерева, ещё раз позавидовав вкусу и умению хозяина создавать уют.

— Всего один раз, — повторил почти умоляюще Хаммерсмит.

Ему очень не хотелось вставать с мягкого, удобного кресла.

Лорд Кармайкл тяжело вздохнул, Магнус повторял неоднократно эту просьбу, но ему не везло, в азарте он предпринимал попытки отыграться, но его долг лишь рос.

— Хорошо.

Лорд Кармайкл взял три карты, уверенный, что на этот раз он проиграет определённо, даже не пытаясь посмотреть.

— Вот, двадцать очков, — пробормотал Магнус.

Лорд Кармайкл посмотрел в свои карты, и, с досадой увидев, что у него двадцать одно, сделал попытку выбросить одну карту, но Магнус заставил его открыть карты. Увидев, что опять проиграл, откинулся огорчённо на спинку кресла.

— Ничего страшного. Не везёт в картах — везёт в любви, — сказал Лорд Кармайкл, вздохнув.

Магнус вспомнил, почему лорд Кармайкл так опечален и вежливо поинтересовался:

— Как ваша жена?

Лорд Кармайкл обречённо покачал головой, подошёл к большому камину, с деревянной отделкой, и открыл музыкальную шкатулку, стоявшую на полке.

У Хаммерсмита заблестели глаза.

— Сэр Роджер, чтобы вы отдали бы за то, чтобы починить эту вещь? — спросил он.

— Очень многое, — проронил лорд Кармайкл, голос в конце дрогнул. — Вы знаете, это память. Память о Лиз.

Хаммерсмит с горящими глазами быстро проговорил:

— У меня на заводе есть талантливый инженер-механик. Золотые руки! Его предложения позволили мне сэкономить кучу денег, — хвастливо заявил он, заставив лорда Кармайкла снисходительно на него взглянуть. — Благодаря ему я увеличил производительность труда в пять раз! Если бы он починил вашу...э... шкатулку, вы смогли бы скостить часть моего долга?

Лорд Кармайкл усмехнулся.

— Я бы простил весь долг, — искренне ответил он.

— Замечательно! — воскликнул возбуждённо Хаммерсмит, вскочив с места. — Я заберу

вашу шкатулку и завтра привезу исправленной. Уверяю вас.

— Нет. Эта вещь никогда не покидала моего дома.

Хаммерсмит нахмурился. Но через паузу предложил:

— Я пришлю его сюда, и он починит у вас, в особняке. Вас это устроит?

— Конечно, Магнус. И я щедро оплачу его работу отдельно. Помимо вашего долга.

Хаммерсмит мрачнее тучи вернулся на завод.

— Позовите ко мне Коннели и Саммерса, — приказал он.

Он медленно прошёл в кабинет. Плюхнувшись в широкое кресло, и подперев лицо кулаком, глубоко задумался. Скрипнула дверь.

— Вызывали, мистер Хаммерсмит? — раздался подобострастный голос.

Хаммерсмит поднял тяжёлый взгляд.

— Да, Саммерс, Коннели входят. Садитесь.

Главный надсмотрщик и главный охранник присели на мягкий диванчик перед массивным письменным столом, заваленный кучей бумаг. Хаммерсмит никогда их не разбирал, он лишь бросал сверху новые.

— Вот что, — пробурчал он, сцепив руки на животе. — Надо отправить Фолькланда в особняк сэра Роджера. Чтобы он там починил одну вещь.

— Но он же сбежит, — проворчал Коннели. — Он уже несколько раз пытался это сделать. И ничего не помогает.

— Я знаю! — рявкнул Хаммерсмит. — Вот поэтому я вас позвал сюда! Чтобы вы мне помогли решить эту проблему, черт возьми! Зачем я вас здесь держу?!

— Надо привезти эту вещь сюда и Фолькланд её починит в два счета, — предложил Коннели.

— Кармайкл не хочет. Это шкатулка его сумасшедшей жены. Выносить из дома не позволяет. Очень она ему дорога.

— Ну тогда надо просто послать сэру Роджеру другого механика, — подал голос Саммерс, нетерпеливо ёрзая на месте. — Свет клином на этом ублюдке не сошёлся. Что это так сложно?

Хаммерсмит презрительно смерил его взглядом.

— Может тебя, Саммерс, послать? Ты у нас тоже изобретатель. Золотые руки.

— А что, я попытаюсь сделать. Почему нет, мистер Хаммерсмит. Что тут сложного?

Хаммерсмит скривился, вышел из-за стола, широко расставив толстые руки, оперся на полированную крышку.

— Мистер Хаммерсмит, надо просто отказать сэру Роджеру под каким-то предлогом. Возможно, сказать, что Фолькланд болен или ещё что-то. Просто отказать. Этот ублюдок может рассказать сэру Роджеру о наших порядках, — пробормотал Коннели, переглянувшись с Саммерсом, у которого от этих слов сразу улучшилось настроение.

— Нет! — взвизгнул Хаммерсмит. — Мне нужно, чтобы эту проклятую шкатулку починили. И сделать это может только этот сукин сын. Он талантливый, чтобы его черти взяли. И он должен вернуться на завод! Вернуться! Думайте! Думайте! Как это сделать! За что я вас кормлю, дармоедов?! Вылетите у меня в два счета на улицу!

У Саммерса и Коннели синхронно вытянулись лица.

— Мистер Хаммерсмит! Я придумал! — радостно вскрикнул Саммерс. — Это просто Он вернётся! У него не будет другого выхода! Разрешите продемонстрировать?

Ему явно не сиделось на месте. Больше всего на свете он жаждал сбежать из кабинета грозного патрона.

— Ладно, идите, — тяжело усаживаясь обратно в кресло, проворчал Хаммерсмит.

Саммерс пулей вылетел из кабинета и ринулся по коридору, как будто за ним гналась стая чертей. Тяжело сопя, ворвался в комнатуху, где обычно собирались другие охранники.

— Где Фолькленд? Умер? — вскрикнул он.

Четыре пары недовольных глаз уставились на него.

— Да, наверно, сдох. Ты ж сам хотел, — проворчал Дональд, рассматривая свои карты.

— А тело где? Тело?! — голос Саммерса предательски задрожал.

— Твою мать, Нейл. Ну, где тело, где тело. Не видишь, мы играем, — бросая козырную червовую пятёрку сверху вала, проворчал лениво второй охранник, тощий, длинный детина с унылым лицом. — Чтоб тебя. Тело в крематории. Ты забыл, где у нас мусор сжигают? Чего случилось-то?

Саммерс захлопнул дверь и стремглав понёсся к лифту. Ворвался в кабину, резким движением задвинул металлическую сетку, и дрожащей рукой нащупал кнопку последнего этажа. Лифт плавно двинулся вниз, проезжая несколько этажей. Остановился. Саммерс выскочил, как ошпаренный рванул в конец полутёмного коридора. Распахнув толстые металлические двери, он увидел пылающую печь и чёрный мешок на столе рядом.

Субтильный, лохматый мужичонка в очках с толстыми линзами, в синем халате, работник крематория, бросил недоуменный взгляд на нежданного гостя.

— Саммерс, ты чего здесь забыл?

Не обращая на него никакого внимания, Саммерс, тяжело сопя, бросился к мешку, высвободил тело. И прижал пальцы к сонной артерии.

— Мёртв он уже, — бросил служитель равнодушно. — Я проверял.

— А тело ещё тёплое, — пробормотал Саммерс, как-то странно всматриваясь в иссиня-бледное лицо, искажённое мучительными страданиями.

— Ты что, Саммерс, с ума сбрендил?! Изыди, извращенец! — заверещал служитель, пытаясь отпихнуть охранника.

Саммерс двумя пальцами схватил тщедушного мужичонку за грудки, как котёнка отшвырнув в сторону. Несчастный шлёпнулся о стену, медленно сполз вниз и затих. Выхватив дрожащими руками из кармана стеклянный шприц, Саммерс воткнул длинную иглу в шею трупа. Блестящий, хромированный поршень пошёл вниз, вливая ярко-красную, полупрозрачную жидкость.

Прошла минута, другая, третья.

— Твою мать, Саммерс, идиот чёртот. Убедился? — слабо просипел охранник, пытаясь встать, с трудом опираясь о стену.

Словно при замедленной съёмке у «трупа» приподнялись веки, он сделал чуть заметный вздох, потом вздохнул полной грудью, медленно приподнялся на локте. И так удивительно резво отпрянул от возбуждённого Саммерса, что чуть не свалился со стола. Главный охранник с шумом выдохнул воздух, и расхохотался.

— Одевайся, пошли, — бросил он грубо, но в голосе звучало только ликование. Он даже не стал надевать наручники.

Дойдя до барака, Саммерс втокнул Фрэнка внутрь и быстро пробормотал себе под нос:

— Посиди здесь. Подумай о своём поведении. Чтобы это все не повторилось.

Фрэнк, все ещё пребывая в шоке, добрался до своей койки, медленно улёгся, прислушиваясь к своим ощущениям.

— Ты чего такой пришибленный? — спросил подошедший Джад Тейлор.

— Этот ублюдок Саммерс посадил меня на кол, — тихо сказал Фрэнк. — И я умер. Кажется. А потом воскрес.

Тейлор сплюнул и похлопал его по плечу по-дружески.

— Ты не умер. Они, видать, тебе ввели сыворотку. Так особо строптивых учат. И самые упрямые превращаются в кисель. Если не успокоишься, они это будут проделывать пока ты...

— Пока концы не отдам? — перебил его Фрэнк.

Тейлор печально усмехнулся, сел рядом и проронил:

— Хуже. Пока не свихнёшься. Тогда тебя выбросят в закрытые районы, и будешь там лазить по деревьям, как обезьяна.

Фрэнк тяжело сглотнул комок в горле.

На следующее утро его не отправили работать в цех, а вызвали к Коннели. Главный надсмотрщик пребывал в прекрасном настроении. Его холёное лицо излучало приторную доброжелательность. Он выдавил из себя нечто, что напоминало дружелюбную улыбку, скорее похожую на оскал.

— Значит так, Фолькленд. Сейчас ты отправишься к одному важному человеку, сэру Роджеру, лорду Кармайклу. Ему нужно починить одну очень ценную вещь. Очень ценную. И ты обязательно должен это сделать.

— А если не сделаю? — поинтересовался Фрэнк с иронией.

— Ты должен сделать, — зловеще повторил Коннели. — И ты это сделаешь. Вот, возьми эту одежду. Примешь душ, приведёшь себя в порядок. Ты понял? Ногти почисти, — добавил он брезгливо. — Тебя к нему отвезут на машине с шофёром. И также привезут обратно.

Фрэнк криво ухмыльнулся. Впервые эти подонки решили дать ему реальный шанс сбежать. Это давно стало навязчивой идеей.

— А кандалы какие мне дадут? Из платины или золота? Нельзя упасть в грязь лицом перед лордом. Лучше белое золото. Блестит ярче. И охранников дайте мне получше. В мундирах королевской гренадерской гвардии. Сэру этому должно понравиться.

Коннели вышел из-за стола, присел на краешек. Фальшивая улыбка сползла с лица. Смерив исподлобья Фрэнка, он прошипел:

— Фолькленд, не думай, что мы идиоты и просто так тебя отпустим.

Он сделал знак рукой. От стены отделился пожилой мужчина в белом халате, врач этого концлагеря.

— Выпей, — приказал он, протягивая стакан с бесцветной жидкостью.

— Ну вот, Фолькленд, — проговорил торжествующе Коннели. — Ты сейчас выпил медленно действующий яд. Противоядия от него у меня, — Коннели вытащил из сейфа пробирку с тёмной жидкостью. — Если ты не вернёшься к 7 часам вечера на завод, умрёшь жуткой смертью и никто, поверь, никто не сможет тебя спасти. Потому что ты не знаешь, что это за яд. У него нет ни вкуса, ни запаха. Но последствия катастрофичны. И даже замечательная сыворотка не может спасти тебя. Поэтому я не думаю, что ты захочешь провести эксперимент над своей жизнью. И не вздумай жаловаться сэру Роджеру. Он — лучший друг мистера Хаммерсмита. Нам сразу станет все известно. И тогда тебе уже точно никто не поможет.

Фрэнк вышел из кабинета Коннели, прислушиваясь к своим ощущениям. Насколько этот подонок сказал правду?

— Пошли, — рядом нарисовался Дональд. — В душ тебя отведу, — хмуро сказал он.

Фрэнк вспомнил общую душевую с грязными стенами, разбитой кафельной плиткой, ледяными струйками ржавой воды. Его передёрнуло. Но Дональд отвёл его совсем в другое место.

Фрэнк удивился, что на заводе Хаммерсмита может быть такое место. На тонком паласе с неярким рисунком огромная двуспальная кровать с деревянной резной спинкой, покрытая шкурой леопарда. Незаметные светильники давали мягкий, тёплый свет.

Фрэнк бросил стопку одежды на кресло, стоящее рядом с небольшим камином и пошёл в ванну. Он уже почти забыл, как выглядят подобные места. Ванная комната, отделанная розовым мрамором, со встроенным огромным зеркалом в металлической, ажурной оправе. Отражение не радовало. За время, проведённое в этом концлагере, он сильно похудел, осунулся. На лице остались одни скулы и глаза.

С удовольствием растянулся в ароматной пене. Зажмурил от удовольствия глаза.

«Если я не вернусь, то сдохну. Но после такого можно».

Он вошёл в спальню, потянулся за одеждой и вздрогнул, увидев возникшего рядом злорадно ухмыляющегося Саммерса. Будто обдало ледяным душем. Саммерс опрокинул его на кровать и завис над ним, прижимая плотно живот. Ослабился.

— Расслабься, Фолькленд. Сам получишь удовольствие. Ничего с тобой не случится.

Он стал с силой разводить ему ноги, как в последний момент ослабил хватку и свалился вниз.

— Твою мать, Саммерс, да пошёл ты! — Дональд поднял над головой Саммерса тяжёлый кулак, готовый опустить ещё раз. — Тебе сказано, пошёл вон!

Дональд схватил Саммерса за грудки, и к вящему удовольствию Фрэнка, пинком вышвырнул за дверь. Вернувшись, хмуро пробормотал, старательно отводя взгляд от голого, взлохмаченного Фрэнка:

— Одевайся. Пошли быстро. Машина ждёт.

— Милорд, пришёл человек от мистера Хаммерсмита, — прощebetала горничная.

— Хорошо, Дорис, пусть он войдёт.

Когда в комнату прошёл худощавый молодой человек, Роджер протянул ему руку:

— Приветствую вас, мистер Фолькленд. Вы не могли посмотреть эту вещь?

Фрэнк взял в руки шкатулку и пробормотал растерянно:

— Мне нужны инструменты. Я не знал, что они понадобятся...

— Да, конечно, — произнёс с лёгкой улыбкой лорд Кармайкл, взяв с каминной полки набор часовых отвёрток.

С удовольствием понаблюдал, как молодой человек уверенно и вдумчиво работает.

— Каков ваш вердикт?

— Я не могу это починить, — честно ответил Фрэнк.

— Да, понятно, — забирая у Фрэнка шкатулку, проронил лорд Кармайкл. Он ожидал этого ответа. — Вы не знаете как.

— Почему не знаю, — Фрэнк пожал плечами. — Это не сложно. Здесь нужно заменить пружину из закалённой стали и несколько деталей. Вручную или на заводе мистера Хаммерсмита я не смогу это изготовить. У меня нет такого станка. А так, сделать легко.

Механизм в хорошем состоянии. Почти не изношен. Лишь пара деталей. Но для них нужно соответствующее оборудование. Я не знаю, где им можно воспользоваться.

— Вот как. Если я вам предложу поехать на мой завод, возможно, вы сможете сделать нужные детали?

— Мистер Кармайкл, мне нужно вернуться. Извините меня, — пробормотал Фрэнк, взглянув на часы. — Я могу поехать в следующий раз.

— Не спешите. Думаю, что мистер Хаммерсмит заинтересован, чтобы вы закончили это дело.

Фрэнк чуть заметно вздохнул, до семи часов вечера он просто не успеет ничего сделать, как не постарается.

Они спустились по широкому крыльцу.

— «Ford Fairlane», красивое авто, — вырвалось у Фрэнка.

— Вам нравится? Вы разбираетесь в автомобилях?

— Да, немного.

Краем глаза он заметил, как за ними последовала машина, на которой его привезли сюда. Но это уже не имело никакого значения.

Из роскошного кабриолета Фрэнк рассматривал город, который видел лишь во второй раз за все время, которое провёл здесь. Небоскрёбы сменялись на маленькие кирпичные домики, или пятиэтажные, серые коробки из бетонных плит, иногда попадались особняки в стиле ампира, выделяющиеся из всей массы. Потрескавшийся асфальт резко переходил в выложенную булыжником мостовую.

Когда они вошли в цех, у Фрэнка невольно вырвалось:

— Как у вас светло, чисто, просторно.

— На заводе Хаммерсмита не так? — поинтересовался лорд Кармайкл, о чем-то задумавшись.

Фрэнк промолчал, лишь сжал плотно губы.

Лорд подозвал двух своих людей в белых халатах. Они внимательно выслушали, что говорил им молодой инженер. Потом кивнув головой, показали на один из станков. Не прошло и пяти минут, он отдал шкатулку. Надел пиджак, собираясь уходить. Лорд Кармайкл открыл крышку и, услышав мелодию свадебного марша Мендельсона.

— Мистер Фольклэнд. Моя искренняя благодарность. Сколько я вам должен?

— Ничего. Мистер Хаммерсмит расплатится.

— Нет-нет, мистер Фольклэнд. Вот чек. И ещё. Я приглашаю вас пообедать вместе с мной. Это отнимет совсем немного времени.

Фрэнк тяжело вздохнул. Вернуться он уже не успевал.

Они вошли в зал, перед ними сразу нарисовался подобострастный официант, который провёл их за столик.

— Скажите, мистер Фольклэнд, — проговорил лорд Кармайкл, когда они сели за столик, ожидая официанта. — Вы не были на недавней премьере оперы «Аида»? Ирэн Веллер обладает удивительным меццо-сопрано. Я наслаждаюсь её бельканто. Вы обязательно должны сходить.

— Да, обязательно, — пробормотал Фрэнк. — Обязательно схожу.

Он мельком взглянул на часы, стрелка неумолимо приближалась к цифре «7». Он уже

ощущал, как по спине текут холодные струйки пота, леденеют руки. Осталось двадцать пять минут.

— Вам плохо? Вы побледнели. Что-то с сердцем?

Фрэнк соскользнул на пол. Когда подоспевшие официанты уложили его на диван, лорд коротко приказал:

— Вызовете моего врача.

Он сел напротив диванчика, где лежал Фрэнк, положив руки на трость. Его лицо выглядело совершенно невозмутимым, только пальцы сжимали и разжимали набалдашник, выдавая беспокойство. Звук шагов заставил его вздрогнуть.

— Юргенсон, приветствую вас. Посмотрите этого молодого человека. Он упал в обморок, как юная барышня на первом балу.

Юргенсон подошёл к Фрэнку, посмотрел зрачки, проверил пульс. Вытащив из саквояжа шприц и пузырёк, засучив рукав, быстро сделал укол. Через пару минут Фрэнк пришёл в себя, у него порозовели губы, щеки, он открыл глаза, пытаясь встать. И тут же закашлялся, приложив к губам платок. Юргенсон нахмурился.

— Лежите, лежите, молодой человек, — предупредил врач. — Как себя чувствуете?

— Неплохо.

— И давно у вас идёт горлом кровь? — произнёс Юргенсон, будто спрашивал о чем-то совершенно обыденном.

Фрэнк скомкал платок, сунул в карман, и глухо ответил:

— Не могу точно сказать.

Юргенсон бросил на него изучающий взгляд.

— И вы знаете, что это означает? У вас нет денег на лечение?

Фрэнк промолчал, отведя глаза.

Юргенсон сложил медикаменты в саквояж, щёлкнул замком, и сухо подытожил:

— Вам остался месяц, может два. Максимум.

Юргенсон подошёл к лорду Кармайклу и отвёл в сторону.

— Милорд, кто этот человек?

— Инженер-механик с завода Хаммерсмита.

Губы Юргенсона тронула печальная усмешка, которая быстро исчезла.

— Он серьёзно болен, милорд. И я бы сказал, что такой букет заболеваний обычно приобретают на каторге или в тюрьме. У него на запястьях бинты, а там свежие рубцы. От кандалов.

— Вы хотите сказать, он — преступник?

— Не обязательно. Это всего лишь слухи, милорд. На заводах Хаммерсмита всех рабочих держат в кандалах. Правда, я не мог представить, что и своих инженеров он заставляет работать именно так. Кажется, сейчас я в этом убедился.

Лицо лорда осталось бесстрастным, только презрительно сузились глаза.

— Благодарю вас, мистер Юргенсон, счёт как обычно пришлёте мне. Да, прошу вас, об этом случае никому не говорить. Полная конфиденциальность.

Юргенсон понимающе кивнул.

Лорд Кармайкл подошёл к диванчику, где сидел Фрэнк. Быстро окинув его взглядом, присел на стул.

— Как себя чувствуете, мистер Фолькленд? Вам лучше?

— Да. Мне надо идти, милорд. Благодарю вас за заботу.

— Не стоит благодарности. Мой шофёр отвезёт вас домой.

— В этом нет необходимости. Мистер Хаммерсмит прислал за мной машину.

— Ясно. Скажите, мистер Фольклэнд, вам нравится на заводе Хаммерсмита? Если я предложу перейти на мой завод, скажем за две тысячи в месяц?

Фрэнк отрицательно покачал головой.

Сэр Роджер откинулся на спинку кресла.

— Хорошо, я не буду притворяться, что ничего не понимаю. Это выглядело бы комично в подобных обстоятельствах. Я не слепой и не совсем ещё выжил из ума. Безусловно, вы мне не доверяете, иначе бы сразу попросили бы о помощи. Раз уж вам представилась такая возможность. Ваш хозяин, мистер Хаммерсмит, проиграл мне в карты много денег, — объяснил он спокойно. — Он совершенно не умеет играть честно, но не смеет жульничать со мной. Его долг рос, он решил расплатиться со мной вашей работой. Судя по всему, он очень рисковал, присылая вас ко мне. Только его патологическая жадность заставила это сделать.

— Милорд, что вы хотите от меня? Я не понимаю, куда вы клоните.

Фрэнк нахмурился. Голубые живые глаза стали ещё печальней и будто начали тускнеть.

— Извините, старика, я слишком болтлив. Я спрошу просто — что произойдёт, если вы не вернётесь на завод Хаммерсмита? Насколько я понимаю, его люди поджидают вас у входа в ресторан. За нами следовала машина, та самая, на которой вас привезли.

Фрэнк откинулся на спинку дивана, помолчал.

— Сэр Роджер. Мне нужно вернуться, как можно скорее. Иначе через десять минут я умру, — просто ответил он.

— Понятно. И каким образом это осуществится?

— Не думаю, что подробности предназначены для ваших великосветских ушей, — отрезал Фрэнк.

— Да, понимаю. Безусловно, вам не стоит мне доверять. Вы думаете, я — друг мистера Хаммерсмита. Вытаскиваю из вас подробности, потом передам все вашему хозяину, он накажет вас за откровенность. Так?

Фрэнк опустил голову, перекатывая желваки. Он уже реально ощущал, как холодеют конечности, и к груди подступает удушье.

— Давайте я расскажу за вас, — продолжил лорд Кармайкл. — Поскольку, вы я вижу, боитесь. Вы оказались в городе недавно, и не по своей воле. Как вы попали на завод к этому ублюдку, меня не интересует. Думаю, что это был какой-то примитивный метод. Теперь послушайте меня внимательно. У меня есть к вам предложение.

Глава 3. Высшее общество

Роджер подошёл к сутулому немолодому мужчине, с аккуратно подстриженными усиками, тщательно набриолиненными, прилизанными чёрными волосами. Продолговатое лицо, низкий лоб, грубые скулы, сильно выступающий вперёд подбородок, рот с тонкими губами, немного искривлённая, широкая спинка носа. Его можно было принять за бывшего боксёра или охранника. Если бы не чересчур надменное выражение лица и пронзительные, глубоко «утопленные» под бровями «акулы» глаза, в которых, казалось, отражалась главная мысль: «весь мир — помойка, не стоящая внимания».

— Приветствую вас, сэр Роджер. Неужели Эдвард поправился? — произнёс мужчина холодным, надменным тоном.

— Да, Алан, ему стало лучше. Я решил, что он сможет жить дома. Хотя курс лечения не закончен, — ответил сэр Роджер.

— Я очень рад. Но не забывайте, я терплю вашего племянника здесь только из-за вас. Да, да, Эдвард, — проронил он, смерив брезгливым взглядом спутника Роджера. — Вы — ветреный повеса, и ваш моральный облик, мягко говоря, далёк от идеала.

— Алан, он изменился, начал помогать мне в ведении дел, и довольно успешно. Подал несколько отличных идей, которые я смог воплотить. Талантливый мальчик, только немного взбалмошный.

— Хорошо. Как ваша жена? В её лечении есть какие-то сдвиги?

— Нет, — сухо ответил Роджер. — Она в том же состоянии.

— Вам надо перестать сердиться на меня, Роджер. Каждый человек делает выбор сам, руководствуясь собственными знаниями и целями. Элизабет сама выбрала свою судьбу.

— Безусловно, Алан. Безусловно, вы правы, — сухо проронил Роджер. — Этот разговор явно его тяготил. — Прошу нас извинить, мы вас оставим.

Это место представляло собой казино, внизу располагался зал с игральными автоматами — «однорукими бандитами». На втором этаже — столы с зелёным сукном для игры в карты. Весь интерьер был выдержан в стиле ар-деко — чистота геометрических линий, окружности, широкие поверхности однородного цвета. Сочетание роскоши и практичности. Звучала приятная музыка.

Роджер со своим спутником отошёл к стене, где стояли небольшие диванчики. Племянник лорда обладал той же типичной англосаксонской внешностью, что и дядя: вытянутое, холёное лицо, светлые волосы распадалась на две изящных волны, открывая высокий лоб, прямой, длинный нос с крыльями, словно высеченными из мрамора, маленький рот, выпуклый подбородок с ямочкой. И удлинённые, приковывающие внимание живостью и умом ярко-голубые блестящие глаза.

— Вы плохо выглядите. Может нам стоит уйти?

Молодой человек помотал отрицательно головой, взял с подноса бокал с красным вином. Сделав глоток, сильно закашлялся.

— Значит, это и есть Алан Райзен. У него сильный акцент. Он — немец?

Роджер усмехнулся и проговорил:

— Нет, русский. Его настоящее имя — Адам Рудинштейн. Из очень богатой семьи, отец был латифундистом, не помню точно, как это называется по-русски. В 1926 он уехал из

России без гроша в кармане.

— А почему он уехал из России?

— Ну как же, чернь пришла к власти, начала отнимать все у богатых и успешных, разорила страну дотла.

— И красные отпустили его и не поставили к стенке? Странно. Я не видел ни одного русского флага в городе. Вообще ничего русского.

— Райзен ненавидит Россию, считает себя американцем, о бывшей родине говорит с сильным раздражением и ненавистью. Не важно, касается ли это жизни при царе, или при большевиках. Ненавидит коммунизм, коллективизм и вообще все, что связано с большевиками. Вы слышали об «охоте на ведьм»?

— Ещё бы, мерзкая страница в нашей истории. Сажать людей в тюрьму за то, что у них есть своё мнение.

— Так вот, представьте себе, Райзен выступал экспертом по России перед комиссией по расследованию антиамериканской деятельности в Голливуде.

— По-моему, там речь шла о нескольких фильмах, сделанных в поддержку русских во время войны.

— Он мне пару раз описывал эту «гнусность», как он называл, в красках. Это касалось одного фильма, кажется, «Песнь о России». Рассказывал с отвращением, что это мерзкая пропаганда тоталитарного общества. Нельзя прославлять народ, который сражался за рабское государство. Возмущался, что в фильме показаны улыбающиеся дети, хрустальные люстры, роскошные рестораны, чистые улицы. Чего в России быть не могло.

— Мне не верится, что там нет хрустальных люстр, и никто не улыбается.

— Это не важно, дорогой мой, главное, ему дали облить грязью бывшую родину, — усмехнулся Роджер. — Он быстро натурализовался в Штатах и смог сделать себе огромное состояние. Думаю, это не случайное совпадение.

— Понятно, а на эти бешеные деньги купил себе кресло мэра этого города.

— Почему вы решили, что он — мэр? Он лишь вложил деньги в строительство города. А правит всем вовсе не он. Я вам потом объясню.

К ним подошёл один из посетителей, который сильно выделялся среди всех остальных — под густыми, длинными, чёрными бровями близко посаженные круглые, выпуклые глаза с безумным взглядом и тонкие усики, загнутые вверх тонкими ниточками, как усики диковинного жука. Только у него на роскошном фраке в виде бутоньерки красовалась огромная алая роза, а не маленькая белая гвоздика.

— Эдвард, как я рад, что вы выздоровели! — произнёс он манерно. — Я не надеялся вас увидеть. Вы теперь сможете поддержать вашего дядю. Надеюсь, что вы присоединитесь ко мне и вашему лучшему другу Хьюберту на одном из моих вечеров? Сэр Роджер, я хотел бы увидеть вас с племянником на премьере моего великолепного спектакля.

— Эдвард ещё не достаточно здоров, чтобы выдержать весь спектакль, — сказал Роджер холодно, сжав незаметно локоть спутника, увёл в сторону.

Когда они отошли к высокому окну, задрапированными бордовыми шторами с тяжёлыми, золотыми кистями, Роджер тихо сказал:

— Главный меценат города. Он тоже русский, как и его лучший друг, и покровитель. Сальвадор Каваллини. На самом деле его зовут Семён Ковальчук, но ему нравится, когда его называют артистическим псевдонимом, под которым он выступал.

— Таракан на булавке. Пыжится изобразить из себя Сальвадора Дали.

— Вон тот молодой человек, который стоит рядом с Каваллини, и одет как попугай, тоже ваш большой друг, — добавил Роджер, кивнув на миловидного молодого человека, в длиннополом твидовом пиджаке в крупную сине-голубую клетку, с бархатным воротником и манжетами, и узком галстук-бабочке в горошек. — Даниэль Хьюберт. Запоминайте.

Воздух прорезал визгливый голос:

— Сэр Роджер, Эдвард, как я рад вас видеть!

К ним подкатился толстяк, с чьей дородной внешностью тонкий голос совершенно не сочетался.

— Что с вами, Эдвард? — воскликнул он. — Вам дурно? Вы побледнели.

— Я замечательно себя чувствую, мистер Хаммерсмит. Как у вас дела на заводе?

— Не так уж и хорошо, — недовольно пропищал Хаммерсмит. — После того, как пропал мой лучший инженер дела пошли из рук вон плохо.

— Магнус, я надеюсь, вы не обвиняете меня в этом? Не думайте, что я переманил его к себе. Штат моих сотрудников не увеличился. Вы можете это проверить.

— Ну что вы, сэр Роджер, — проверещал Хаммерсмит, тщетно стараясь придать голосу любезность. — Я верю. Я поставил в известность полицию, они обязательно его найдут, живого или мёртвого.

— Зачем вы сообщили в полицию? — поинтересовался с издёвкой молодой человек. — Он что-то украл у вас?

Хаммерсмит растерялся:

— Ну как же, мистер Кармайкл, человек ушёл с моего завода и исчез, — пробормотал он, наконец. — Я несу за него ответственность.

— Пусть ищут родственники. Зачем владельцу завода искать своего работника? Вы так заботитесь обо всех своих людях?

Хаммерсмит, бросив высокомерный взгляд, с комичным пафосом изрёк:

— Да, я забочусь обо всех людях, которые работают на меня! И особенно о талантливых, как этот инженер.

— Может быть, это не совсем так, мистер Хаммерсмит? Он сбежал от вас, потому что ему не так уж и хорошо работалось у вас?

Роджер сжал ему руку и строго проговорил:

— Эдвард, помолчите. Магнус, извините, мой племянник ещё не пришёл в себя окончательно. Он ведёт себя неадекватно. Вы должны это понять.

Хаммерсмит, бросив исподлобья злобный взгляд на обоих, развернулся и, заложив руки за спину, уплыл в сторону, комично переставляя короткие ножки.

— Извините, Роджер, я веду себя, как идиот.

— Держите себя в руках, — предупредил Роджер, и добавил, увидев, куда устремлён взгляд собеседника. — Камилла, жена Райзена.

В зал вошла девушка, несмотря на множество представительниц слабого пола, присутствующих здесь, она сразу приковывала внимание: идеально изогнутые «оленьи» глаза с пушистыми ресницами, густые, светлые волосы открывали чистый лоб, обрамляли волной лицо и ниспадали на плечи. Высокую, упругую грудь выделяло слишком открытое ярко-алое, облегающее платье, подчёркивающее точёную с осиной талией фигуру.

— Что между ними может быть общего? Она раза в два моложе его. Знаю таких особ, которые на все готовы ради денег.

— Мой друг, вы чересчур предвзяты.

Перебивая гул в зале, послышался громкий радостный визг Хаммерсмита:

— Мистер Эскью, как же вы так, не стоило вистовать без козырей!

— Хаммерсмит — шулер, — усмехнулся Роджер. — Виртуоз в своём деле. Обчищает всех, кто садится с ним играть.

— Зачем же тогда с ним играют?

— Его никто не ловил за руку.

— Я с ним сыграю.

— Не стоит. Вы проиграетесь. Он будет издеваться над вами. Впрочем, как хотите, — махнул рукой Роджер.

За круглым ломберным столиком в преферанс играли Хаммерсмит, Каваллини и Эскью. Увидев Роджера с племянником, Хаммерсмит похлопал себя по тугому животу и проронил самодовольно:

— Видите, сэр Роджер, мне тоже везёт в картах, как и вам. Не хотите со мной сыграть, Эдвард? Или боитесь? Ничего, ставки маленькие, за вас, как всегда, заплатит дядя, — гнусно захихикал он.

— Я попробую, мистер Хаммерсмит.

Губы Роджера тронула презрительная усмешка, он отошёл к барной стойке, взял коктейль, и сел в кресло у стены. Изредка бросая чуть заметный взгляд, который выдавал его беспокойство. Через некоторое время толпа окружила столик, скрыв от глаз «поле битвы». Роджер откинулся на спинку кресла и задумался.

Недовольный вопль заставил его вздрогнуть.

— Вы жульничаете! Я прекрасно вижу, вы все время одёргиваете манжеты. Вы там прячете карты. Вы шулер! Я знаю вашу репутацию!

Роджер не поверил своим ушам. Голос принадлежал Хаммерсмиту! Неужели ему попался противник не по зубам? Роджер подошёл к столику.

— Хаммерсмит, я наблюдаю внимательно за игрой, Эдвард играет честно, — спокойно проронил Эскью. — Сядьте и успокойтесь.

— Нет! Снимите пиджак! — заорал ещё громче Хаммерсмит, пристально наблюдая, как молодой человек, скинув пиджак, аккуратно повесил на спинку стула.

Но через пару раздач, Хаммерсмит завопил ещё громче:

— Засучите рукава, Эдвард, я вам не верю!

Роджер чуть напрягся, когда молодой человек лёгким движением расстегнул манжеты, обнажив запястья, на каждом из которых красовался широкий металлический браслет, усыпанной бриллиантовой крошкой.

— Мистер Хаммерсмит, — услышал Роджер насмешливый голос своего спутника. — Мне догола раздеться, чтобы вы не нервничали? Это будет не совсем прилично. Здесь дамы. Но я готов.

Хаммерсмит, тяжело засопел, стал бросать из-за карт сердитый взгляд. И вновь подал голос:

— Эдвард, покажите взятку! Покажите!

— Мистер Хаммерсмит, это не последняя, я не могу показать.

— Все равно покажите! Этого не может быть!

Роджер начал чуть заметно нервничать. Эскью не выдержал и покинул «поле боя», дуэлянты остались с глазу на глаз.

— Фальшренонс, мистер Хаммерсмит, ну, сколько ж можно ошибаться? Третий раз

подряд. У вас же есть червовая десятка. Или вы запомнили, что у вас есть козырь? Я и так прощаю недозаказ. Вхожу в ваше положение, вы нервничаете.

— Заткнись, мальчишка! — вскрикнул Хаммерсмит. — Ты пытаешься вывести меня! Из равновесия!

— Хаммерсмит, прекратите, — сказал наблюдавший за игрой Эскью. — Умейте достойно проигрывать.

Хаммерсмит осёкся, пробурчал что-то невразумительное и отчётливо произнёс:

— Семь без козырей.

— Что ж такое, мистер Хаммерсмит? Как это вы так сумели забыть, что до этого было восемь червей.

Хаммерсмит вскочил и заорал так, что зазвенели стекла:

— Хватит! Я не собираюсь больше играть с шулером!

— Вы ошибаетесь, Хаммерсмит. Я не умею засылать пакеты, выдёргивать карты, подменять на краплёные, как вы. И видите, я сижу почти голый, а у вас полколоды в одном кармане пиджака, полколоды — в другом, а в кармане брюк пара тузов.

Хаммерсмит побагровел и, сузив злобно глаза, хрипло бросил:

— Встретимся в суде.

Он развернулся, чтобы уйти, но наткнулся на Эскью, который сухо сказал:

— Мы должны проверить то, что сказал молодой человек.

— Вы не имеете права меня обыскивать! — завизжал Хаммерсмит, пытаясь вырваться из рук. — Хорошо! Проверяйте, — неожиданно согласился он, сняв пиджак и тряся его над столом.

Роджер увидел, как молодой человек аккуратно взял из его рук пиджак Хаммерсмита, засунул руку в карман и, отогнув подкладку, показал потайной кармашек.

— Вы подложили мне колоду! — заверещал Хаммерсмит.

Мигнул свет, раздался душераздирающий звук, будто разрывали сотню кусков материи. В потолке образовался овал, уходящий куда-то в бесконечность, переливающийся всеми цветами радуги. Откуда выпрыгнул человек в рабочем комбинезоне, увешанный оружием, с дробовиком в руках. Уселся в кресло и положил, скрестив, ноги на стол. В других частях зала тоже образовались овалы, из которых высыпались существа, похожие на вылезших из могилы покойников. Они были в грязных, замусоленных костюмах, с рожами, похожими на восковые маски, поплывшими от жара, искажённые безумным весельем. Гнусно гогоча, они расселись на потолке и стенах.

— Я вижу, как вы рады моему приходу, — сказал человек, бросив взгляд на лица посетителей. — Развлекайтесь. И все без меня. Быстренько, все кошельки на стол.

Понаблюдав за действиями своих жертв, он молниеносно оказался рядом с Камиллой, схватив её за талию, проговорил:

— Камилла, цыпочка, не хочешь развлечь меня?

Посадив на колени, начал грубо лапать, заставляя вздрагивать от отвращения. Никто не пошевелился, чтобы защитить её. Лицо Райзена представляло собой абсолютно бесстрастную маску.

— Эдвард, не смейте этого делать! — прошипел Роджер, заметив, как рука его спутника скользнула к заднему карману брюк. Но тот и не подумал послушаться.

— Оставь её, мерзавец.

Главарь с кривой ухмылкой взглянул на дуло револьвера, замаячившее перед носом и

вдруг закинув голову, расхохотался. Он сделал незаметный жест рукой, револьвер какой-то невидимой силой вырвался из рук противника и отлетел в сторону. Парочка мерзких существ, прыгнув с потолка, мгновенно оказались рядом, схватив молодого человека под руки. Бандит, оттолкнув Камиллу, вскочил с места. Гадливо ухмыляясь, похлопал по щеке врага, которого в смертельных тисках сжимали отвратительные твари.

— Эдвард, я так рад тебя видеть. Ты что-то сказал? Не хочешь повторить? Почему же ты молчишь? Язык проглотил?

Сверкнула молния, электрический разряд пронзил уродов. Они рухнули наземь, как подкошенные сзади молодого человека.

Главарь съёжился, затрясся мелкой дрожью, заметив, как освободившейся враг, так эффектно расправившийся с двумя уродами, нехорошо улыбаясь, потирает браслеты, только что продемонстрировавшие свою потрясающую мощь.

Раздался треск, бандит со своими подручными мгновенно исчезли в образовавшихся порталах.

— Не думал, что встреча с вашим прежним хозяином так встревожит вас, — произнёс Роджер задумчиво. — Вы говорили, что не встречались с ним раньше.

Они возвращались домой. Откинувшись на спинку сиденья роскошного авто Роджера, его спутник лениво крутил руль. Теперь он выглядел несколько иначе, модная причёска разлохматилась, с его лица будто сошёл лоск.

— Не встречался. Но теперь я понял, кому принадлежал этот мерзкий фальцет, который повторял: «Всыпьте ему ещё. Всыпьте так, чтобы он не мог ни встать, ни сидеть». Ненавижу. Если бы вы не вмешались, свернул бы его жирную шею!

— Скажите, дорогой мой, вы подвергались сексуальному насилию на его заводе?

— Слава богу, нет. Они не успели. Но я был на волосок от этого. Если бы это произошло, я бы с вами не разговаривал.

— Вот как?

— Я бы застрелился или повесился. Смотря, что нашёл бы быстрее — верёвку или револьвер.

— Это для вас так неприятно?

Фрэнк нахмурился, бросив на Роджера напряжённый взгляд.

— Это самое страшное для любого мужчины.

Роджер чуть заметно усмехнулся.

— Роджер, вы не думаете, что меня разоблачат? Американское произношение?

— Не кокетничайте. У вас почти безупречный британский выговор. Я был удивлён, когда вы сказали, что родились в Штатах.

— Я хотел быть музыкантом, точнее вокалистом, джазовым. Брал уроки у преподавателя, избавлялся от провинциального акцента, оттачивал фразировку, ну знаете, как у Фрэнка Синатры.

— Я предпочитаю Бинга Кросби, — перебил его Роджер.

Фрэнк чуть заметно усмехнулся.

— Ваши уроки, Роджер, мне тоже сильно помогли. Я вам очень благодарен за всё.

— Благодарите не меня, а Юргенсона, — сухо проговорил Роджер. — Он просто волшебник. Какой безжалостностью нужно обладать, чтобы отравить человека

этиленгликолем? Они вас обманули, у них не было противоядия. Лишь надеялись, что через некоторое время у вас наступит эйфория, вы почувствуете себя лучше. И возможно выживете. Но ваш ослабленный организм не дал бы вам ни одного шанса. Вас спасло только то, что Юргенсон обладает уникальной лабораторией. И смог провести полную очистку вашего организма.

Фрэнк сжал зубы, сглотнув комок в горле, закрыл рукой лицо.

— Извините меня, мой друг, — Роджер дружески похлопал его по колену. — Я больше не буду тревожить вас этими воспоминаниями. Расскажите мне немного о себе. Вы говорили, что хотели стать певцом? Что же вам помешало?

Фрэнк отнял руку, вздохнул. И через силу объяснил:

— Мать сказала, что я стану певцом только через её труп. Она хотела, чтобы её сын стал солидным человеком, приобрёл вес в обществе. Артист — ненадёжная профессия. Хотя на рояле немного играю до сих пор. И пою. Но у меня, наверняка, другой тембр голоса, чем у вашего племянника.

— Нет, у вас на удивление схожие голоса. Кстати, Эдвард тоже неплохо пел. У него был большой диапазон, три с половиной октавы. Академическая техника.

— Нет, у меня меньше, — усмехнулся Фрэнк. — Максимум две.

— Он получил хорошее воспитание, иностранные языки, музыка, потом закончил Кембридж. У него была светлая голова. До определённого момента. Но вы не должны беспокоиться так уж сильно. Я — друг Алана Райзена, — в уголках рта Роджера появилась злая улыбка и быстро исчезла. — Можно сказать, лучший друг. Мне позволено больше, чем остальным. Но все равно не переходите границу.

— Роджер, если вы друг Хозяина, почему вы не расскажите ему о том, что творится на заводе Хаммерсмита? Хотя бы в общих чертах, без подробностей.

— Ну, во-первых, как я объясню, что узнал об этом? Знаешь, дорогой Алан, с завода Хаммерсмита ко мне пришёл инженер. Он был очень болен, я оплатил его лечение, пластическую операцию, чтобы выдавать за своего племянника. Это невозможно. Я подставил бы себя под удар. А, во-вторых, даже, если бы Райзен узнал, он бы не стал ничего делать.

— Почему?

— Он ни во что не вмешивается. Считает, что бизнесмены сами должны регулировать свои отношения с наёмным персоналом. Полная свобода. Во всем. А, вы обманули меня, мой дорогой, — добавил Роджер без тени упрёка, явно, чтобы перевести разговор на другую тему. — Сказали, что эти браслеты нужны вам, чтобы прикрыть шрамы от кандалов, а сами делали страшное оружие.

— Роджер, ну какое оружие?! Пугач. Электрошокер.

— Когда тела этих несчастных обуглились до костей, я заметил, что в шоке были все. Ну, кроме вас, конечно. Вы ощущали себя Зевсом-громовержцем. Я думал, вы собираете новый «движок» на моем заводе, а вы делали ужасное оружие, чтобы продемонстрировать его на глазах Райзена. Другого места не нашли.

— Я лишь немного усовершенствовал то, что было с помощью этой замечательной штуки, как вы её называете — сыворотка А-192. С ней можно горы свернуть.

— Не увлекайтесь этим сильно, — предупредил Роджер. — Но зачем вы бросились спасать Камиллу? Её жизни ничего не угрожало. Этот паяц собрал бы кошельки и ушёл, никого не тронув.

— Роджер, а если этот мерзавец изнасиловал бы её на глазах всех, мужа?

— Какое вам до этого дело? Альтруистические порывы не приветствуются в нашем городе.

— Почему?

— Моральный каннибализм.

Фрэнк удивлено поднял брови:

— Вы шутите?

— Альтруизм, самопожертвование — нравственная основа коллективизма, коммунизма. Всё, что ненавидит Райзен. Если вы не хотите нажить себе врага в лице Хозяина, забудьте раз и навсегда эти привычки.

Фрэнк издал короткий смешок, но спорить не стал.

— Роджер, а что это за существа в клубе. Похожие на зомби?

— На кого? Не совсем понимаю, что вы имеете в виду. Вы видели тех несчастных, кто обезумел от употребления сыворотки. Обычно они находятся в закрытых районах города, но порой вырываются оттуда и нападают на нормальных людей. Они агрессивны, очень опасны.

— И что мешает их уничтожить?

— Это очень сложно, их ряды постоянно пополняются. Некоторых пытаются лечить. Как, к примеру, моего племянника.

— А если его вылечат, вы меня пристрелите? — поинтересовался Фрэнк с иронией.

— Вряд ли это возможно. Впрочем, теперь я скорее пристрелил бы его, чем вас. Я смог убедиться, что вы более полезный член общества.

— Я так и не понимаю, Роджер, зачем я вам нужен?

— Не торопите события, мой дорогой. Вы все узнаете в своё время.

Фрэнк нахмурился, ушёл в себя.

— Дорогой мой, надеюсь, вы не думаете, что я собрался сделать из вас своего любовника? — наконец прервал молчание Роджер. — Ради этого я не стал бы так рисковать. Я женат, моя жена находится в той же клинике, что и мой племянник. Её тоже пытаются лечить. Совершенно безрезультатно.

Фрэнк бросил на него взгляд, заметив, как печальной дымкой подёрнулись глаза Роджера.

Глава 4. Арест

Фрэнк ощутил, как земля уходит из-под ног.

Саммерс похлопал его по щеке и, скаля зубы, с наигранным дружелюбием изрёк:

— Ну что ты, Фолькленд, падаешь в обморок, как барышня. Будь мужчиной, тебе недолго осталось им быть.

Оглушительно забилась кровь в висках. Понимая, что у него нет никаких шансов спастись, он все равно начал с невероятной силой вырываться из рук надзирателей под гадливым взглядом Саммерса, получавшим невероятное удовольствие от унижения жертвы. С него сорвали одежду, бросили его животом на узкий стол, один из охранников прижал его спину, которую затянули кожаными ремнями.

Кто-то подошёл сзади, резко развёл его ноги — острая боль обожгла задний проход.

— Расслабься, получи удовольствие, — услышал он насмешливый голос.

Стало трудно дышать, казалось, он ощутил у самого горла, как его словно проткнули колом. Чья-то вонючая ладонь заткнула рот, он уже не кричал, а рычал. Ощущал, как текут по ногам струйки крови и спермы, и с каждым толчком по телу прокатывается невыносимая волна боли и стыда.

Он услышал горячий шёпот Саммерса:

— Правда, здорово? А, Фолькленд? А сейчас будет ещё лучше!

Фрэнк ощутил внутри растерзанного тела холодный металл, пронзил чудовищный разряд тока. Он услышал свой звериный вопль и проснулся.

Он присел на кровати, тяжело дыша, пытаясь стереть дрожащей рукой испарину. Раздался стук в дверь. В спальню вошёл Роджер.

— Извините, дорогой мой, что вторгаюсь. Я проходил мимо и услышал, как вы кричали, звали на помощь. Вы плохо чувствуете себя?

— Боже, Роджер, если бы вы знали, от какого кошмара вы меня спасли.

Фрэнк прижал ладони к лицу, словно пытаясь заслониться от пережитого ужаса.

Роджер повернулся к окну, заложив руки за спину. Помолчал.

— Вам надо больше выходить на улицу. Вы слишком переутомились. Все время торчите на заводе.

— Роджер, я не хочу никуда выходить. Без вас. Боюсь встретить кого-нибудь. Вдруг меня узнают. И я вернусь в этот ад.

Он уже пришёл в себя, хотя голос звучал слабо. Откинулся на подушку, бездумно уставился в стену напротив, где висела картина в стиле абстракционизма.

— Безусловно, узнают. Узнают в вас Эдварда. Вы должны привыкнуть к этому. Я не могу все время ходить с вами, как с маленьким ребёнком. Это уже начинает выглядеть неприлично. В двух кварталах от завода есть казино-бар «Золотое руно». Эдвард любил там бывать. Просаживал много денег.

— Вы хотите, чтобы я тоже...

— Я надеюсь на ваше благоразумие. Но вы должны больше перенять привычек Эдварда. Проиграйте много денег, напейтесь, черт возьми, наконец, — он усмехнулся, заметив, с каким презрением скривился Фрэнк. — В гостиной играет живой оркестр, как вы любите, — пояснил Роджер. — Но не забудьте документы. Ваше лицо, лицо Эдварда, известно многим,

но для полиции это не важно. И не забывайте — вам нельзя попадать в полицию. Это чревато и для меня.

Фрэнк видел такие клубы раньше только в кино, или на старых фотографиях. Здесь сохранялась атмосфера тридцатых-сороковых годов прошлого века — эпохи больших джазовых оркестров — биг-бэндов. Разумеется, он понимал, что не услышит ни Каунта Бейси, ни Гарри Джеймса, ни «сентиментального джентльмена джаза» Томми Дорси. Но оркестр, играющий в гостиную, умело создавая восхитительное кружево звуков, сотканное из отточенных мелодических фраз, покорял виртуозной импровизацией, и казалось, ничем не уступал в мастерстве классикам.

Здесь было почти по-домашнему уютно. И в то же время стильно. Небольшое помещение, круглые столики с белыми скатертями, стулья с изогнутыми в виде арфы спинками. Пол выложен наборным паркетом со строгим геометрическим рисунком, входы в зал в виде арок. Сцену огибала деревянная балюстрада. В потолок упиралось несколько колонн с лепным декором, но они скорее служили для украшения, чем подпирали свод.

Казино пользовалось успехом у великосветской публики. По залу прохаживались многие персонажи светских хроник. «Однорукие» бандиты, жадно пожиравшие огромное количество фишек, редко делились выигрышем, но это мало волновало тех, кто играл. Фрэнк уже привык к странностям этого города — роскоши, стилю пятидесятих годов и молодости горожан. За все время пребывания в городе, Фрэнк не встретил ни одной немолодой женщины. Свежие без единой морщинки лица с ровным румянцем. Белоснежные, идеально ровные зубы. Высокая, литая грудь. Безупречная фигура с осиной талией.

Зачастую мужчины не отставали от женщин. Атлетическая фигура, пропорциональные черты лица, которые могли бы послужить эталоном «золотого сечения». Проблема заключалась в том, что идеал, которому придерживалось большинство людей, совпадал. Мужчины и женщины выглядели одинаково красивыми, и раздражающе похожими, словно ленивый создатель штамповал их по одной матрице.

За редким исключением.

Оркестр перестал играть, вокалист ушёл со сцены. Фрэнк решил бросить пару монет «однорукому» бандиту, дёрнул ручку, быстро закрутились фигурки в окошке. Проигрыш. Он бросил ещё пару монет.

И краем глаза заметил очень знакомый силуэт. Нового персонажа. Супруга Хозяина и двое амбалов с квадратными плечами и подбородками, охраняющие её, словно церберы. Фрэнк стал медленно передвигаться по залу, переходя от одного автомата к другому, делая небольшие ставки в рулетку, пока не оказался почти рядом. Изящным движением она вытащила длинную сигарету из золотого портсигара, Фрэнк молниеносно оказался рядом, протянув зажигалку, успев оказать услугу даме раньше «горилл».

— Эдвард? Ты давно здесь не появлялся, — голос Камиллы звучал равнодушно.

Он присел за столик, не дожидаясь приглашения. Она бросила мимолётный взгляд, содержащий ясный приказ, на своих спутников. Они тут же поднялись и отошли к стене.

— Я сейчас очень занят на заводе дяди, — ответил Фрэнк, что являлось чистой правдой. — Мы запускаем новую линию.

— Ты, наконец, взялся за ум. Я рада, — холодно проронила она. — Как поживает твой лучший друг Даниэль Хьюберт?

— Не знаю, я давно его не видел. Мне было некогда, — бросил Фрэнк сухо, не понимая,

почему она интересуется, да ещё таким тоном, в котором ощущалось столько ядовитой насмешки.

— Правда? Ты перестал посещать вечера мистера Каваллини?

— Камилла, я же объяснил — мне сейчас некогда. Я помогаю дяде.

— Интересно. И ты завёл новых друзей?

— Нет. Пока было не до этого. Камилла, я начал жизнь с нового листа, — попытался смягчить разговор Фрэнк. Ледяной, неприкрыто враждебный тон собеседницы злил его. — И хотел бы, чтобы мы помирились. Чтобы ты извинила меня. За все, что я сделал. Пойми, я изменился. Мы могли бы начать все с начала.

— Сначала? Эдвард, возможно, ты запамятовал. Я уже замужем.

— Господи, какое это имеет значение! Что он может тебе дать? Как мужчина, он же почти старик.

— А ты можешь? — она с откровенной усмешкой оглядела его.

Он подсел поближе, прижал к себе, дотронулся губами до шеи. Реакция Камиллы ошеломила. Она отшатнулась, словно от ядовитой змеи, вонзив ему в пах острые ногти с такой силой, что Фрэнк согнулся от боли, перехватившей дыхание. Из глаз брызнули слезы.

— Слушай меня внимательно, мерзавец! — прошипела она. — Если ты ещё раз посмеешь ко мне приблизиться, я оторву твой грязный член и засуну в твою вонючую задницу, чтобы ты сам себя поимел! Пошёл вон!

Рядом мгновенно возникли её телохранители, недобро переглядываясь и разминая кулаки.

Фрэнк, с трудом сдержав стон, бросил незаметный взгляд на публику, которая явно не заметила этой драмы, и перебрался на подкашивающихся ногах к своему столику. Такого унижения не доставляла ему ни одна женщина. «Ох, Роджер. Кажется, он мне чего-то сильно не договаривает. Очень сильно».

Он решил, что сегодня он перевыполнит просьбу Роджера, проигратся в пух и прах, и напиться. Сделал жест рукой официанту, чтобы тот принёс ещё бутылку.

Он дошёл до половины этого пойла. Обида и боль начали угасать. Он не обратил на все возрастающий шум в зале, и вновь налил себе, выпив залпом.

— Ваши документы?

Фрэнк ословелыми глазами взглянул на спрашивающего, похлопал себя по карманам и тут же мгновенно протрезвел. Снизу доверху охватил леденящий холод.

— Простите, я забыл документы. Меня зовут Эдвард Кармайкл. Сэр Роджер — мой дядя.

Коп сразу перестал услужливо улыбаться и сделал знак рукой своим спутникам, которые возникли рядом. Фрэнк увидел краем глаза, как Камилла со своими спутниками направилась к выходу. Возможно, у него есть шанс.

— Миссис Райзен, может подтвердить, что я — племянник лорда Кармайкла, — начал Фрэнк.

Копы переглянулись, один из них задержал Камиллу. Она оглядела Фрэнка с ног до головы, словно выбирала, в какое место ударить молнией, чтобы безжалостно убить на месте.

— Впервые вижу этого грязного бродягу, — почти не разжимая губ, произнесла она и, взяв под руку одного из горилл-близнецов, проследовала к выходу.

Они грубо вытащили Фрэнка на улицу, и швырнули в чёрный пикап. Фрэнк уселся на

скамейку рядом с крошечным, зарешеченным окошком, думая только о том, что у него с собой нет ничего, чтобы сразу покончить с этой проблемой — ампулы с ядом или револьвера.

К обезьяннику подошёл коп, зевая, произнёс:

— Ты, который у стены, подымайся.

Страх парализовал разум. Просить о помощи Роджера? Но он же предупреждал — попадаться в лапы копам, значит, подставлять своего благодетеля под удар.

Хмурый коп с красными от бессонницы глазами поднял на Фрэнка равнодушный взгляд.

— Это ты видел? — он бросил перед физиономией Фрэнка два листа бумаги с отпечатками пальцев. — Ну что, по-прежнему, будешь утверждать, что ты — Кармайкл, или скажешь, кто на самом деле? — Что молчишь, ублюдок?

Ловушка захлопнулась с оглушительным грохотом. В голове уже ясно вспыхивала картина мрачного цеха, ряды коек, серая лента конвейера. И ухмыляющееся лицо Саммерса. Хотя тот не узнал бы бывшую жертву, но вряд ли стал бы возражать из-за подобной замены.

Коп, лениво качаясь на стуле, изучал Фрэнка.

— Ну чего с ним будем делать? — наконец, проронил он. Зевнул всем ртом, поковырялся в зубах. — Как думаешь, может он входить в эту шайку?

— Вряд ли, — отозвался его товарищ. — Слишком чистенький. Маникюр-педикюр.

Ему явно не хотелось возиться с неизвестным бродягой.

— Ладно. Дайте ему по роже, — он ещё раз широко зевнул и углубился в бумаги.

Двое копов схватили Фрэнка под руки. Третий начал точно, методично избивать со знанием дела. Главный изредка поднимая глаза, со скучающим видом наблюдал за экзекуцией. Когда Фрэнк повис без чувств, он приказал:

— Выброси этот мусор и следующего веди.

Фрэнк очнулся на холодной, сырой земле, пошевелился, вздрогнув от острой боли. С трудом поднявшись, осмотрелся. Неужели он так легко отделался? Но тут же понял, что сильно ошибся. В призрачном лунном свете проявились новые персонажи, до леденящего ужаса похожие на тех, кого он видел в английском клубе. Их рожи, будто восковые маски поплыли от жара, образуя причудливые наплывы. Хотя одежда все ещё хранила цивилизованный вид. У одного существа в белом врачебном халате блестел над головой осколок зеркала. У существа, отдалённо напоминающего женщину, на старомодном бальном платье сияли блески. У третьего — в профессорском пенсне отражался лунный свет. Судьба будто схватила их за шкурку и выбросила в это странное место в том виде, в каком застала.

Сбежать Фрэнк даже не пытался. Весёлая троица окружила его, и начала колотить с такой жестокостью и силой, что быстро не оставила живого места. Трещали ломающиеся под ударами ребра. Правая рука, которой он пытался защитить глаза, повисла как плоть. Все тело, и так избитое копами, ощущалось теперь, как единый источник мучительной боли.

Даже, когда он упал ничком в лужу крови и замер, они ещё долго его колошматили. Утомившись, стали обыскивать карманы. Нашли мелочь, но рассмотрев внимательно, бросили.

— Какой хорошенький, — прозвучал мелодичный голос, и Фрэнк ощутил, как кто-то

стирает с его лица кровь.

— Розы, он пока не для тебя. Подожди пару деньков и будет в самый раз, — с издёвкой отозвался второй.

— Фи, Джим, ты грубый и невоспитанный извращенец, — фыркнула дама обиженно.

Потеряв к нему интерес, троица удалились. От боли он то проваливался во тьму, то возвращался в отвратительную действительность. Казалось, прошёл год, прежде чем он услышал голос:

— Посмотри, живой?

Кто-то присел рядом с ним и пощупал у него пульс.

— Живой, — ответил другой голос, более низкий и глухой.

— Человек?

— Похоже.

— Тогда, оттащим к нам.

Фрэнк ощутил, как кто-то похлопал его по щеке. Он попытался приоткрыть глаза, и увидел сквозь застилавшую кровавую завесу, стоящего рядом с ним мужчину средних лет, лысоватого, в широких старомодных брюках и жилете. Фрэнк пошевелился, но острая боль пронзила все тело, и он застонал.

— Лежи спокойно, — бросил ему мужчина.

«А как я иначе могу? Когда все тело болит так, как будто меня перемалывали в бетономешалке», — подумал Фрэнк с раздражением и заметил, что мужчина показал кому-то в сторону на пальцах цифру восемь.

— Не многовато? — буркнул недоверчиво тот, видимо, к кому обращалась эта просьба.

— Давай, давай быстрее, иначе наш мальчик окочуриться.

Вслед за уколом шприца в плечо, пронзила адская боль, в глазах засверкали яркие вспышки света, все тело стало бить, как будто электрическим током под высоким напряжением. «Наверно, так «поджаривают» на электрическом стуле».

Перед глазами все поплыло, он услышал только свой громкий стон, затем наступила полная темнота и тишина. Но когда сознание вернулось, жуткая боль сменилась на лёгкое покалывание, по телу разлилось приятное тепло, и мурашки побежали по коже.

Он заметил, что может двигать правой рукой, сломанная нога зажила. Он даже ощутил, что у него выросли зубы, которые выбили полицейские. Он легко спрыгнул со стола и стал осматривать себя с радостной улыбкой.

— Сильно тебя шандарахнуло? — сказал с насмешкой мужчина. — Да, эта штука серьёзная. Зови меня Док. Тебя-то как звать?

Фрэнк на секунду задумался и решил, что называться Эдвардом не стоит.

— Фрэнк.

Док ещё раз взглянул на него, о чем-то подумал, потом покопался в ящике старинного комода, который стоял в комнате и кинул Фрэнку стопку одежды.

— Проблемы с законом имелись? — продолжил расспросы Док.

Фрэнк хмыкнул. Оглядев ещё раз, Док спросил с усмешкой:

— Случаем не карманник? ОК. Не тушуйся, по всем нам виселица плачет. Ты кем раньше работал?

— Автомехаником. Вообще в технике разбираюсь. Если что-то надо починить, могу сделать.

— Починить? — задумался Док. — Нет, скорее понадобится сломать. Замок вскрыть

сможешь?

Фрэнк кивнул. Это вполне удовлетворило собеседника.

— Отдохни, потом на дело пойдёшь.

Фрэнк тяжело вздохнул, понимая, что у него нет другого выхода. Хотя попадаться в лапы копов, которые только что его отметили, не имел ни малейшего желания.

Они отправились группой в пять человек во главе с Бутчем, вожаком, низкорослым, плотно сбитым мужчиной, с чисто выбритой головой. К удивлению Фрэнка, вместо того, чтобы долго вылезать из этой дыры, Бутч открыл «ворота» — светящийся овал, который Фрэнк видел в клубе. Пройдя сквозь них, они оказались почти у самого полицейского участка, который находился в роскошном трёхэтажном здании в стиле ампира, изящными колоннами, подпирающими вход, за высоким, глухим забором из необработанного камня, вид которого внушал мрачные мысли.

Минуя забор, они пробрались через окно на второй этаж, где находились камеры. Оказавшись в коридоре, Фрэнк сделал знак остальным и на цыпочках прошёл вперёд, осмотрелся и, усмехнувшись, заметил камеру наблюдения, которая выглядела, как огромный кабачок с круглым отверстием на конце, из которого исходил красный свет.

Не попадая в область обзора, подкрался ближе, провёл рукой по основанию, достал пластинку, на которой поблескивали припаянные к ней элементы, ещё раз поразились примитивности устройства, быстро вывел из строя, и камера переключилась с красного света на зелёный. И улыбнулся, увидев поблескивающие в лунном свете глаза товарищей, которые явно восхищались его сноровкой.

Фрэнка вместе с Майло, сутулым, тощим парнем, с измученным лицом оставили сторожить. Один из оставшейся троицы стал взламывать замки в дверях камер, и выводить арестованных. Спрятавшись за уступом стены, Фрэнк заметил приближающейся к ним парочку копов. Они лениво переговаривались, поднимаясь по лестнице. Сделав знак Майло, Фрэнк дождался, когда они пройдут, вылез из засады, набросился на одного и копов и одним взмахом перерезал ему горло, тот, хрипя, рухнул вниз.

Второй коп оказался проворнее, он выскользнул из рук Майло и уже разинул рот, чтобы позвать на помощь, как Фрэнк молниеносно оказался рядом с ним, нанёс резкий, короткий удар локтем в солнечное плетение, тот хрюкнул и свалился на пол. Бутч, наконец, показал знаком, что им надо отходить. Фрэнк уже собрался присоединиться, но тут обратил внимания, что одна камера осталась запертой.

Саймон прошептал, покачав расстроено головой:

— Кодовый замок, нельзя вскрыть.

Фрэнк показал ему жестом, что попробует, но Саймон, нахмурившись, схватил его за рукав и зло проронил:

— Идиот, нельзя это делать. Промах, включиться сирена и сюда набегит толпа копов. Пошли! Быстро!

Фрэнк, вырвавшись из его рук, подошёл к камере, включил фонарик, чтобы осмотреть замок внимательнее. Не понимая, где подвох, открыл пластинку. Заметив кодовый замок, Фрэнк ухмыльнулся, прокрутил ручку, слушая внимательно на какой цифре, раздастся щелчок. Потом быстро набрав код, распахнул торжественно дверь.

Саймон, открыв рот, поражённо наблюдал за его действиями.

— Ну, ты мастер, — прошептал он восхищённо.

Они выбрались из участка и тут копы очухались, и, высунувшись из окон, выбежав на

крыльцо, начали поливать их ливнем пуль. Фрэнк, быстро сняв с плеча дробовик, и несколькими меткими выстрелами с удовольствием уложил парочку копов на месте.

Вернувшись обратно в логово, Фрэнк улёгся на свою койку, поджав длинные ноги, и подложив под руку голову вместо подушки, пытаясь задремать.

— Фрэнк, ты молодец, — отвлёк его голос Дока. — Вставай, давай я тебя починю.

Он заставил Фрэнка стащить изорванный свитер и ловко начал обрабатывать рваную рану на плече.

— А ты действительно врач?

— Ну да. Был когда-то. В больнице для бедных. Но потом все больницы для бедняков прикрылись.

— И кому они помешали?

— Да никому не мешали. Их содержал на свои бабки один наш благодетель. А потом его за что-то арестовали и все. Привет. Денег не стало, больница прикрылась.

— А в другую нельзя было устроиться?

— Куда? Богатеи все дома лечатся. А кому нужен личный врач-голодранец? Странный ты парень все-таки.

Прошла пара дней, Фрэнк освоился в банде. К нему стали относиться с уважением. Вскрыть кодовый замок, вывести из строя камеру наблюдения — он мог запросто. В конце концов, он стал своим. И его взяли на настоящее «дело». Глубокой, безлунной ночью он вместе с остальными оказался рядом с величественным зданием с выбитыми золотом буквами над входом: «Банк Джордана». Через мгновение они забрались на крышу здания и спустились на чердак через люк. И оказались около огромной двери из толстого листа стали.

Джордан, уверенный с надёжности сигнализации, даже не выставил рядом с ней постовых. Фрэнк изучил проводки, ведущие к двери, нашёл основной узел и вставил перемычку. Увидев несколько замков на двери, Фрэнк с улыбкой вспомнил множество фильмов об ограблении банков и подумал, что эта информация ему может пригодиться. Пара замков поддалась с лёгкостью, с третьим ему пришлось повозиться. Ощущая, как неистово колотится сердце, он набрал код, и медленно и осторожно нажал рычажок.

Замер, ожидая оглушительного воя сирены. Набегут копы, и он в лучшем случае окажется на заводе Хаммерсмита, а в худшем... Об этом он даже боялся думать.

Выдохнув воздух, Фрэнк приоткрыл тяжёлую дверь, которая с трудом поддавалась, и вошёл в хранилище, увидев банковские ячейки, закрываемые ключами. Его товарищи, обрадовано распахивая ячейки, начали заталкивать пачки банкнот в мешки, заставляя Фрэнка снисходительно улыбаться. Деньги, доставшиеся таким путём, его мало интересовали. Заглянув в одну ячейку, Саймон поморщился, и не стал из неё ничего вытаскивать, и Фрэнк из любопытства бросил туда взгляд, увидев толстые папки. Со скуки вытащил одну и, увидев содержимое, начал активно вытаскивать папку за папкой.

— Ты чего там нашёл? — спросил Саймон удивлённо. — Бумажки какие-то. На кой чёрт они тебе?

Фрэнк молча затолкал все папки себе за пазуху. Вместе с остальными он вышел в коридор, прикрыл дверь, закрыл все замки, протёр их, подумав про себя, что становится настоящим «медвежатником». Саймон вытащил устройство, нажал кнопку, все вошли быстро в образовавшийся портал и перенеслись за пределы банка. Оглядев мешки, Саймон

расхохотался, хлопнул по плечу Фрэнка и все ещё смеясь, проронил с трудом:

— Ну, теперь мы заживём, как короли!

Фрэнк вспомнил, как жил всего пару месяцев назад и поморщился.

— Не тушуйся! На эти деньжищи купишь себе любые документы, хоть Папы Римского и отличную квартиру. Где ты хочешь? В центре лучше не надо, там машин много. Духотища. Лучше домик где-нибудь.

Фрэнк подумал, что лучше бы, если ему просто дали отсюда сбежать, но промолчал, лишь тяжело вздохнул. Взвалив большой мешок на плечо, он, молча отправился вместе с остальными обратно в их дыру.

Вернувшись в логово, Фрэнк упал ничком на койку, поджав длинные ноги, и попытался задремать.

— На, твоя доля, — услышал он голос Дока

Рядом шлёпнулась пачка денег. Бросив взгляд на нахмурившегося Фрэнка:

— Что, мало что ли? Так все остальное ушло в общий котёл. Не обижайся, Фрэнк. Ты крутой парень. Так нам помог! Если хочешь, мы добавим.

— Да не мало, Док, я доволен, — ответил Фрэнк, стараясь, чтобы его голос не дрожал.

Док попытался взглянуть в его лицо и проронил изумлённо:

— Ты чего это? Плачешь что ли? Чего это с тобой? Чего случилось-то? Пойдём, угощу. Что-то ты совсем расклеился, — проворчал он, покачав головой.

Фрэнк поплёлся вслед, хотя открывать душу не имел ни малейшего желания.

Они прошли в кабинете Дока, в нос ударил запах медикаментов, в шкафчиках с треснутыми стеклянными дверцами стояли какие-то пузырьки, лежали стопки аптекчек. На столе валялись кучи шприцов и медицинские инструменты. Док махнул рукой, указывая на стул и, достав из-под стола бутылку скотча, уселся напротив Фрэнка. Он налил Фрэнку и заставил выпить, приятное тепло разлилось по телу и на душе стало легче.

— Ты чего такой хмурый? Не нравится, что мы тебя воровать заставляем? — поинтересовался Док.

— Да нет, — усмехнулся Фрэнк. — Наоборот, все здорово. Вспомнил мучения на заводе Хаммерсмита.

— Где-то и похуже есть, на заводах Форстера, к примеру, — проронил Док. — У Хаммерсмита все по старинке — плети, а у Форстера все страшнее. Ошейники с электротоком, лоботомия и прочие интересности.

— А ты откуда знаешь?

— С завода Форстера тоже кое-кто сумел сбежать, поэтому и знаю. Так почти везде.

— И никто не возмущается из-за беспредела в городе?

— А кто ж хочет болтаться в петле потом? — ответил Док, сделав несколько затяжек и выпустив ароматный дым. — Станный ты все-таки. Ничего о городе не знаешь. И на работягу не похож. Врёшь, небось, что автомеханик. Я бы сказал, ты — опустившийся артист, музыкант или художник. Пальцы тонкие, длинные.

— Я действительно работал автомехаником вначале. Отцу помогал, потом сам. У нас была маленькая автомастерская. Отец её продал, чтобы я мог учиться в колледже. Я, вообще-то, инженер-конструктор.

— Понятно, тяжело тебе пришлось на заводе этого ублюдка, — вздохнув, проронил Док. — Правда, умным людям везде нелегко.

— Ну а что же вы тогда не сбежите из города?

— А как же иначе? Отсюда не выберешься, — ответил Док с горечью. — Никаким способом. Вокруг океан. Куда ж отсюда денешься?

— Ну и что?! Можно сделать плот, лодку, судно!

Док, хитро улыбнулся:

— Скажи честно, недавно в город попал? Тоже купился на рассказы Райзена о городе-рае, где все живут свободно и счастливо?

— Да вроде того.

— А что, его философский трактат не читал?

Док покопался в ящиках стола и бросил перед Фрэнком затасканную брошюрку:

— Почитай, что он здесь пишет. Потрясающе! Крутизна! Читается, как сонеты Шекспира.

— «Человек разумный», — прочитал Фрэнк название. — Реферат по биологии? И что на эту тему можно нового сказать? — проронил он насмешливо.

— Не «человек разумный», а «человек — разумный эгоист», — поправил его Док. — Каждый человек имеет право стремиться к счастью.

— Свежая мысль, я бы сказал, — проронил с иронией Фрэнк. — Райзен не в курсе, что творится на заводе Хаммерсмита. Интересно, как я мог реализовать это право, когда меня пороли плетью и колотили дубинкой?

— Ну почему же, он-то как раз знает хорошо об этом, — возразил саркастически Док. — Он написал об этом: человек имеет право поддерживать свою жизнь своим трудом, но это не значит, что другие должны обеспечивать его жизненные потребности, — раскрыв книжечку на одной из закладок, прочитал он. — Понял? Тебе никто ничем не обязан.

— Очень удобно, — насмешливо проронил Фрэнк. — Ладно, почитаю, — добавил он, пряча брошюрку в карман. — Док, я хотел узнать...

Они оба вздрогнули от требовательного окрика, усиленного мегафоном:

— Сдавайтесь! Вы окружены! Выходите по одному из дверей с поднятыми руками. Даю вам пять минут!

Док быстро заглянул в окно и спрятался.

— Черт, копы! — воскликнул он.

Глава 5. Побег

Капитан Джексон Моксли, плотный, широкоплечий детина, с тяжёлой головой, сразу без предупреждения переходящей со спины на затылок, возглавлял операцию по захвату логова бандитов. Сдаваться мерзавцы не собирались, и открыли мощный огонь по полиции, несмотря на отчаянное положение.

Спустя полчаса одна за другой огневые точки захлебнулись, и копы перебежками подобрались к самому зданию. Один за другим впрыгнули на первый этаж, распахнули дверь. Моксли вошёл последним, удовлетворено хмыкнул, увидев парочку трупов, и стал ждать, когда подчинённые приведут остальных бандитов. Но спустя пару минут они вернулись ни с чем.

— В чем дело, где остальные бандиты? Убиты?

— Нет, больше никого нет, сэр! — отрапортовал лейтенант Бронсон.

— Чего ты мелешь?! Как это нет! Где Эшби?!

Когда копы притащили Тони, капитан зловеще процедил сквозь зубы:

— Ты же сказал, что подменил все устройства?! Куда же делись остальные бандиты? Отвечай, мразь! Если ты нас обманул, то мы тебя сегодня же повесим!

Тони растерянно оглядел коридор, усыпанный гильзами и битым стеклом, и пробормотал:

— Я все заменил, они не могли... Я знаю, — радостно крикнул он. — Они ушли через ход в канализацию, в подвале!

— Показывай! — пробурчал Моксли.

Тони быстро ринулся вниз по лестнице в подвал, поднял крышку люка, показывая ход. Моксли спустился тяжело вниз, взглянул вниз и заметил там остатки окровавленных бинтов и удовлетворённо хмыкнул.

— Быстро! Догнать! — скомандовал он.

Копы стали быстро спрыгивать вниз в грязную воду. Моксли, тяжело вздохнув, лишь успел занести ногу над люком, как дом потряс мощный взрыв. Взметнулась стена огня, которая мгновенно стала пожирать старое деревянное здание.

Место выглядело относительно безопасным. Но расслабляться не стоило. Они долго плутали по узким, грязным коридорам, под ногами чавкала грязь, скопившиеся за десятилетия, ужасная вонь сбивала с ног. И вышли на заброшенную станцию метро: арки из золотистого кирпича переходили в полукруглую, блестящую крышу, сверху над путями висела изящная площадка, на которую вела широкая лестница с остатками перил со стеклянными проёмами. На путях стояло несколько вагонов, здесь сохранились длинные диванчики, обитые остатками мягкой бордовой кожи с узорами, которые, правда, уже стали еле различимы. Разместив раненых, Фрэнк улёгся в одном из вагонов. Заложив руки за голову, решил отдохнуть, прикрыв измученные глаза.

Весёлый голос оторвал от воспоминаний.

— Ну, ты крутой, Фрэнк. Никто бы кроме тебя до такого не додумался!

Фрэнк открыл глаза и увидел радостные глаза Дока, который с явным восхищением смотрел на него.

— Да ладно, чего уж тут. Ничего особенного. Нельзя терять надежду.

Док залез в вагон и уселся на диванчик.

— Представляю физиономии копов, когда они увидели, что никого нет, — хмыкнул он.

— Док, кто из наших пропал? Я не видел Бутча, Тони и Джерома. Они все там остались?

— Нет, Бутча и Джерома убили, а вот Тони исчез до перестрелки, похоже. Уж не он ли продал нас копам?

Фрэнк тяжело вздохнул.

— Да, наверняка, — с горечью проронил он. — Ладно, пойду, осмотрюсь.

Фрэнк впрыгнул на платформу. Все двери закрывались стальными щитами с внушительными по размеру «амбарными» замками. Его разобрало любопытство. Найдя подходящую железяку, он сорвал замок, и хотел снять балку, но задумался. Идти одному не хотелось, приятнее, если кто-то прикрывает спину, но мог ли он приказать этим людям рисковать жизнью?

Рядом нарисовался Марк.

— Помочь, командир? — весело поинтересовался он.

Фрэнк поморщился, но подумал, что «командир» — это шутка.

Вместе с Марком они сняли балку и распахнули дверь.

Фрэнк кинул на Марка быстрый взгляд и пробормотал:

— Надо позвать кого-нибудь — задницу прикрыть.

— Сейчас сделаю, — отрапортовал Марк, и быстро сбежал с платформы. К изумлению Фрэнка он привёл пятерых парней, увидев взгляды, обращённые к нему: «приказывай, командир», решил не разочаровывать.

— Со мной пойдут Марк, Шон и Боб, — сказал он, стараясь, чтобы его голос звучал уверенно. — Будем связываться по рации, если понадобится помощь — я прикажу.

Сделав знак своей команде следовать за ним, он осторожно прошёл внутрь, сразу обратив внимания безобразную камеру охраны, с направленным на них красным «глазом», решил времени на взлом не терять и разнёс на куски выстрелом из дробовика.

Они прошли дальше, в коридор. Фрэнк услышал шорох, бросил быстрый взгляд в этом направлении, и, заметив четырёхрукого паука, прилепившегося к потолку, вскинул дробовик, и выстрелил. Но существо быстро перебежало в сторону и выпустило струю ядовитой жидкости, которая прошла буквально в дюйме от его руки, сожгла рукав, оставив на коже красную отметину.

Остальная команда открыла беспорядочный огонь, но мерзкое существо молниеносно перебегало с места на место, оставаясь невредимым, и обдавало их вонючим секретом. Фрэнк лихорадочно соображал, как им избавиться от этого чудища — мощности их оружия явно не хватало. Тем более, скорое всего одним пауком дело не закончилось бы. Фрэнк скомандовал отступление и они тяжело дыша, выбежали опять на платформу.

— Твою мать, что за хреновина? — бросил Фрэнк, сплюнув. — Никогда не видел подобных уродов.

— Я тоже никогда не видел, — пробормотал Марк. — Что-то уже очень странное. Может здесь какие-то ядовитые испарения? — предположил он. — Давайте вообще уберёмся отсюда. От греха подальше.

Фрэнк покачал отрицательно головой. Ему не хотелось покидать это место. Это выглядел бы так, что они трусили из-за какого-то уroda, мысленно перебрал все, что они

могли бы применить — гранаты, ракеты, арбалетные болты.

— Может ракетами жакнуть? — предложил Боб.

— Там места слишком мало, — сказал Фрэнк, — Осколками нас заденет. Хотя, это неплохая идея. Надо подумать. Может нам сделать направленный огнемёт? Нет, у нас ничего под рукой нет. Чёрт! — он ударил кулаком по стене.

Его осенила идея, он бросился, не говоря ни слова к вагончику, где они свалили все оружие, быстро что-то соорудил и вернулся к дверям. Марк, заметил в руках Фрэнка странное сооружение в виде гранатомёта, который кончался плоской металлической коробочкой округлой формы, спросил удивлённо:

— И чего это такое?

— Сейчас сам увидишь, — хитро подмигнул ему Фрэнк.

Он вновь быстро влетел в помещения, поднял своё оружие к потолку и выстрелами установил на потолке коробочки по углам — из них выстрелил яркий пучок света — мощная электрическая дуга соединилась крест-накрест и разорвала чудище на мелкие кусочки.

Сотоварищи Фрэнка с изумлением наблюдали за этим необычным оружием.

— Это что такое? — поинтересовался Марк, осторожно оглядывая странное сооружение в руках Фрэнка.

— Черт его знает, — ответил с улыбкой Фрэнк. — Название потом придумаю. А так — это усовершенствованный гранатомёт, стреляющий электробомбами-ловушками.

Марк посмотрел на него с плохо скрываемой завистью. Они вышли в коридор, обнаружив там пару пауков, Фрэнк установил по краям ловушки, и электродуга разорвала их на клочки. Осторожно заглянув за угол, Фрэнк обнаружил, что на них стремительно ползёт пара здоровенных змей. Их кожа переливалась на свету, мерзкие рептилии открывали пасти, где виднелись длинные, острые зубы, но не издавали ни звука.

Подняв глаза, Фрэнк заметил, что «змеи» на самом деле продолжении рук мутанта, который стоял на корточках, наклонив голову, почти спрятавшись в коридоре напротив.

Фрэнк обернулся на ошеломлённых товарищей и крикнул, чтобы они стреляли не по змеям, а по мутанту. Тот вздрогнул от пронзивших выстрелов, втянул змей, и проворно переставляя ноги, на четвереньках, сбежал.

— Твою мать, — бросил Боб и сплюнул. — Представить не мог, что тут будет такие чудища. Может выжечь тут все к чёртовой матери, вместе со всеми уродами?

— Нет, надо постараться зачистить все без этого, — сказал Фрэнк, задумчиво.

Он решил вернуться и обеспечить маленькую команду гранатомётами, стреляющих электробомбами, и они вновь отправились «зачищать» территорию. Постепенно перебегая от одной стены к другой, прошли в другой коридор, заполненный трубами отопления. Фрэнк обратил внимания, что трубы поддерживают металлические тросы, в которых трубы, прикреплённые прочными скобами к стенам, явно не нуждались. Он приказал всем отойти назад и сделал пару выстрелов по направлению этих тросов — неожиданно раздался взрыв, ударила направленная струя огня. Проходя дальше по коридору, ему пришлось ликвидировать пару подобных «ловушек» — лопнувшие тросы вызвали или пламя, или электродугу, сверху падали тяжёлые предметы — банки с краской, кирпичи.

Наконец, они вышли в длинный высокий колодец, на стене которого виднелась лестница, ведущая на верхний этаж. Фрэнк приказал ждать внизу, быстро влез наверх и огляделся — это место напоминало сауну — большую часть широкого зала занимал бассейн,

выложенный потрескавшейся плиткой.

Фрэнк осторожно зашёл внутрь, огляделся, и неожиданно ощутил страшный удар, сваливший с ног, из носа хлынула кровь, но он успел вскинуть свой дробовик и выстрелить. Враг отскочил, и Фрэнку удалось его разглядеть — чудище состояло будто бы из вылезших из тела мускулов и толстых синих жил, правая рука напоминала сгусток длинных, тонких щупалец, свисавших до пола. Вторая рука больше походила на человеческую, поэтому Фрэнк решил, что это тоже дошедший до полной кондиции мутант, бывший когда-то человеком. Голова уже слилась с телом и скорее напоминала осьминога с извивающимися по бокам двумя щупальцами с присосками. Фрэнк схватил дробовик и разрядил в голову чудища, но это только разозлило его.

В прыжке он оказался за спиной чудища, стал бросать гранаты. Монстр, несмотря на внушительные размеры, оказался чрезвычайно проворным, и каждый взрыв останавливал его буквально на секунды.

Послышалась беспорядочная стрельба — его товарищи, решив, что командир слишком долго возится, взобрались наверх и помогли ему прикончить урода. Фрэнк отдышался, ощутив, что у него дрожат руки. С таким противником ему никогда раньше не приходилось встречаться и тактику борьбы с ним пришлось придумывать на лету. Из сауны они попали в коридор, куда выходили двери нескольких комнат.

Фрэнк тяжело вздохнул, если в каждой будет сидеть по мутанту, то им придётся нелегко. Он подумал, что наверно, стоит вернуться и передохнуть, обернулся, оглядел всех и хотел спросить, стоит ли им идти дальше, но в глазах парней заметил такой азарт, что решил даже не задавать подобного неуместного вопроса.

Распахнув первую дверь, осторожно заглянул внутрь.

В полутёмной комнате на письменном столе работал старенький телевизор, по которому шла какая-то передача, напоминающая древние черно-белые диснеевские сериалы.

Комната оказалась пустой. Фрэнк прошёл внутрь и внимательно осмотрел, особенно вентиляционную решётку, из которой неожиданно могла вылезти какая-нибудь непредвиденная гадость, осторожно вытащил заглушку и заглянул внутрь, но не заметил следов живого существа. В другой комнатухе они обнаружили пару уродов, стоявших на четвереньках, смачно чавкая. Когда меткие выстрелы уложили их на пол, Фрэнка чуть не стошнило, когда он увидел, что мутанты «лакомились» какими-то жуткими, сгнившими кусками мяса.

В следующей комнате их поджидала кучка маленьких существ, сидевших на четвереньках на потолке и стенах. Увидев не прошенных гостей, они быстро спрыгнули вниз со странными возгласами, в которых различалась человеческая речь. Хотя сами существа даже отдалённо не напоминали людей — длинные до пола руки, ноги, выгнутые коленками назад, кончались лапками с птичьими когтями, вытянутая голова с острыми ушами, торчащими вверх и большим круглым ртом, утыканным мелкими зубами. Фрэнк с удивлением заметил, что они бегут не к ним, а в угол комнаты, где свалены пилы, молотки и даже небольшой пулемёт схемы Гатлинга, с вращающимся блоком стволов.

Он видел такие пушки в голливудских фильмах, но знал, что стрелять из них с рук невозможно из-за большой отдачи. Один из мерзких троллей схватил этот пулемёт, но воспользоваться не успел — меткий выстрел свалил наповал, и к изумлению Фрэнка существо рассыпалось в чёрную пыль. Остальные уроды, схватив пилы, молотки, кинулись на врагов. Фрэнк сразу пристрелил парочку, даже не успевших добежать до него троллей.

Но кто-то оказался проворнее, Марк боролся с уродом, который уселся к нему на плечи и пытался отпилить ему голову пилой. Фрэнк схватил мерзкого тролля и швырнул об стену и тут его настиг выстрел Боба.

Они дошли до двери, ведущей на лестницу. Сегодняшняя «прогулка» оставила незабываемый след в его душе. И если судьба будет к нему благосклонной, когда он вернётся домой, напишет такие мемуары, по сравнению с которыми «Остров доктора Моро» будет лишь детской сказкой. Ему безумно хотелось встретиться с тем учёным, или учёными, которые доставили им такое удовольствие, и выказать им восхищение их гениальной работой.

Осторожно ступая, они поднялись по лестнице, за дубовой дверью оказалось комната, с любовью обставленная мягкой мебелью, рядом с диванчиком стоял торшер, работал телевизор. Это выглядело так мирно, что Фрэнк не удивился, если бы увидел, что вместо мутантов перед телевизором, уютно устроившись, сидит семья — папа, мама и детки.

На разодранном диванчике, свернувшись в клубок, спало нечто, похожее на огромную голую собаку с длинным, тонким хвостом и остатками вздыбленной, чёрной шерсти на загривке. Услышав скрип половиц, существо вскочило на высокие лапы и, разинув плоскую пасть, усеянную несколькими рядами зубов, громко зарычало. И бросилось на Фрэнка, пытаясь разорвать его горло своими острыми, как бритва зубами.

Отбросил монстра от себя, выхватил дробовик и прикончил «собаку». Отдышавшись, хотел сделать знак остальным, но дверь в комнату отворилась, вошла женщина, небольшого роста, худенькая, в старомодном, но опрятном платье, каштановые волосы волнами обрамляли лицо с изящными чертами, крошечным ротиком и печальными глазами, за стёклами очков в металлической оправе, похожей на крылья бабочки. Их взгляды встретились, наклонив голову вбок, она произнесла строго, но не раздражённо:

— Кто вы такие?

Фрэнк на мгновение потерял дар речи, он представить не мог, что в этом «заповеднике» уродов могла жить женщина. Товарищи столпились у него за спиной, ошалело уставившись на неё. Женщина увидела убитую «собаку», лицо исказила гримаса жалости, она обернулась к ним и выдавила:

— Зачем вы его убили? Он вам ничего не сделал!

Фрэнк подумал, что у дамочки явно не все дома — вместо того, чтобы испугаться грязных, небритых мужиков в разодранной одежде с оружием в руках, она стала отчитывать их за убийство мерзкого чудища.

Фрэнк изобразил самую очаровательную и искреннюю улыбку, на какую был способен.

— Меня зовут Фрэнк Фольклэнд. Извините, что ворвались к вам. Мы спасались от копов.

— Берта Верден, — ответила она спокойно. — Как же вам удалось пройти сюда?

Фрэнк очень сильно хотелось поделиться, как они «смогли» это сделать, но он подумал, что это займёт много времени и будет изобиловать крепкими мужскими выражениями, не подходящими для женских ушей.

— Вы не встретили существ? — настаивала Берта.

— Встретили, — буркнул Фрэнк. — И в большом количестве.

— И всех убили? — нахмурилась она.

— Да, нам пришлось.

— Удивительно. Это никому раньше не удавалось, — задумчиво проговорила она,

словно обращаясь к себе самой. — Жаль. Если бы я знала...

— Миссис Верден, вы умеете ими управлять?

— Мисс Верден, — поправила она. — Да, они подчиняются мне, поэтому вы их убили совершенно напрасно. Вы смогли пройти сюда спокойно, и без всяких происшествий.

Фрэнк с трудом себе представил, как же они могли узнать о том, что в центре этого странного места обитает хозяйка, которая умеет ладить с «милыми» мутантами, плюющимися ядовитой слюной и готовыми разорвать на куски не прошенных гостей.

— Мистер Фольклэнд, сколько вас всего человек?

Он оторвался от своих мыслей и пробормотал:

— Двадцать семь, вместе с нами. Из них восемь раненых — им нужна помощь в первую очередь.

— Так, что вы тогда стоите! — воскликнула она. — Быстрее перенесите их сюда, я покажу, где вы можете расположиться.

Фрэнк резко развернулся и уже решил выйти, как ему пришла в голову мысль, он повернулся и произнёс с улыбкой:

— Мисс Верден, я не знаю, всех ли мутантов мы убили, но если есть другие, пусть они посидят спокойно.

— Разумеется, я все сделаю.

Её уверенный, спокойный тон удовлетворил его. Они действительно без происшествий добрались обратно до станции, захватив раненых, отправились в обратный путь.

Жуткие твари вновь вылезли на поверхность, но не нападали, а лишь провожали взглядами.

Берта показала им комнаты, где стояли койки с достаточно приличными матрасами, они смогли расположить раненых. Она принесла несколько пледов, медикаменты.

— Среди вас есть врач? — спросила она.

— Конечно, — ответил Фрэнк. — Все есть, лекарства, инструменты, аптечки. Мы их захватили с собой.

— Я вам помогу.

Фрэнк облегчённо вздохнул. Проблема решилась.

Он решил обойти это место, чтобы иметь представление, как оно выглядит. Весь комплекс скорее напоминал некий фитнес-центр, чем научное учреждение. Кроме лабораторий с научным оборудованием, в котором Фрэнк не разбирался, он увидел комнаты отдыха, бассейн без воды, и даже маленькую оранжерею, которая снабжала продуктами «объектов» исследований и саму хозяйку.

Других людей, кроме Берты он не нашёл. Удовлетворив любопытство, решил найти спокойное местечко, чтобы отдохнуть, побродил по комнатам, и в одной из них обнаружил граммофон со стопкой пластинок рядом. Насколько он помнил, граммофоны работали на часовом механизме, который заводился ручкой. Он решил опробовать этот антикварный агрегат, покрутил ручку — она поддалась.

— Вы любите музыку? — спросила Берта, изучая его внимательно.

Фрэнк вздрогнул, услышав её голос.

— Да, — задумчиво ответил он.

— А что именно?

— Ну, джаз, послевоенные годы.

Он посмотрел пластинки: Дин Мартин, Фрэнк Синатра, Бинг Кросби, Петти Пейдж

Музыка, вызывающая ностальгию.

— Поставьте что-нибудь, — предложила она. — Вы хотите выпить?

Он кивнул утвердительно, и когда Берта вышла из комнаты, Фрэнк осторожно достал из конверта пластинку, покрутил ручку граммофона и поставил пластинку на круг, осторожно опустив иглу. Берта вернулась с бутылкой скотча, налила ему. Присев в другое кресло, она спросила:

— Что же вас заставило проникнуть сюда?

— Копы напали на наш штаб. Мы сбежали, по потайному проходу — старой канализации. И нашли ваше убежище. Мисс Верден, а как вы тут оказались, окружёнными мутантами? Почему не живете в городе? Прячетесь от копов?

— Скорее, от Алана Райзена. Мне не хочется видеть его. Так же, как всех его друзей, — ответила она холодно. — Вы не очень сильно устали, мистер Фолькленд? Я могу рассказать, если вы не сильно устали.

Фрэнк кивнул.

Берта так одинока, что готова раскрыть душу первому попавшемуся бандиту.

— Я — генетик. Райзен предложил мне работу, и не ограничивал меня в средствах. Сказал, что здесь меня не будет сковывать мораль, которая предписывает учёному делать своё дело только в интересах общества. Меня это обрадовало, и ради этого я переехала сюда. Райзен предоставил мне великолепную лабораторию, штат сотрудников. Хотел, чтобы я занималась кое-чем для него.

Она прервалась, горько усмехнулась, бросив на Фрэнка печальный взгляд.

— Вы создавали для него монстров, — понял он.

— Да. А для моих исследований требовался «материал». Он предоставил мне его — я не задумывалась, что это за люди. Меня не интересовала нравственная сторона этого дела. Он оплачивал мои счета.

Она тяжело вздохнула и посмотрела на него:

— Вы не хотите отдохнуть, мистер Фолькленд?

— Нет, вы так интересно рассказываете, — пробормотал он, и задумался, не усыпляет ли она его бдительность.

— Не волнуйтесь вы так, — произнесла она, с улыбкой. — Я не собираюсь делать из вас монстров. Я больше этим не занимаюсь. Он поставлял мне приговорённых к смертной казни, — продолжила она рассказ. — И я делала из них монстров для каких-то его целей. Но в один прекрасный день я сказала — нет, мистер Райзен, я больше не хочу это делать. Это аморально. Он не только прекратил финансировать другие мои проекты, сделал так, что никто больше не захотел их финансировать. Райзен вынуждал меня возобновить работу, а я отказалась, осталась здесь.

— Райзен знает об этой лаборатории?

— Нет, он не интересовался тем, где я провожу исследования. А когда здесь стали хозяйничать ужасные монстры, — она слабо улыбнулась. — Эту станцию закрыли. Вам нужно отдохнуть, я совсем вас заговорила.

Когда Берта вернулась, то увидела, что гость спит, уронив стаканчик, не разжав руки с дробовиком. Она улыбнулась, отошла на минутку и, вернувшись с пледом, заботливо прикрыла его.

Он вздрогнул и проснулся, заметив плед, которым кто-то укрыл его.

Вскочил обеспокоено на ноги и взглянул на часы — он спал всего часа три, но

чувствовал себя гораздо лучше.

С удовольствием потянувшись, решил, что сейчас самое время придумать план, как вернуться к Роджеру. Он вышел из комнаты и столкнулся с Бертой.

— Вы уже отдохнули? — удивилась она.

— Да. Мне надо торопиться. Извините, мисс Верден.

Она придержала его за рукав и произнесла с улыбкой:

— Поешьте вначале, иначе упадёте без сил.

Фрэнк осознал, что она права, тем более во время еды он сможет придумать, как смотаться отсюда. Но как они расплатятся с этой доброй женщиной? Она заметила мучительную работу его мысли и проронила:

— Вначале поедите, а потом будет думать, как вам дальше поступить.

Фрэнк опять почесал в затылке и проронил задумчиво:

— Мне неудобно, что мы вас так обременяем...

— Не волнуйтесь, это мне тоже выгодно.

— Каким образом? — заинтересовался он. — Помочь с вашими «домашними животными»?

— Они не животные, — раздражённо воскликнула она. — Я же вам рассказала. Вы так и не поняли, что это — люди?

— Извините, мисс Верден. Неудачная шутка.

Она провела его к импровизированной «столовой», где за столом уже сидел его товарищ. Они подняли глаза на Фрэнка, и каждый стал приглашать наперебой его присесть рядом.

Фрэнк не мог ещё до конца осознать, какую роль стал играть в отряде.

Он подошёл к самому краю и уселся с видом, выдававшим растерянность — популярность его смущала.

Берта подошла к нему и поставила тарелку с едой, он поковырял в ней вилкой, поднял голову, как будто хотел что-то спросить, но потом опять уткнулся в тарелку.

— Что вас не нравится? — удивилась она.

— Ничего, — буркнул он и углубился в еду. — Спасибо.

Её задело, что он отодвинул мясо, лежащее на тарелке, хотя она специально выбрала для него кусочек получше.

— Вы — вегетарианец? — спросила она, пытаясь скрыть раздражение. — Знаете, мистер Фолькленд, как биолог могу вас предупредить, что это чревато.

Он поднял на неё глаза, мучительно соображая, задавать вопрос или нет, чтобы не обидеть. Она поняла, что так смутило его, и рассмеялась.

— Это — говядина, не волнуйтесь. Вы думали, я буду кормить вас мясом мутантов?

Он откинулся на спинку стула и, улыбнувшись, взглянул на неё.

— Вы — телепат, читаете мои мысли. Я это уже давно заметил.

После ужина или обеда, Фрэнк так и не мог это понять, он решил зайти к Берте и поблагодарить за еду. Она работала в лаборатории, рассматривала что-то в микроскоп.

Приборы, реторты, колбы, множество инструментов, о назначении которых он имел смутное представление. Лаборатория производила сильное впечатление, несмотря на определённую анахроничность. Берта оторвалась от микроскопа и заметила, что он подошёл к высокому, стеклянному цилиндру, встроенному в стену, в котором время от времени

проскакивала молния, и рассматривает с большим интересом.

— Хотите узнать, что это такое? — спросила она.

Он вздрогнул.

— Да, очень интересно. Ваша разработка?

— Не совсем. Я работала над этим вместе с другими учёными. По заданию Райзена.

— Я видел такие же в городе. Только в городе у этих камер — окантовка с позолотой, а здесь обычная, из стали, скорее всего.

Она повернулась к нему и как-то странно посмотрела, опустив голову на переплетённые пальцы. Она как будто ждала, что он сам догадается.

— Можно я буду называть вас Фрэнк? — спросила она.

Он кивнул рассеянно, продолжая осматривать цилиндр, и его удивило, что внутренняя задняя стенка цилиндра отделана бордовой кожей, прошитой маленькими гвоздиками.

— Тогда зовите меня Бертой, — предложила она, встала и подошла к нему.

Он с нетерпением бросил на неё взгляд, ожидая разъяснений.

— Хорошо, Фрэнк, я вам расскажу подробно, что это такое. Какие у вас познания в технике и биологии?

— В технике — достаточно много, в биологии — гораздо меньше, только основы.

— Тогда я вам расскажу с технической стороны дела.

Она заметила, как он внимательно слушает, не перебивая, в глазах постепенно появился азарт, и отразилась вся гамма чувств, которые он испытывал — от восхищения до зависти.

— Да, классная штука. Не представлял, что такое возможно здесь, — пробормотал он, наконец. — Потрясающе.

Берта усмехнулась.

— Вы, видимо, недавно в городе. Как же вам удалось сюда попасть? Не пугайтесь. Мне нет никакого смысла сдавать вас копам.

— Неподалёку от этого острова потерпел крушение лайнер. Я принимал участие в спасательных работах. Начала гроза, потом возникло торнадо. Оно засосало мой вертолёт и выкинуло у побережья. Так я попал в город, — Фрэнк решил не посвящать Берту в подробности, рассказывать о концлагере Хаммерсмита и Роджере.

— Странно, как же вы сумели остаться живым, — задумчиво проговорила Берта. — А чем занимались раньше? На большой земле.

— Работал автомехаником, кое-что изобрёл интересное. Это принесло мне приличные деньги.

— И что именно?

— Двигатель внутреннего сгорания. Принципиально новой конструкции. Я разработал миниатюрную систему, которая позволяет выделять водород из воды. Движок разгоняет автомобиль до трёхсот миль в час. Без дозаправки можно проехать полтысячи миль. Сейчас у меня автомобильная компания.

— Замечательно, — с искренним восхищением произнесла Берта. — Вы смогли бы найти общий язык с Райзеном. Ему нравятся такие люди.

— Да? Какие же? — усмехнулся Фрэнк.

— Люди, которые заработали богатство, исключительно благодаря своему таланту. Вы могли бы подружиться, — произнесла она задумчиво.

— Очень сомневаюсь. Мисс... Берта, — наконец решился он. — От вас нельзя позвонить... э... в город? Мне нужно связаться кое с кем.

Она улыбнулась и ответила к его радостному удивлению:

— Конечно, я вам покажу телефон.

Фрэнк набрал номер, пытаясь унять страх в груди.

— Дорис, дядя дома? — голос горничной показался таким удивительно родным.

Глава 6. Сложный разговор

— Вы относительно легко отделались, — проронил Роджер. — Как можно быть таким легкомысленным? Вас действительно нельзя никуда отпускать одного. В его голосе слышалось сожаление, досада. Но он явно был рад, что Фрэнк вернулся.

Они ужинали в роскошной столовой особняка Роджера. Деликатесные блюда на тонком фарфоре со сценами охоты. Мерно тикали часы на камине, в котором чуть слышно трещали тлеющие угли. Умиротворяющая атмосфера уюта и комфорта.

— Да уж, легко, — проворчал Фрэнк.

Перед глазами вновь вспыхнуло лицо Камиллы с брезгливой гримасой.

— Камилла могла сказать, что знает меня. Мы с ней разговаривали до того, как началась облава, и нагрянули копы. Но она сказала, что впервые меня видит. Признайтесь, Роджер, что вы мне не рассказали об отношениях Эдварда с ней?

Роджер сложил аккуратно салфетку на столе, достал портсигар, закурил.

— Я не говорил вам об этом. Эдвард и Камилла были помолвлены, но накануне свадьбы между ними что-то произошло, — сухо объяснил Роджер. — Будет лучше, если вы не будете пытаться возобновить с ней отношения.

— Отношения, — протянул Фрэнк со злой иронией. — Какие отношения?! Видели бы вы, как она вцепилась мне в яйца! Как будто я хотел её изнасиловать!

— Просто усвойте эту истину — вы ей не приятны. И не будем об этом.

Роджер взял с подноса газету.

— Хочу вас предупредить. Недавно ограбили банк Джордана. Райзен распорядился изъять все банкноты и выпустить нового образца, так что не вздумайте расплачиваться старыми деньгами, — в его голосе Фрэнк уловил странное удовлетворение.

— Вы не пострадали, Роджер?

— Разумеется, нет. Я вообще не держу средств в банках, тем более иметь дело с этим мошенником, который облапошил половину города, не собираюсь. Сейчас ведётся расследование. Джордан в ярости. В его банке стояла невероятно сложная защита. Которая стоила ему кучу денег.

— Господи, ну какая сложная, Роджер? Примитив, — не выдержал Фрэнк и осёкся.

Роджер, всегда такой сдержанный, неожиданно расхохотался.

— Представляю себе картину, если бы вы попались на этом. Да, мой милый, вы начинаете доставлять мне все больше хлопот. Как вас угораздило?

— Копы выкинули меня где-то за городом. Меня подобрала какие-то люди. Я им немного помог, — Фрэнк ощущал себя не в своей тарелке. — Они спасли меня от мутантов.

— Ну, это другое дело. Взаимная признательность, — с иронией проронил Роджер.

— Роджер, они не отбросы общества. Люди, которые не вписались в систему Райзена. Никто не хочет им помочь. Это вынужденная мера.

— Что вы так волнуетесь, мой дорогой? Я даже рад, что вы участвовали в этом. Без серьёзных последствий. Этого высокомерного наглеца Джордана нужно было давно проучить. Кроме того, никто не должен иметь никаких моральных обязательств перед обществом, или другими людьми. Главная цель человека — его собственное выживание, — в голосе Роджера чувствовался ясный сарказм. Он явно не верил в то, что говорил.

— В полном соответствии с принципами Райзена. Я просмотрел его главный труд. Он — параноик. Простите, если задел вас. Он все-таки ваш друг.

— Друг? — Роджер чуть заметно вздохнул. — Можно сказать. Райзен пригласил меня присоединиться к нему, когда начал строить этот город. Его идеи выглядели чрезвычайно интересно. Но в итоге получилось вовсе не так, как он рассказывал. Он считает, что общество, которое он построил, основано на принципах разумности человека, который действует только рационально, если хочет выжить. Ум человека — единственное орудие его выживания. Этим он и отличается от животного. Разум не работает автоматически, мышление — не механический процесс, логические связи не создаются инстинктом. Что-то в этом роде.

— Райзен решил отменить законы природы, поскольку в них ничего не смыслит, — хмыкнул Фрэнк — Человек — существо, иррациональное, чтобы поступать здраво, надо иметь невероятно сильную волю. Мышление — инстинктивный процесс, как и способность отклониться от летящего кирпича. Если Райзен считает, что может управлять своим разумом, пусть попытается, хотя бы пару минут не думать.

— Встретили бы вы меня лет десять назад, я бы стал убеждать вас в обратном, — задумчиво проронил Роджер. — Не ходите сегодня на завод, — быстро предупредил он, увидев, что Фрэнк собирается уйти.

— Почему? Сегодня же среда? Вы сделали ещё один выходной день? — удивился Фрэнк. — Или там эпидемия?

Губы Роджера тронула гадливая улыбка, которая быстро исчезла.

— Нечто подобное. Забастовка.

Фрэнк недоверчиво поднял брови.

— Вы шутите? И что они требуют? Представить не мог... мне казалось, на вашем заводе условия одни из лучших.

— Спасибо за комплимент, но забастовку устроил профсоюз. Лучше сходите в кино. Или в парк. Вы неважно выглядите.

— Нет, Роджер, мне любопытно познакомиться со всеми представителями вашего общества.

Он вышел на улицу, вдохнул свежего воздуха полной грудью, и решил пройтись пешком. Пересекая площадь, выложенную брусчаткой, Фрэнк бросил машинальный взгляд на огромную бронзовую статую Атланта, держащего позолоченный шар, ярко блестящий в лучах солнца. Таких памятников могучему титану в мраморе, бронзе, гипсе, в городе, носившем его имя, было превеликое множество. Они встречались буквально на каждом шагу.

Он вбежал в проходную, заметив с неудовольствием, что все станки остановлены. Между рядами шатались рабочие, которые увидев его, заулыбались. Он приветливо махнул им рукой, открыл дверь в кабинет и застыл, как вкопанный. По спине потекли холодные струйки пота, несмотря на ясное, жаркое утро.

— Коннели, кого я вижу? — пробормотал Фрэнк, пытаясь отвести глаза от покрытого буграми, мясистого носа, который ярко напомнил о мучениях на заводе Хаммерсмита.

— А, мистер Кармайкл, — проронил тот снисходительно, даже не предложив сесть. — Решили поинтересоваться, как надо улучшить условия жизни ваших рабочих? Похвально.

Это звучало настолько дико в подобных обстоятельствах, что Фрэнк вначале опешил. Его страх перед главным надсмотрщиком испарился.

— Почему это я должен слушать ваши советы? — спросил с откровенной издёвкой Фрэнк. — Я так думаю, дядя знает это лучше вас всех, вместе взятых.

— Мистер Кармайкл, — сурово проронил Коннели, избавившись от приторной улыбки. — Не шутите с председателем профсоюзного движения города. — Это чревато неприятностями для вас и вашего дяди.

Фрэнку захотелось расхохотаться прямо в лицо наглеца. Криво ухмыльнувшись, он надвинулся на мерзавца, саркастически прошипев:

— Ну и что же вы можете нам посоветовать в деле улучшения, мистер председатель профсоюзного движения?

Коннели, снял ноги со стола, но, не поднимаясь с места, бросил перед ним толстую папку и холодно изрёк:

— Ознакомьтесь внимательно, мистер Кармайкл. Чтобы у вас не было претензий к тому, что ваши рабочие не хотят на вас работать из-за безжалостной эксплуатации.

Фрэнк придвинул к столу стул, уселся и положил длинные ноги на стол, прямо перед носом Коннели, который презрительно отстранился.

— Так, интересно, интересно. Ну и где же тут требования об улучшении условий труда рабочих? — спросил язвительно Фрэнк, пролистав папку. — Все касается только деятельности профсоюзов. Увеличение размера оплаты профсоюзных работников, отчислений в фонд профсоюзного движения в... ого... — присвистнул он. — В два раза! Это рэкет какой-то, — подытожил он, бросая папку на стол.

— Мистер Кармайкл, не стоит разговаривать в таком тоне, — прозвучал до боли знакомый голос, заставивший Фрэнка замереть.

Медленно обернувшись, Фрэнк увидел ещё одного бывшего мучителя. — Нейла Саммерса, который стоял в дверях, сложив руки на груди. От леденящей душу ухмылки кровь застыла в жилах, предательски задрожали руки. Радуюсь, что произвёл сильное впечатление на племянника владельца завода, Саммерс ослабил, и высокопарно изрёк:

— Если вы не выполните наших условий, рабочие вашего завода устроят бессрочную забастовку.

Фрэнк чуть не задохнулся от возмущения, но тут же нашёлся:

— Да ну? Тогда мы наденем на них кандалы, прикуем к рабочим местам, и будем пороть плетью за любую провинность. Ну как это делается на заводе вашего хозяина, мистера Хаммерсмита.

— Не смейте, Кармайкл! Это клевета! — завопил Коннели, покрываясь красными пятнами. — Мы подадим на вас в суд! Выполняйте то, что сказано!

— Это уже становится забавным, — проронил Фрэнк, бросая насмешливый взгляд, то на побагровевшего от злости лидера профсоюзов, то на его телохранителя. — А что будет, если не выполню?

— Вы очень хотите это узнать? — проговорил грозно Саммерс. — Мистер Кармайкл, и вы, и ваш уважаемый дядя, сэр Роджер, ходите по улицам этого города. Спокойно. Если вы хотите и дальше по ним ходить. Будет лучше, если вы послушаетесь, и выполните наши условия.

Фрэнк медленно встал, опустив голову, и проговорил, все сильнее распаляясь:

— Убирайтесь! Выметайтесь вон! Вы оба! Чтобы духа вашего здесь не было!

Он бросил такой яростный взгляд на Коннели, что тот не выдержал, подскочив на месте, ринулся к выходу, чуть не сбив с ног Саммерса.

— И заберите к черту ваши гребанные требования! — закричал Фрэнк, швыряя вслед папку.

— Вы сильно об этом пожалеете, Кармайкл! — сказал Саммерс, и, развернувшись, вальяжно удалился вслед за боссом.

Отдышавшись, Фрэнк вышел из кабинета и хмуро бросил:

— Джонсон, позовите ко мне Кливленда, я хочу поговорить с ним.

Когда директор вошёл в кабинет, Фрэнк предложил:

— Напишите мне, пожалуйста, все претензии к условиям работы, и вообще, все, что вы считаете нужным.

— Мы всем довольны, мистер Кармайкл, — ответил тот спокойно, без подобострастия.

— Мистер Кливленд, мне глубоко плевать на этих паяцев, которые только что здесь были. Я прошу вас написать мне список ваших требований, — твердо проговорил Фрэнк. — И если вам не трудно, соберите тех, кто пришёл на работу, я хочу провести испытание.

— Все пришли, — сказал Кливленд.

Фрэнк вошёл в лабораторию, расстелил чертёж на столе, склонился над ним и пошатнулся, на бумагу глухо шлёпнулись капли крови.

— Что с вами, мистер Кармайкл? — услышал Фрэнк обеспокоенный голос.

Фрэнк сел рядом, вытащил платок, приложив к носу, глухо произнёс:

— Ничего страшного, я переделаю чертёж. Давайте проведём испытание.

— Мистер Кармайкл! Я понимаю, сейчас может не время, но хотел вам сказать, что этот узел — дерьмо! Он не выдержит даже половинной нагрузки! Ваши расчёты неправильные! — воскликнул худощавый, угловатый парень с лохматыми, светлыми, как солома волосами, курносый носом и веснушками.

— Руперт, заткнись! — бросил сухо Кливленд.

— Почему я должен молчать? — воскликнул тот. — Вы все поджали хвост и боитесь сказать то, что думаете! А я не боюсь!

Фрэнк устало взглянул на него и, вздохнув, сказал:

— Руперт, давайте заключим пари. Если узел не пройдёт испытание, я встану к вашему станку, а вы — на моё место и будете руководить. Согласны?

— Вы не сможете, — возразил презрительно Руперт. — Придётся все переделывать.

— Почему? — усмехнулся Фрэнк.

— Вы — неуч, а я окончил колледж, — произнёс Руперт с нескрываемой гордостью.

— Ладно. Давайте попробуем, потом будем мериться тем, что у нас есть, — меланхолично проронил Фрэнк. — Пока я здесь главный.

Сказать, что окончил с отличием Массачусетский технологический институт, имеет сто семнадцать патентов на свои изобретения, Фрэнк не мог, но ощутил в глубине души страх, что опозорится перед мальчишкой. И вздохнул с нескрываемым облегчением, когда увидел, что испытание прошло успешно. Новый узел выдержал.

— Увеличьте нагрузку на десять процентов, — проронил он, ощущая, как вспотели ладони.

Кливленд удивлённо взглянул на него и хотел возразить. Перехватив его взгляд, Фрэнк улыбнулся и кивнул ободряюще.

— Ладно, Руперт, — сказал Фрэнк, похлопав того по плечу. — Сегодня не ваш день, в следующий раз вы меня сделаете.

Фрэнк вернулся в особняк Роджера усталым, но жутко довольным. Взлетел, как на

крыльях на второй этаж. Роджер работал в своём кабинете и ждал его отчёта.

— У меня две новости и обе хорошие, — произнёс Фрэнк, удобно устроившись в кресле, напротив письменного стола, где сидел Роджер. — С какой начать? Первая новость — я выгнал этих мерзавцев взащей. Представить не мог, что встречу опять со своими мучителями из концлагеря Хаммерсмита.

— Вот как? — Роджер нахмурился. — И кто это был?

— Коннели — главный надсмотрщик. Тот самый, кто отравил меня этиленгликолем. И Саммерс, кто похитил меня, привёз на завод Хаммерсмита. Кто порол меня плетьюми, постоянно домогался, а когда ему это не удалось, посадил на кол. И эти лю... эти мерзавцы ещё имеют наглость заявлять, что они защищают права рабочих. Мрази.

— Мой дорогой, — начал Роджер мягко. — Извините меня, я не знал об этом. Иначе я бы сделал всё, чтобы вы с ними не встретились.

— Плевать, Роджер. Я их выгнал. Всё. Точка.

— И совершенно напрасно это сделали, — в голосе Роджера ощущалось явное беспокойство. — Вы сами должны понимать, насколько эти люди опасны. Я просто заплатил бы им, как всегда. И они спокойно убрались бы. А теперь вы нажили себе новых врагов. Вы чрезвычайно безрассудны.

— Роджер, сколько можно потакать примитивному рэкету? Почему надо бояться этих клоунов? Даже, когда я был их рабом, эти два негодяя не смогли поставить меня на колени. Неужели сейчас, когда я — свободный человек, буду их бояться? Это смешно! Я разработаю такую пропускную защитную систему, что даже мышь не проскочит на завод, не то, что эти два ублюдка.

— Вы не понимаете, эти два мерзавца лишь вершина айсберга, — попытался объяснить Роджер. — Вы не сможете сломать ту систему, которая возникла в городе до вас. У вас не хватит сил. Эта система сломает вас.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Фрэнк тяжело вздохнул, перекатывая желваки.

— Роджер, скажите честно, вы боитесь за себя? Если — да, то я усилю охрану вашего особняка. Я сделаю все, чтобы вы не пострадали.

Роджер, откинувшись на спинку кресла, вздохнул.

— В данном случае, я не боюсь за себя. Если можно так сказать. Я просто поражаюсь вашим способностям наживать себе врагов.

— Роджер, скажите, Райзен знает об этом безобразии? Знает, — понял Фрэнк по выражению лица собеседника. — И не вмешивается. Как всегда. Его это устраивает. Замечательно. Эти два отморозка тоже относятся к атлантам, о которых он писал в своей книге? — саркастически добавил он. Перед его мысленным взором непроизвольно возникла фигура могучего титана, которую он видел по пути на завод.

— Я надеюсь, вы не собираетесь говорить ему это при встрече? — с иронией спросил Роджер.

— С какой стати? Вы думаете, я побегу жаловаться Хозяину?

— Синьор Каваллини приглашает нас на свою выставку, — объяснил Роджер сухо. Поморщился, заметив, какую недовольную гримасу соорудил Фрэнк. — Там будет Райзен. Нам придётся пойти, иначе это будет выглядеть неприлично. Эдвард был большим поклонником того искусства, которое коллекционирует Каваллини. Если мы не пойдём, это вызовет подозрение. Хотя зная ваш вкус, думаю, вам будет не очень приятно это видеть. Но

это определённые светские обязанности, которым вы должны следовать.

— Роджер, мне будет неприятно видеть всю эту шатию-братию, начиная от вашего лучшего друга и кончая его супругой, которая сдала меня копам.

— Хорошо. Какая вторая новость, о которой вы говорили? — тяжело вздохнул, спросил Роджер, решив сменить тему.

— Мы провели обкатку узлов нового двигателя. Все успешно. Думаю, к ралли уложимся в срок. Дизайн я вам показывал. Пока не совсем то, что я хотел бы видеть. Слишком мало времени.

— Отличная новость, — проронил Роджер, хотя в его голосе ощущалась только усталость. — Собирайтесь, мы едем прямо сейчас. И постарайтесь держать себя в руках. Там будет много неприятных для вас людей. Пожалуйста, никаких возражений!

Фрэнк издалека увидел в свете прожекторов здание из темно-серого камня, стали и стекла. Припарковал машину, вылез, недовольно хлопнув дверью. Постоял пару минут, словно пытаясь заставить себя собраться. Настроение было хуже некуда.

— Идемте, — проговорил Роджер, оказавшись рядом. — И постарайтесь быть хоть немного сдержанным. Ваши вспышки гнева стали любимой темой жёлтой прессы, — добавил он с чуть заметным раздражением.

— Роджер, я ненавижу копов и репортёров, вы же знаете. Если ни те, ни другие не будут ко мне лезть, я буду ангелом во плоти.

Роджер лишь покачал головой. Они прошли через сквер, разбитый перед зданием выставки. Стемнело, уже зажглись высокие фонари, заливая ярко-оранжевым светом ровный строй голубых елей, высаженных вокруг огромного фонтана с мраморной фигурой Атланта в центре. Такие же фигуры атлантов подпирали вход в зал. Фрэнк усмехнулся. Это вызывало у него рвотный рефлекс.

Помещение выставки представляло собой просторный зал с высокими потолками, стрельчатыми окнами в широких латунных рамах, которые расходились, как солнечные лучи. По залу уже активно дефилировала светская публика — мужчины в смокингах, дамы в вечерних туалетах. Роджер видел, как морщится его спутник, проходя мимо выставленных произведений, как мрачнеет его лицо. Лишь у одного экспоната он остановился, и широко ухмыльнулся.

— Вам нравится? — удивлённо спросил Роджер.

«Монумент» представлял собой высокую, плоскую стелу из песчаника. В центре красовалась широкая щель неправильной формы, из верха которой спускался блестящий, металлический шар. Фрэнк, не выдержав, расхохотался. Обернувшись, оглядел бродящих по залу чопорных джентльменов с жёнами им под стать. Выражение их лиц не менялось, когда они проходили мимо этой штуковины.

— Что вас так обрадовало? — проворчал недовольно Роджер.

Реакция его спутника вызвала у него недоумение, переходящее в раздражение. Фрэнк наклонился к его уху и тихо сообщил, на что похож этот «шедевр». По лицу Роджера пробежала улыбка.

— Я надеюсь, вы не собираетесь говорить это Каваллини? Не думаю, что осчастливите его этим эпитетом.

— Роджер, меня удивляет, почему Каваллини так изменил своему вкусу и вместо вполне определённых частей мужского тела, к которым питает слабость, выставил женский орган? Правда, сомневаюсь, что он когда-нибудь видел это в реальности.

— Мой друг, держите себя в рамках приличий, — прошипел Роджер. — У вас слишком богатое воображение. Не думаю, что кроме вас, кто-то заметил это сходство.

Фрэнк коротко рассмеялся.

— Роджер, русские подарили подобный монумент Нью-Йорку. Он стоял на берегу Гудзона. И уверяю вас, все прекрасно понимали, на что похоже эта фигня. Я не настолько развращён, как вы думаете. Я просто вижу то, что есть.

Они дошли до конца экспозиции, и Фрэнк решительно направился к мягкому диванчику у стены. Когда Роджер присоединился к нему, Фрэнк бросил с досадой:

— Роджер, извините, я устал. Это омерзительно. Общие контуры реализма, остальное — напыщенность, низкопробность, примитивность. Ни чувства меры, ни вкуса, ни знания перспективы. Я бы даже этих людей ремесленниками не назвал, они не знают даже основ. Это не искусство вообще. Не знаю, кому это может нравиться. Теперь я понимаю, что за люди переехали в этот город.

— Не будьте так суровы. Естественно, здесь выставлены работы не всех, кто обладает возможностью творить. Лишь тех, кто нравится Каваллини. Вы отдохнули? Идемте, синьор Каваллини должен произнести речь в честь открытия выставки.

— Роджер! Увольте меня от этого! Я не хочу ни видеть, не слышать его!

— Не капризничайте.

Они вернулись к центру зала, где возвышался круглый помост, обитый бордовым бархатом. Вокруг рядами располагались мягкие кресла. Фрэнк оглядел присутствующих, заметив Хозяина в скучном деловом костюме болотного цвета и Камиллу в роскошном, вечернем туалете. Яркое-алое платье плотно облегалось её точёную фигуру, обнажая спину почти до ягодиц, открывая спереди лебединую шею и безупречной формы плечи. Фрэнк злорадно подумал, что она выглядит, как элитная проститутка. И представил, как бы отодрал бы эту фифу за то, что она сдала его копам. Так, чтобы она потом не смогла бы даже сесть.

Тем временем, на подиум вышел Каваллини в смокинге с бутоньеркой в виде огромной красной гвоздики, подошёл к микрофону в круге света прожекторов. Выслушав с довольной миной аплодисменты, манерно начал:

«Я роптал и жаловался на медлительность и неповоротливость умов людей, которые не могут воспринять новые идеи, которые я предлагал. Когда же они, наконец, признали меня, я понял, что их речи ничем не отличаются от речей, которые говорятся в адрес других творцов. Я увидел, как люди залезают в мою душу, присваивают себе богатство моего духа, пытаются ограничить фарисейской моралью. Я поклялся, что никто на земле не увидит моих творений, но Алан Райзен, единственный, кто понял мои устремления и освободил меня от нравственного кодекса посредственностей. За Алана Райзена, который осуществляет все мечты!»

От грома оваций зазвенели стекла. Фрэнк поморщился, сделал попытку встать. Но Роджер, предугадав его желание, с силой усадил на место. К микрофону стали выходить другие люди, как понял Фрэнк художники, скульпторы, чьи творения присутствовали на выставке. Наконец, их поток иссяк. Фрэнк закрыл усталые глаза, потёр лицо руками.

— Роджер, это невыносимо, — тихо, но внятно произнёс он. — Я больше не выдержу. Умоляю, отпустите меня, ради бога. Иначе я застрелю Каваллини и всех его прихлебателей. Или застрелюсь сам.

— Напротив здания есть кафе. Отдохните там, — предложил спокойно Роджер, вздохнув.

Фрэнк радостно вскочил и начал резво пробираться сквозь толпу. И ощутил, что кто-то схватил его за руку. Он недовольно обернулся.

— Привет, Эдди, дружище! Куда ты запропастился?

— А это ты, Дэнни, — пробормотал Фрэнк, увидев лучшего друга Эдварда — Даниэля Хьюберта, всеми силами попытался вызвать на лице счастливую улыбку, что ему плохо удалось. — Рад тебя видеть.

— Синьор Каваллини все время спрашивал о тебе. Нам тебя очень не хватает.

— Дэнни, я сейчас очень занят на заводе дяди, — объяснил Фрэнк. — Мне некогда.

— Этот старый хрыч все-таки запряг тебя? — брезгливо проворчал Хьюберт. — Я тебе давно говорил, надо решать это дело, как можно скорее, — злобно сощурившись, прошипел он. — А ты все медлишь. Тебе хочется, чтобы он из тебя все жилы вытянул? Надо его кончать, — приблизившись к самому уху Фрэнка, добавил он. — А завод продадим Блейтону. Он давно на него глаз положил.

Фрэнк ощутил, как в груди заклокотала бешённая злоба, ещё мгновение, и он врежет «лучшему другу» между глаз.

— Дэнни, я не могу решиться. Дядя стал давать мне достаточно денег. Мне хватает, — Фрэнк старался говорить, как можно спокойней.

— Эдди, не глупи. Много денег не бывает. И зачем тебе корячиться? Я знаю одного человека, который поможет нам решить проблему, — забормотал горячо Хьюберт. — Черт возьми, Эдди, не трусь! Ты же помнишь, зачем мы сюда переехали? Стремление к личному счастью — высшая добродетель. Надо брать от жизни всё, что она может дать.

— Хорошо, Дэнни, я подумаю. Извини, я спешу.

Он вырвал руку и стремительно направился к выходу. Не зная, каким недоуменным и подозрительным взглядом проводил его Хьюберт.

Фрэнк вышел из особняка, где проводилась выставка, достал зажигалку, закурил. Вкус никотина немного успокоил его, хотя после разговора с Хьюбертом ему никак не удавалось унять предательскую дрожь в руках.

— Ну что, Кармайкл, видишь теперь, до чего докатился твой Каваллини? — услышал он чей-то недовольный голос.

Рядом возник сухопарый, высокий мужчина с бородкой, в сером, фланелевом костюме, довольно потрёпанном.

— Простите, мистер, с кем имею честь? — спросил спокойно Фрэнк.

— Честь? А у тебя есть честь? Странно, я думал, что ни для тебя, ни для всей вашей педерастической компании такого понятия не существует.

Фрэнк собрал все силы, стараясь успокоиться.

— Мистер — не знаю, как вас зовут, кто вам дал право меня оскорблять? Или объяснитесь, черт возьми, или идите на хрен! Я повторяю, я не помню вас, после клиники у меня начались провалы в памяти, я многое забыл.

Человек подошёл ближе и прошипел саркастически:

— Провалы в памяти? Скорее провалы в совести, хотя и это понятие вашей компашке не известно. Я — Дэнтон, Дэвид Дэнтон, художник, правда, мистер Каваллини так больше не считает, а вы все смотрите ему в рот, чтобы повторять за ним хором.

— Так, уже лучше. По крайней мере, я знаю, как вас зовут, мистер Дэнтон. Теперь попытайтесь мне внятно объяснить, чем вы так не довольны, — сказал Фрэнк, изо всех сил стараясь держать себя в руках. — И главное, почему свои претензии выплёскиваете на меня.

— Я всем доволен! Всем! Я счастлив! — язвительно воскликнул Дэнтон. — Особенно тем кошмаром, которым услаждает взгляд Каваллини.

— Кажется, начинаю понимать. А ваших картин на выставке не оказалось. Их не взяли, и вы решили выплеснуть недовольство на меня. Да? А я тут при чем? Я что владелец этой выставки? Администратор, приёмочная комиссия?!

— Ты обещал заступиться за меня перед Каваллини, чтобы он не травил меня. Но ничего не сделал. Ничего. Вы все лижете ему задницу!

Вместо того, чтобы пришибить непризнанного гения, Фрэнк миролюбиво предложил:

— Дэнтон, давайте зайдём в кафе и поговорим по душам. Спокойно.

Тот кивнул. Они зашли в кафе, сели за столик Фрэнк заказал скотч.

— ОК. Внимательно слушаю вас, Дэнтон.

Дэнтон бросил полный тоски взгляд:

— Рассказывать особенно нечего. Я писал картины, которые выставлялись на выставках Каваллини, но...

— Их никто не покупал?

— Нет, покупали, почему же. И даже довольно неплохо. Разве, я — непризнанный гений, сижу и ною, что меня никто не понимает? Я имел глупость в одном из интервью сказать, что мне не нравится то, с позволения сказать, искусство, которое в основном заполняет галерею Каваллини.

— Да, это тошнотворно. Вы правы.

Дэнтон бросил недоуменный взгляд на него:

— Ты говоришь серьёзно? Впрочем, после этого интервью, я перестал видеть свои картины в каталогах галереи Каваллини.

— И что такого? Выставили бы в других галереях, свет клином на синьоре Каваллини не сошёлся.

Дэнтон с насмешкой посмотрел на него и протянул:

— Да, я вижу, Кармайкл, как тебя обработали в клинике. Память отшибло напрочь. Слышал, каково это. Заворачивают в мокрые простыни, засовывают оголённый провод в задницу и пропускают ток в несколько сотен вольт. В общем, Каваллини с дозволения хозяина сделал все, чтобы ни одна галерея не брала мои картины.

— С дозволения Райзена?

— Естественно, или ты забыл кто лучший друг твоего дяди? — брезгливо бросил Дэнтон. — Вот, старый каталог, можешь освежить в памяти, — добавил он, швырнув Фрэнку свёрнутую в трубочку брошюру.

— Да, это очень неплохо, мне нравится, у вас своя манера, — проронил Фрэнк, пролистав пару страниц. — Дэнтон, я куплю пару картин.

— Не надо. Мне не нужны подачки, я не бедствую, — пренебрежительно объяснил он, забирая каталог.

— Дэнтон, ну зачем вы вообще переехали в город? Думали, что здесь вас возведут на пьедестал, станете единственным и неповторимым? Вы бы встретились с подобным везде, не только здесь.

— Райзен обещал, что каждый сможет заниматься своим делом без оглядки на толпу, на фальшивую мораль. Я хотел творить без ограничений. Понятно вам? Считал, что здесь будут обеспечены реальные права всех, кто умеет работать.

— Он соврал. Бывает.

— Райзен не обманывал, — бросил Дэнтон с горечью. — Все выполнил, просто он считает, что права не включают в себя поддержку тех, кто не вписывается в его систему. «Функции права свободы слова состоят в том, чтобы защищать меньшинство от угнетения большинства, а не в том, чтобы гарантировать им популярность, которую они не заработали». Читали Райзена? Перечитайте внимательно. Я видел только то, что хотел увидеть. А когда это коснулось меня, понял, как он ловко обвёл меня вокруг пальца.

— Бредятина. Как можно защищать и при этом травить?

— Кармайкл, разуй глаза, так везде в городе. Райзен рассчитывает только на тех, кто зубами вырвет себе известность и хороший денежный куш. А я не умею рвать зубами. Могу только махать кистью. Ладно, — вздохнул он. — Излил душу, теперь могу с чистой совестью вернуться к своей работе. Работаю подмастерьем у известного мастера, которому позволено выставлять свои картины, — лицо Дэнтон скривилось, словно его сейчас стошнит.

Непризнанный художник побрёл к выходу, а Фрэнк выпил залпом скотч, и, раскинув руки, закрыл глаза и задумался.

— Вы тоже посетили эту замечательную выставку, мистер Кармайкл? И как, вам понравилось? Наверно, производит впечатление. Представляю, какие завтра будут заголовки в газетах, — проговорил он с отвращением. — «Гениальный Сальвадор Каваллини представил нам очередные великие творения!»

Немолодой, сутулый мужчина с залысинами. Потерявший всякий вид потёртый пиджак. В глазах светилась тоска.

— И ведь никто, никто не напишет правду. Все побоятся сказать то, что видно невооружённым глазом, — пробормотал с горечью он.

— Так возьмите и напишите сами, — буркнул Фрэнк в сердцах, ощущая, что ещё один разговор он не выдержит.

— Разве кто-то станет читать? — вздохнул тот. — Я не владею пером, чтобы все это описать. Разрешите представиться. Юджин Коллинз, владелец маленькой газетёнки «Городские новости». Может быть, слышали о такой? Ладно, — махнул тот рукой и принялся за виски.

— Хорошо. Мистер Коллинз, давайте я напишу о выставке. Когда вы сдаёте номер в печать?

— В пять.

— Отлично, скажем, десять тысяч знаков. Устроит вас такое?

Коллинз недоверчиво посмотрел на него:

— И вы не боитесь гнева Райзена? Он придёт в бешенство. Его ярость уничтожит вас.

— ОК. Поместите под псевдонимом. Ну как? По рукам?

— Я буду только рад, — пробормотал Коллинз.

Фрэнк усмехнулся.

— А вы сами-то не страшитесь, что гнев главы города падёт на вас?

— Плевать. Но, мистер Кармайкл. Я не смогу оплатить ваш труд. По достоинству, — добавил он печально.

— Какая разница? Я не умираю с голода. У меня чешутся руки сказать об этом убожестве.

Коллинз, бросив банкноту, ушёл, а Фрэнк ясно осознал, что напишет в заметке. Ему безумного захотелось тут же набросать текст, который должен был убить это ничтожество с таракаными усиками наповал. Достал записную книжку, и стал быстро покрывать листочки

бумаги аккуратными, ровными строчками, боясь, что мысль «уйдёт».

— Эдвард, почему ты ушёл?

Фрэнк инстинктивно отодвинулся, закрывшись руками, чтобы не дать возможность бывшей невесте вновь продемонстрировать остроту когтей дикой кошки.

— Мне кое-что нужно сделать. Камилла, оставь меня в покое, пожалуйста, — проговорил он, сквозь зубы.

Вместо того чтобы обидеться, она присела рядом. Фрэнк напрягся, и затаил дыхание, вдыхая дурманящий аромат свежего морского ветра. Она пыталась соблазнить? Или спровоцировать?

— Тебя быстро отпустили? — поинтересовалась она, вглядываясь в его лицо.

— Не совсем, миссис Райзен. Вначале пришлось пройти некоторые формальности. В результате я лишился нескольких зубов, мне переломали все ребра, сломали руку, отбили почки. А так, все замечательно.

— Ты сам во всем виноват, — коротко бросила она.

Фрэнк усмехнулся. Вместо извинений, она демонстрировала злорадство.

— Я знаю, что виноват. Главная моя ошибка, я не родился главой города, Аланом Райзеном. Денежным мешком бездонной глубины. Кто я по сравнению с ним?

Она зло усмехнулась.

— Ты считаешь, я вышла за него из-за денег?

— Нет. Конечно, нет. Ты вышла за него, потому что он — потрясающий мужчина и любовник.

— Неужели ты считаешь, что ты мог быть для меня лучше любовником, чем он? Ты, Эдвард? У тебя действительно что-то с головой, — с откровенной издёвкой воскликнула она.

И громко, обидно расхохоталась, запрокинув голову назад.

Лучше бы она съездила ему по физиономии. Такого унижения Фрэнк снести был не в состоянии. Он схватил её в охапку, прижал к поверхности дивана, резким движением стащил лиф, начал жадно целовать губы, лицо, шею, обнажённые груди. Его рука скользнула под платье, не найдя никакой преграды. Камилла не носила белья. Она вздрогнула, когда его сильные пальцы проникли внутрь её тела, и бесцеремонно, грубо стали ласкать сразу в двух местах. Он ждал, что она начнёт вырываться, звать на помощь, но она быстро ослабела, отдавшись напору. Он нетерпеливо задрал подол её роскошного платья, которое жалобно затрещало по швам. Потянулся расстегнуть брюки, их руки встретились, словно она в нетерпении хотела сделать это сама.

Фрэнк адским усилием воли прервался, услышав чей-то сдержанный кашель. Рядом стоял Роджер с совершенно бесстрастным выражением лица. Только прищуренные глаза выдавали его чувства. Фрэнк перевёл глаза на Камиллу. Она смотрела на него не со страхом или отвращением, а с удивлением. Медленно поднялась, оправила помятое, порванное платье и ушла. Не убежала, не дала пощёчины. Просто ушла, во всем её облике ощущалось недоумение. Проводив её взглядом, Роджер присел рядом с Фрэнком. Помолчав, холодно проронил:

— Что с вами случилось? Вы больше не в состоянии контролировать себя и держать штаны застёгнутыми? Куда вы торопитесь? На виселицу? Хорошо, это ваше дело. Но вы подставляете меня.

— Роджер, вы не заметили, мне уже не пять лет и я могу решать сам, что делать, —

проворчал Фрэнк, вытирая пальцы платком. — Она пришла сама и стала меня провоцировать.

— Да и как же?

— Сказала, что я — импотент и расхохоталась мне в лицо.

— Не думаю, что Камилла имела в виду это.

Фрэнк поднял на него глаза, изучая выражение лица Роджера.

— Я не понимаю, что вы хотите этим сказать. Но, если мистер Райзен захочет меня кастрировать за изнасилование его жены, вы-то тут при чем, Роджер?

— Изнасилование? — к своему удивлению, Фрэнк ощутил откровенную насмешку в голосе Роджера. — Она была бы счастлива, если бы Эдвард это сделал.

— Роджер, если вы мне не скажете сейчас же, в чем дело! То я не знаю, что я сделаю!

Роджер помолчал, достал портсигар, закурил.

— Знаете, дорогой друг, я думаю, вам будет неприятно узнать то, что я сообщу. Наверно, очень неприятно. Я хотел сказать вам это раньше, чтобы вы вели себя иначе. Но потом понял, что это немыслимо.

— Роджер, к чему эти занудные рассуждения? — перебил зло Фрэнк. — Говорите начистоту. Я выдержу, у меня крепкие нервы. А ваши загадки и тайны меня бесят.

— Хорошо. Я скажу вам. Потому что вы ведёте себя в высшей степени неразумно. И все больше подставляете меня под удар. Эдварда не интересовали женщины. Вы понимаете, о чем я? Не интересовали. Он предпочитал мужчин. Он ухаживал за Камиллой, чтобы заполучить наследство её отца. Он сорил деньгами, а я ограничивал его. Кроме того, этот брак придал бы ему респектабельности. Она влюбилась, но накануне свадьбы все-таки узнала правду и разорвала отношения. Сейчас она может понять, что видит перед собой другого человека. И поделится этим откровением с мужем.

— Роджер, почему, черт возьми, вы раньше не сказали об этом! — взорвался Фрэнк.

— А что бы это изменило? Вы — мужчина, настоящий мужчина, не смогли бы играть подобную роль. Никогда. Но я представить не мог, что вы увлечётесь Камиллой. Так сказать, ответите на её страстное желание, которое, думаю, в ней не угасло окончательно.

— Пусть она думает, что Эдварда там вылечили от этого, — проворчал Фрэнк.

— Чепуха. Она не поверит в это. Ваша слишком откровенная мужская любовь и опытность может навести её на определённые мысли. Вы понимаете, о чем я.

Глава 7. Хитрый план

Фрэнк услышал в трубке взволнованный голос Берты и нахмурился.

Бросив трубку на рычаг, он выбежал из особняка и, свернув с улицы в переулок, быстро перенёсся через портал в штаб — лабораторию Берты.

— Что случилось, объясните толком? — бросил он нетерпеливо.

— Копы схватили Дока и Майло. Шон и Боб хотели их вытащить с помощью порталов, но Шона схватили, Боб еле успел вырваться, — объяснила срывающимся голосом Берта.

— Они что не взяли документы, что я им сделал?! — возмутился Фрэнк.

— Мы пока этого не знаем, — бросил Боб, молодой парень с тёмными волосами, чью повышенную лохматость компенсировали аккуратно постриженные бакенбарды. — Хотели выдернуть. Но их держат не в камерах, а в зале и там пытаются. Они прикованы к стенам, мы не успели ничего сделать! — воскликнул он в отчаянье.

— ОК. Боб, придумаем что-нибудь! — попытался ободрить его Фрэнк.

— А если сделать так, — воскликнул Питер. — Возьмём самое мощное оружие, ворвёмся в участок, перебьём охрану и всех освободим?

— Молодец. Копы вручат тебе медаль супергероя за это. А чтобы она хорошо держалась на твоей шее, выберут верёвочку потолще, — проронил Фрэнк, изобразив жестом, как будто затягивает удавку на шее. — Как ты не понимаешь. Копы ждут именно того, что мы ворвёмся туда, как стадо бизонов, и попадём в вырытую ими «яму».

— А что ты, черт возьми, предлагаешь? Представь, что с ними сделали. Наша трескотня — идиотизм. Может их уже повесили, пока мы треплем языками! — буркнул Боб.

— Я так не думаю. Копы хотят выбить из них всю информацию. Поэтому будут держать как можно дольше.

— Правильно. Они из них «выбивают» показания, а мы сидим в теплом местечке, и ведём душещипательные беседы.

— Я думаю, Боб, думаю, — Фрэнк нахмурился. — Я не вижу, чтобы кто-то предложил дельное.

— Надо опять организовать портал. Если не получится, сделать ещё раз! И ещё раз! — воскликнул Боб.

— Боб, ну зачем повторять бессмысленную операцию, которая наверняка провалится? — возразил Фрэнк миролюбиво. — Надо придумать что-то другое.

— Надо рискнуть! Не можем же мы здесь сидеть сложа руки и ждать?!

— Боб, заткнись, дай подумать, — буркнул Фрэнк, закрыв лицо руками и погрузившись в свои мысли.

И вздрогнул, услышав озлобленный вопль Боба:

— Ты ничего не сможешь сделать! После того, как погиб Бутч, и ты решил всем заправлять, все пошло наперекосяк, потому что ты — трус и тряпка! Я это всегда знал!

Фрэнк ощутил, как ярость подступает к самому горлу и пытается вырваться наружу, но досчитав до десяти, холодно возразил:

— Боб, я не сам решил. Меня выбрали вы все. Если ты считаешь, что я плохо это делаю, предложи, чтобы выбрали другого. Можешь сам этим заняться. Мне плевать!

— Конечно, тебе всегда было наплевать на нас! — сказал язвительно Боб. — Ты сам-то

живёшь прекрасно со своим дядей! Вкусная еда, мягкая постель, красивые девки! А мы тут гниём.

Боб, бросив разъярённый взгляд, развернулся, чтобы выйти из зала, но его остановил голос Фрэнка:

— Подожди, Боб, у меня появилась идея, очень ненадёжная, но другого у нас нет. Я сейчас расскажу, что вам с Бертой надо сделать, и как можно быстрее. От тебя это будет зависеть в первую очередь!

Райзен сидел в своём кабинете, нахмурившись. Утром звонил Каваллини и, не стесняясь в выражениях, громко возмущался. Вначале он не мог понять, чем так взбешён темпераментный артист, тот выкрикивал отдельные слова, совершенно не связанные между собой, соединяя их нецензурными выражениями.

Из этой мешанины звуков Райзен ясно разобрал только одно словосочетание — «Городские новости», и вспомнил, что это газетёнка, которую он не воспринимал всерьёз, ставя её на тот же уровень, что и плохую туалетную бумагу. Владелец Юджин Коллинз влачил жалкое существование и еле сводил концы с концами, в основном существуя за счёт объявлений о продаже и покупке предметов обихода, которые публиковали люди из низших слоёв. В газете появлялись статьи, вызывавшие зачастую смех безграмотностью и совершенно нечитабельным стилем.

Но на этот раз Коллинз опубликовал статью, написанную блестящим языком, она уничтожала Каваллини, и намекала на покровительство Райзена. Автор не оскорблял, а тонко и остроумно высмеивал их вкус, не произнося ни одного прямого обвинения. Райзен не мог придраться ни к одному слову в статье, все находилось в рамках приличий. Он перебрал мысленно всех, кто владел пером, и понял, что стиль не подходит никому.

Автор не просто умел хорошо писать, он прекрасно разбирался в искусстве, находил яркие, удивительно смелые эпитеты. В последней строчке заметки стояло: «продолжение следует», значит, Коллинз предполагал напечатать серию разоблачительных статей. Райзен представил, как будет при этом визжать Каваллини, и поливать грязью всех и вся.

Не дождавшись эффективных мер против оскорбившего его автора, меценат мог сам предпринять какие-нибудь действия, которые привели бы лишь к тому, что авторитет Каваллини и его покровителя упадёт сильнее, поскольку обо всем узнает автор статьи и изложит в подробностях.

Включилась громкая связь, и в кабинет прошёл Стэнвуд, шеф полиции, коренастый, плотный мужчина с широким, высоким лбом, который преобладал над обрюзгшим, оплывшим лицом, с большими мешками под глазами, выдававшими нездоровый образ жизни.

— Как обстоят дела с ликвидацией банды, которая взломала сейф в банке Джордана? — спросил Райзен.

— Мы их пока не нашли, — ответил хмуро Стэнвуд.

— Стэнвуд, вы меня просто удивляете. Сколько человек проживает в Атлант-Сити? Двадцать миллионов, сто миллионов? Или все-таки чуть больше десяти тысяч? И среди них вы не можете найти кучку преступников? Я же не говорю о том, что ваши болваны-полицейские провалили операцию по захвату банды. Хотя вы заверяли меня, что это плёвое дело. Подкупили человека, выслали лучший отряд полицейских, а в итоге мерзавцам все

равно удалось сбежать. На что это похоже? На некомпетентность или саботаж?

— Мистер Райзен, мы поймали трёх членов банды, сейчас ведётся их допрос. Через некоторое время мы узнаем от них все, имена, местоположение остальных бандитов, — быстро проговорил Стэнвуд.

— Вот как? Это уже лучше. Надеюсь, что вы не провалите эту операцию, как предыдущую. Я обязательно проконтролирую, — проронил Райзен. — Так, а что вы смогли выяснить по поводу заметки в газете?

Стэнвуд молча положил на стол папку, которую Райзен просмотрел, мрачней и спросил:

— Я так понимаю. Коллинз не продавал своей квартиры, и не закладывал типографии? Где же он взял деньги на оплату этого писаки? И почему в документах нет никаких указаний об оплате «специального корреспондента»? — проронил Райзен. — Подробно я ознакомлюсь с этим потом. Вы смогли понять, кто это написал?

— Мы пока не знаем, — пробурчал Стэнвуд. — Но мы можем допросить Коллинза.

— Стэнвуд, то, что вы можете это сделать, я прекрасно понимаю, но для этого должен быть хоть какой-то повод, — изрёк Райзен ледяным тоном. — В городе и так не довольны действиями полиции, которые хватают и тащат в участок кого придётся, и проводят допросы с пристрастием, — добавил он с нескрываемым раздражением.

— Он мог оплатить ему наличными. Деньги получить за счёт каких-то махинаций. Мы можем арестовать его на этом основании и заставить сказать, кто это написал. Или приставить к нему шпиков, чтобы они выяснили все его связи с подозрительными лицами. В крайнем случае, мы его уничтожим, — предложил Стэнвуд, увидев, что лицо Райзена скривила гримаса презрения.

— Ваши мафиозные методы решения проблем здесь не годятся, — проронил глава города недовольно. — Если исчезнет Коллинз, этот писака найдёт другую газету, или будет издавать свои опусы на листовках, и мы получим ползучую революцию. Возможно, Коллинз затеял все это, чтобы получить дополнительный доход. Судя по отчёту, он просто озолотился, напечатав несколько дополнительных тиражей этого номера, а доходами поделился с этим мерзавцем. В любом случае необходимо выяснить, не связан ли автор статьи с бандитами.

Стэнвуд терпеливо ждал, когда Райзен отпустит его.

В последнее время шеф полиции испытывал сильнейшее раздражение от общения с главой города. Райзен постоянно издавал приказы, противоречащие друг другу. Наверно, он видел в них логику, но Стэнвуд, не обладавший таким же умом, действовал в полном соответствии с его указаниями, и всякий раз оказывалось, что он опять не понял Райзена, и сделал все наоборот.

— Ладно, Стэнвуд. Теперь в городе две проблемы — взломщики и Тревор Спенсер. Вы пока не решили ни одной. Я не знаю, чем вы занимаетесь. Может быть, вы считаете, что вы слишком плохо живете, или я вам мало плачу за вашу работу, и вы бы хотели работать у кого-то другого. Я не могу приказывать вашим подчинённым, каждый должен заниматься своим делом. Я занимаюсь бизнесом, вы его должны защищать. Прискорбно, но делаете это вы из рук вон плохо.

Стэнвуд мрачнее тучи вышел из кабинета и вернулся в полицейский участок

Прошёл по коридору, выкрашенному ядовитой зелёной краской, слыша, как гогочут

полицейские в комнате, которая находилась напротив его кабинета. Они так шумели, что заглушали вопли несчастных. Вышел в огромный зал, где пытали двух пойманных бандитов.

Понаблюдав, как бьют кнутом одного из арестованных, и сделал жест временно прекратить. Подошёл ближе к тяжело дышащему бандиту и жёстко спросил:

— Ну, надумал нам рассказать о вашем главаре, о штабе? Кто из вас так хорошо освоил взлом сейфов? Не надейся, никто вас не спасёт. Если расскажешь, умрёшь спокойно, без мучений. Будешь сопротивляться, пройдёшь все круги ада.

Тот поднял голову, и тихо сказал:

— Хочу доставить больше удовольствия подручному дьявола.

Стэнвуд поморщился, этот бандит умудрялся шутить, несмотря на то, что его уже дважды доводили до предсмертных конвульсий, возвращали к жизни, чтобы опять подвергнуть страшным мучениям. Боялся ли бандит сказать правду, или действительно настолько предан главарю — Стэнвуд не понимал.

Но знал абсолютно точно, пара подобных пыток и арестованный просто сойдёт с ума, и от него уже ничего нельзя будет добиться. Он вернулся в свой кабине, тяжело уселся за стол, расстегнув мундир. Достал пару папок, начал бездумно листать, пытаясь отвлечься. Несмотря на криминальное прошлое и многолетнюю службу Райзену, за время которой ему приходилось выполнять много «грязных» поручений, он так и не смог привыкнуть к зрелищу пыток.

После того, как для пыток стала применяться сыворотка А-192, несчастных проводили через серию различных ухищрений, пока они не рассказывали все, что хотели знать их палачи. В первое время, копы часто ошибались, и арестованные успевали легко умереть, до того, как им успевали ввести сыворотку, но потом это дело поставили под медицинский контроль, и таких случаев стало гораздо меньше.

Копы, стоявшие на посту, услышав, что кто-то прошёл в участок, напрялись, и перехватили в руки томми-ганы, ожидая посетителя. Стэнвуд предупредил их, что бандиты обязательно предпримут попытку освободить заключённых, поэтому приказал не пропускать никого без его разрешения. В коридоре послышались шаги.

Тусклое освещение из лампочек, встроенных в стены, не давало рассмотреть гостя. Но когда он подошёл ближе, копы узнали в нём Алана Райзена, который мрачно взглянув на них, быстро прошёл в дверь, подобострастно открытую перед ним, вышел в зал, где полицейские пытали бандитов.

Услышав, как хлопнула дверь, они обернулись и, остолбенели, узнав главу города. На его лице не дрогнул ни один мускул, когда он слышал дикие вопли несчастных, и чуть безразлично поморщился, когда пара капель крови попала на его лакированные штиблеты. Понаблюдав какое-то время, он приказал копам прекратить и привести бандитов в чувство.

— Доставьте этих мерзавцев в мой особняк, хочу лично с ними поговорить, — проронил он надменно. — Рядом с участком стоит машина, — добавил он и вышел из зала.

Копы, удивлённые приказом, все-таки выполнили его. Нацепили на арестованных наручники, вывели на улицу. Около дверей стоял грузовой пикап цвета «кардинал», с отделанными позолотой, колпаками и решёткой радиатора, рядом с которым они увидели Райзена и двух полицейских. Обернувшись на шум, хозяин города безразлично проронил:

— Что вы так возитесь? Быстро сгружайте этот мусор в кузов!

Копы удивлённо взглянули на главу города, который собирался ехать вместе с

арестантами, но выполнили приказ.

Один из копов, приехавших вместе с Райзенем, залез в кузов к арестантам.

Другой коп подобострастно распахнул дверь перед главой города. Бросив презрительный взгляд на копов, остолбенело стоявших на тротуаре, сел в машину.

Дверь в кабинет Стэнвуда отворилась, и он увидел на пороге лейтенанта Аронсона, который бодро отрапортовал:

— Сэр, приходил мистер Райзен и приказал отправить арестованных в его особняк.

Стэнвуд на мгновение потерял дар речи.

— Что ты несёшь, болван?! Какой мистер Райзен? Ты пьян, мерзавец!

— Никак нет, — ответил лейтенант, вытянувшись в струнку. — Глава города нам приказал, и мы выполнили.

— Мистер Райзен отдаёт приказы исключительно через меня! — заорал он, и осёкся, понимая, как ловко бандиты обвели его подчинённых вокруг пальца. — Когда он был здесь?

— Только что. Сказал, что будет ждать в машине, — заикаясь, ответил Аронсон.

Стэнвуд побагровел от злости.

— Догнать! Быстро! Мерзавцы! Негодяи!

— Фрэнк, за нами погоня, — сказал Питер растерянно.

Фрэнк взглянул в зеркало заднего вида и усмехнулся.

— Быстро просекли. Не такие они идиоты.

— Они догонят нас на такой машине, — устало проронил Боб, бросив маску Райзена на приборную панель.

Фрэнк вжал педаль газа в пол, свернул на другую улицу, машина с рёвом пролетела мимо удивлённо останавливающихся прохожих.

— Нет, не догонят, у нас тачка быстрее, я об этом позаботился, — объяснил он весело.

— Догонят, Фрэнк! — в отчаянье воскликнул Боб.

Они свернули на другую улицу, и Фрэнк увидел впереди ряд машины, перегородивший проезд.

— Черт, откуда они все взялись? — воскликнул он.

— Это машины горожан, — объяснил Питер. — Они так всегда делают, чтобы задержать кого-то.

— Твою мать! — выругался Фрэнк. — ОК. Ничего не поделаешь, — произнёс он спокойно, будто решил сдаться.

— Ты что, Фрэнк, давай, жми на газ. Уйдём! — в ужасе закричал Боб.

Фрэнк насмешливо взглянул на него, свернул на тротуар, и весело крикнув: «Пригнулись, парни!», разнёс вдребезги стеклянную витрину шикарного магазина с выставленными в ней вечерними нарядами, и оказался на улице. Но увидев, что перед ними выстроились рядами машины разных марок, выругался. Затормозил, оглядевшись, и вновь нажал на газ, свернув в узкий переулок.

— Фрэнк ты что спятил?! — вскрикнул Питер. — Идиот! Там тупик!

Он в ужасе оглянулся, заметив, что пара машин тоже свернула в переулок, и быстро нагоняет их, а перед ними в десятке метров вырастает дом, и похолодел от ужаса, увидев, с каким азартом Фрэнк ведёт машину на полной скорости прямо на стену.

Протянул руку, чтобы вырвать руль, но Фрэнк бросил на него задорный взгляд, и

включил фары. Они образовали впереди высокий овал, машина проскочила в него и исчезла на глазах изумлённых копов, которые, не успев затормозить, врезались в стену, превращая с грохотом свои машины в груды железа.

Фрэнк нажал на педаль тормоза, остановив машину в полуметре от вагона, стоящего на рельсах.

— Уф, все, — сказал он, оглядывая своих спутников, сидевших с открытыми от изумления ртами. — Ну что уставились? Маленькое усовершенствование. Вылезайте.

— Когда ты успел это сделать? — пролепетал, заикаясь, Боб.

— Когда-когда, — передразнивая его, язвительно воскликнул Фрэнк. — Не всегда же я с девками сплю. Иногда что-то делаю. Руками. И головой иногда.

Боб смутился, вспоминая предыдущий разговор. Фрэнк, похлопав его по плечу, подошёл к Доку и Майло, которые медленно вылезали из кузова.

— Как вас схватили-то? — спросил он.

Док смущённо опустил голову.

— Да, мы хотели провести проверить одно дельце, — промямлил Майло.

— Мать вашу, я вам мало денег даю? — воскликнул Фрэнк зло. — Какого дьявола вы воруете?

— Да, достали эти буржуи до чертей, — бросил Док и осёкся.

Фрэнк расхохотался.

— Ладно, на днях проведём одну операцию, — сказал он, передразнивая Дока.

В отличном настроении Фрэнк вернулся в особняк Роджера.

— Дорис, мне кто-нибудь звонил?

— Нет, мистер Кармайл.

Фрэнк взял почту со столика, стал просматривать, усевшись в кресле. Не найдя ничего интересного, выкинул в мусорную корзину и заметил разорванные кусочки мелованной бумаги с золотым тиснением. Он сложил их, улыбнулся и зашёл в кабинет Роджера. И удобно расположился в кресле напротив его стола.

— Каваллини приглашал нас на премьеру мюзикла? Он ставит спектакли? Представляю, что это за шоу, — саркастически проронил Фрэнк.

— Поэтому я и не сообщил вам, — пояснил Роджер, бросив на него изучающий взгляд.

— Роджер, вы не сказали, потому что не хотите, чтобы я встречался с Камиллой, — возразил Фрэнк.

— И поэтому — тоже. Вы совершенно не желаете вникнуть в мои предупреждения.

— Роджер, ну, во-первых, я просто хочу пойти на это мероприятие, поскольку манкировал приглашением на его оргии. Во-вторых, Камилла — не вещь, и тоже обладает свободной волей, как и он. Пусть сама выбирает. Каждый человек должен стремиться к личному счастью. Райзен сам все время об этом талдычит. Вот я и поступаю в соответствии с его указаниями.

— А о том, что вы разрушаете его личное счастье, вы не думаете? — спросил Роджер.

— А что говорится в его философском трактате? — с ухмылкой поинтересовался Фрэнк.

— Это не имеет значения, — отрезал сухо Роджер. — Вы играете с огнём.

— Вы меня убедили, Роджер. Я забуду о существовании миссис Райзен навсегда.

Роджер только покачал головой. Он не поверил.

Фрэнк вылез из машины и поразился великолепию здания театра, выполненного в стиле барокко, украшенный колоннами, ажурными арочными лоджиями, пилястрами, с изящным портиком в центре. Внутреннее убранство оказалось под стать: стены, задрапированные тяжёлыми фактурными обоями в красно-терракотовых тонах с замысловатым рисунком, с этажа на этаж гостей переносили лифты в виде стеклянных цилиндров с металлической окантовкой с позолотой.

Зал театра производил впечатление дворца восточного падишаха: потолок с хрустальной люстрой в центре живописного плафона, два яруса балконов, украшенных лепными орнаментами с тонкой позолотой. Мраморные полуколонны с декоративной капителью обрамляли полукруглый зал, к которому примыкала огромная сцена, закрытая театральным занавесом, похожим на вытканый вручную ковёр с картиной из жизни древнегреческих богов.

Когда подняли занавес, и начался спектакль, Фрэнк с трудом узнал в этом пошлом шоу пьесу Шекспира, исковерканную до неузнаваемости, и поразился, как бездарно и безвкусно можно играть на сцене этого великолепного театра. Пару раз Фрэнк порывался встать и уйти, и Роджер, с трудом предугадывая его желание, усаживал на место.

Он видел, как Фрэнк морщиться, когда слышит потоки матерщины, которые изрыгались с роскошной сцены.

В антракте Фрэнк решил погулять по коридорам, вышел в партер и оглядел театральные кресла, обитые бордовым бархатом, ярусы балконов, ему почему-то пришло в голову, что в этом огромном зале можно легко организовать покушение на главу города, и скрыться незамеченным. Он прошёлся по разным уровням, заметив, что все они оформлены в одном стиле, но гамма цветов используется разная: бежевая, терракотовая или розовая мраморная плитка.

Он старался не смотреть напротив, но не выдерживал. Пару раз их взгляды с Камиллой пересеклись, она отводила глаза. После второго акта этой пошлой пьесы, который ничем не отличался в лучшую сторону от первого, Роджер сказал, что они должны поприветствовать Райзена. Они прошли в ложу, и Роджер рассыпался в комплиментах, вызвав непроизвольно у Фрэнка приступ тошноты.

Заскрипела раздвижная дверь, Фрэнк быстро обернулся и заметил в щели нечто похожее на дуло револьвера. Он резко распахнул створки. Прогремел выстрел. Руку выше локтя обожгла пуля. Бандит ворвался в ложу с револьвером в руках, развернулся к Райзену, который стоял к нему боком. Фрэнк интуитивно закрыл его собой, услышал ещё один выстрел, ощутив резкий удар в сердце.

В следующее мгновение он оказался рядом с противником, съездил ему ногой в колено, точным ударом по предплечью отклонил револьвер вниз, выбил из рук, и вмазал хорошенько по физиономии. Перед глазами возникло изумлённое лицо террориста, его побелевшие глаза.

Скрутив нападавшего, Фрэнк бросил его в объятия растяп-полицейских, которые удосужились прибежать лишь «под занавес». Когда Фрэнк увидел, что копы уведут несостоявшегося убийцу, он представил, что сделают с ним в участке и сердце сжалось. Подойдя к Фрэнку, Райзен холодно поблагодарил его, даже не поинтересовавшись, не пострадал ли спаситель.

К удивлению Фрэнка спектакль не прервали, а выставив постовых у ложи Райзена, продолжили. Когда они вернулись в свою ложу, Роджер сел в кресло и мрачно поинтересовался:

— Вас ранили?

Фрэнк вспомнил удар в область сердца. Отвернув полу пиджака, вытащил из внутреннего кармана плоскую металлическую фляжку, с отверстием с развороченными краями.

— Роджер, ваш подарок спас мне жизнь, — улыбнулся он.

— Не валяйте дурака, — Роджер нахмурился. — Я позову врача.

Он нажал кнопку и бросил сердитый взгляд на своего спутника. Фрэнк только сейчас заметил, что на плече расплылось кровавое пятно.

Когда врач, сделав перевязку, ушёл, Роджер, не отводя взгляда от сцены, холодно спросил:

— Может быть, нам уйти? Вы плохо выглядите.

— Пустяки, Роджер. Царапина.

Повисла пауза. Фрэнк ощущал, что Роджер пребывает в очень дурном расположении духа.

— Вы удивительно глупо себя ведёте, — сказал он, наконец.

— Господи, ну, что я опять не так сделал? Неужели проявил этот проклятый альтруизм? — Фрэнк попытался обратить все в шутку. — Я спасал Райзена — главу города. самого ценного члена нашего общества! Без которого жизнь в городе невозможна! Заслонил грудью от пули наёмного убийцы!

Губы Роджера скривила злая усмешка.

— Глупейшая, абсолютно бессмысленная выходка. В вашем духе.

Фрэнку показалось, что Роджер выглядит таким сердитым, потому что тщетно пытается скрыть реальное беспокойство за жизнь своего мнимого племянника.

— Конечно, глупость. Райзена надёжнее и безопаснее застрелить с верхних ярусов из оптической винтовки. И смыться через крышу. Никаких проблем.

— Занимательно, какие у вас глубокие познания в области заказных убийств. Я стану бояться находиться с вами в одном доме. Убить Райзена из винтовки точно также нельзя.

— Почему? Потому что он — основатель города? Моральные принципы не позволяют?

— Нет, конечно. Вовсе нет. Если бы его можно было убить, я бы сам это сделал, — хладнокровно пояснил Роджер.

Фрэнк удивлённо поднял брови. Роджер выглядел абсолютно серьёзным.

— Райзен бессмертен?

— В определённой степени. Несколько лет назад он финансировал эксперименты в области генетики. Учёные создали специальные устройства, которые позволяют ему возрождаться. Вначале, предполагалось, что эти устройства будут работать для всех бизнесменов города, но потом Райзен решил, что это чрезмерные траты. Всех заменить можно, его — нет. Эти устройства называются «камеры жизни». Если бы Райзен погиб от рук террориста, то потом бы благополучно воскрес. В отличие от вас, мой друг. Это уже происходило на моих глазах несколько раз. Проблема только в предсмертных муках. Это неприятно, как он признавался. Так что, вы теперь понимаете, расправиться с Райзеном с помощью револьвера, винтовки, любого другого оружия невозможно.

Фрэнк ясно осознал, что именно об этих устройствах рассказывала Берта. Она лишь не сказала, что в этих цилиндрах глава города спасается от расправы горожан, недовольных его режимом.

— Кажется, я начинаю догадываться, Роджер. Вы хотели бы, чтобы я отключил камеры жизни?

— Мой дорогой друг, я не альтруист. Я вызволил вас с завода Хаммерсмита, потому что решил, что вы могли быть мне полезны.

— Бессмертный диктатор, — задумчиво проговорил Фрэнк. — Тогда, почему вы против моих встреч с Камиллой? Логично предположить, что я захочу убрать мужа.

— Вы ставите телегу впереди лошади. Вначале разберитесь с мужем, а потом затаскивайте вдову в постель. Но вам не терпится продемонстрировать ваши способности.

— В таком случае мне проще увезти её.

— Нет. Вы не сможете выбраться, пока жив хозяин. Не думайте, что я хочу обмануть вас и заставить сделать то, что нужно мне. Многие пытались покинуть город, с помощью различных транспортных средств или пешком. Для всех это закончилось печальным финалом.

— Да, Роджер, все оказывается не так просто. Путь к постели женщины теперь лежит через камеры жизни. Забавно.

В зале погас свет, начался третий акт, и Фрэнк замер, поражённый.

— Божественно, — восторженно протянул он, ощущая, как у него щекочет в горле от звуков бархатного, чарующего голоса певицы, которая вышла на сцену. — Черт возьми, как она в этом борделе оказалась!

Он выхватил программку и пролистал, пытаясь разобрать имя певицы.

— Ирэн Веллер, — сказал Роджер.

Фрэнк удивился тону, каким Роджер назвал имя певицы. Но тут же схватив бинокль, стал жадно рассматривать стройную девушку в лёгкой, полупрозрачной тунике. Она восхищала знойной чувственностью: смуглая, нежная кожа, чёрные, как смоль волосы струились по плечам, опускаясь до талии; безукоризненный овал лица, высокий, чистый лоб, резко очерченный рот. Огромные, миндалевидной формы глаза с пушистыми ресницами. Восхитительно живая, точная мимика, артистизм. В пение принимало участие все — гибкое, точёное тело греческой статуи, изящные руки, которые порхали, как птицы, волнистые пряди волос.

— Какие ножки, черт возьми, — присвистнул Фрэнк. — Грудь, попка... Роджер, она замужем?

— Нет. Возьмите мою машину, я вызову другую. Купите мисс Веллер что-нибудь с изумрудами. Эти камни под цвет её глаз. Здесь поблизости есть ювелирный магазин, — спокойно предложил Роджер. — Она предпочитает белые розы. Только имейте в виду, не заваливайте охапками. У мисс Веллер хороший вкус.

— Роджер, неужели, вы не будете возражать? — с иронией воскликнул Фрэнк, удивлённый точным инструктажем. — Я поражён. Я не вызову гнева всемогущего Хозяина, если проведу вечер с этой красоткой?

— Не пытайтесь иронизировать. Если бы вы прибыли в наш город чуть раньше, то вызвали бы.

— И что меня удивляет больше, — хмыкнул Фрэнк. — Наш похожий вкус с ним? Или его способности?

Ирэн сидела перед огромным трельяжем, устало стирая грим. Бросив взгляд на корзину роз, достала карточку. Брезгливо поморщилась, прочитав имя. И разорвала на мелкие клочки.

— Войдите, — воскликнула она, услышав осторожный стук в дверь.

— Мисс Веллер, вы так прекрасно поёте. Я потрясён, — Эдвард стремительно вошёл и остановился за её спиной.

— Благодарю вас, мистер Кармайкл, — проронила она холодно, отвернувшись к зеркалу.

— Мисс Веллер, я хотел предложить вам поужинать со мной. В итальянском ресторане. Тут неподалёку.

Она бросила на него быстрый взгляд в зеркало, поразившись, как он откровенно пожирает её глазами. Хотя она прекрасно знала, что Эдвард предпочитал мужчин.

— Я очень устала, мистер Кармайкл.

— Я понимаю, надеюсь, что это поможет вам ощутить себя немного бодрее, — произнёс он мягко, положив перед ней коробочку из бордового бархата.

Она открыла крышку, быстро перевела взгляд на него. Ощувив, как охватывает дрожь, которую не может сдержать. Внешне он выглядел так же, как раньше, холёное лицо британского аристократа, словно вырезанные из камня черты. Но его обычная манерность и холодность исчезли. Открытая, искренняя улыбка, будто освещающая лицо изнутри тёплым, солнечным светом. Искрящиеся радостью глаза. В его облике сочетался одновременно животный магнетизм, цинизм опытного мужчины и мальчишеская незащищённость. Откуда это могло появиться в нём?

Легко приобняв её, он мягко поцеловал в шею, едва прикоснувшись губами, но она ощутила, что её пронзил, будто разряд тока.

— Я действительно устала, — Ирэн сделала слабую попытку противостоять его напору. Или сделала вид, что не настолько доступна.

Он наклонился к её уху и прошептал:

— Я донесу тебя на руках.

Он галантно распахнул перед ней дверь, когда они выходили из служебного входа. Подвёл, придерживая за руку, к роскошному кабриолету. Это поражало, никто раньше так не обходился с ней.

Маленький ресторан, ценившийся богатыми горожанами за уютную атмосферу, великолепно приготовленные блюда и вышколенный персонал. Безупречный дизайн ар-деко, сочетающий изысканность модерна и симметричность классицизма. Арочный вход с полуколоннами, из центра которого свисали массивные, круглые часы в бронзовом обрамлении. Строгие, линейные формы отделанных жёлто-розовым мрамором стен с геометрическим орнаментом, наборный паркет. Весь интерьер, оконные рамы, подоконники, балюстрады второго этажа из резного, полированного красного дерева. Маленькие круглые столики и кресла в розовато-голубой гамме. Живописные потолочные плафоны с позолотой. Светильники, представляющие собой каскад широких, плоских колец из тонкой бронзы, с плафонами в виде маленьких ночничков с оранжевыми абажурами. Высокий камин из резного терракотового камня.

Ирэн никогда не бывала здесь. Для неё, певички, мужчины предпочитали что-то более простое, дешёвое и доступное. Так же, как они оценивали её. Эдвард оценил значительно

выше.

Он сел напротив, подождал, когда официант разольёт вино. И о чём-то задумался, скрестив руки перед собой.

— Ирэн, почему ты поёшь у этого козла? — грубо спросил он.

— Каваллини — директор и режиссёр этого театра. Где же я могу петь? — удивилась она резкой перемене его настроения.

— Перейди в другой театр. Нельзя тратить свой потрясающий талант на такое убожество. Каваллини — извращенец. Такой матерщины я нигде раньше не слышал. Это не искусство.

— Эдвард, ты какой-то странный, — покачала она головой. — Если я уйду из этого театра, больше нигде не смогу петь. Только в кабаках. Он позаботится об этом. Странно, как ты отзываешься о лучшем друге, — чуть усмехнулась она.

— О друге? — он коротко и зло рассмеялся. Откинулся на спинку кресла, сжав губы, о чем-то задумался. — После клиники я поменял круг друзей, — объяснил он.

— Я заметила, ты, и сам сильно изменился.

— Надеюсь, не в самую худшую сторону.

— Безусловно. Ты стал такой мужественный. Раньше ты выглядел иначе, манерным, скользким. Извини. Сейчас вся труппа Каваллини из таких, — с горечью произнесла она. — И все попадают в его труппу не просто так.

Он усмехнулся, пригубил вина.

— Но ты же поёшь там? — возразил он.

— Я и раньше пела, поэтому он оставил меня. Но я была примой, а теперь пара арий в третьем акте.

— Ирэн, а зачем ты вообще переехала сюда? С твоим божественным голосом и головокружительной внешностью ты блистала бы везде! — бросил он раздражённо. — Райзен тебе обещал тоже свободу от ханжеской морали? Вот ты её получила в виде Каваллини, который услаждает слух матерщиной, а взор — голыми жопами и членами своих любимцев. Все логично.

— Почему ты так жесток? — она страдальчески всхлипнула, опустив голову. — Да, я ошиблась. Я же не знала, что так будет. Мне надоело постоянно выслушивать, что я не так пою, не так одеваюсь, не так стою на сцене. Я хотела свободы, чтобы просто петь, как хочу. Неужели это так плохо?

— Да не плохо, конечно. Просто надо было понимать, что у всего есть обратная сторона. И за подобную свободу придётся заплатить. Прости, Ирэн. Я не хотел тебя обижать, — он взял её за руку, нежно погладил. — Я постараюсь тебе помочь. Обещаю.

— Как ты мне поможешь? — пробормотала она с горечью. — Убьёшь Каваллини?

— Ну не в прямом смысле, — усмехнулся он загадочно.

— Я думаю, не стоит. Ты можешь серьёзно за это поплатиться. И ради кого? Какой-то второсортной певички. Ты не забыл, Каваллини — лучший друг Райзена.

Он усмехнулся, опершись рукой о подбородок, о чем-то глубоко задумался.

— Ирэн, ты думаешь, я хочу тебя в постель затащить, поэтому красуюсь? — спросил он, наконец. — Пытаюсь впечатление произвести? Нет, ты мне нравишься. Очень. И ты вовсе не второсортная певица, а очень талантливая. Но дело не в этом. Дело в принципе.

— Почему тебя это так стало задевать? Раньше тебя это совершенно не интересовало.

Он вытащил портсигар, закурил, обдумывая ответ поубедительней.

— В клинике я понял многое. Переосмыслил свою бессмысленную жизнь, в которой есть такое убожество, как Каваллини. И вычеркнул из своей жизни.

— А он о тебе вспоминает постоянно. Ставит в пример твой безупречный вкус, поскольку ты был в восторге от его искусства, — в её голосе ощущалось ирония.

Фрэнк не обиделся, а рассмеялся.

— Он будет сильно разочарован.

— А чем ты сейчас занимаешься, Эдвард?

— Хочу кое-что сделать на заводе дяди. У него отличные тачки, дешёвые, надёжные. Но очень скучные. Хочу сделать спорткар с хорошими ходовыми качествами, новым движком, революционным дизайном. Что-то лёгкое, стремительное, мощное, чтобы глаз радовало. Если удастся, выступлю на этой машине в ралли.

— Как Сидни Аллард? — поинтересовалась Ирэн, вспомнив о британском конструкторе спорткаров.

Его глаза потеплели, он приятно удивился, что Ирэн знает.

— Да, что-то типа того.

Его словно прорвало, он начал с жаром рассказывать о своём проекте, все больше и больше углубляясь в детали. Раньше глаза Эдварда выглядели, как у дохлой рыбы. Сейчас они горели ярким, живым огнём, наэлектризовывая, заряжая окружающее пространство своей энергией. Он быстро, темпераментно жестикулировал. Сыпал терминами, которые Ирэн плохо понимала, но они звучали, как пленительная музыка. Его тонкие, изящные пальцы порхали в воздухе, словно кистью вырисовывая контуры ошеломляюще прекрасного силуэта. И Ирэн наяву представила ту машину мечты, которую решил сконструировать Эдвард.

— Я бы хотела такую купить, — невольно вырвалось у неё. — Или это только для мужчин? — неуверенно пробормотала она.

— Нет, и для молодых, современных женщин тоже, — улыбнулся он. — Ирэн, если получится, я подарю тебе такую машину.

— Не надо. Это слишком щедро, — холодно пробормотала она, отводя глаза.

— Нет! Это не подарок! — азартно воскликнул он. — Это будет реклама! Лучшая певица в городе ездит на лучшей машине!

Она поморщилась.

— Это звучит, как насмешка, Эдвард.

— Ирэн, я обещаю тебе, что так и будет. Поверь мне.

Глава 8. Катастрофа

— Ну, что скажешь, Боб? — спросил Фрэнк.

— Ничего не выйдет, — вздохнув, ответил тот. — Дом — настоящая крепость, решётки на окнах, защита от порталов, в доме постоянно дежурит охрана, слуг новых не берут.

— Крыша?

— Люк заварен. Трубы нет.

— Подвал?

— В подвале — винный погреб, все двери заложены кирпичами. Вообще, глухо.

— Молодец, меры предосторожности принял, — проронил с иронией Фрэнк. — Но у меня тоже кое-что имеется.

Он куда-то ушёл, а вернувшись, бросил на стол пачку одежды.

— Так, одеваемся, парни, — сказал он.

Быстро скинул с себя всю одежду и натянул комбинезон, похожий на облегающий костюм аквалангиста, с капюшоном, закрывающим полностью лицо. Нацепил на глаза очки.

— И на хрен нам это нужно? Мы что вплавь, что ли собрались добираться? — недовольно пробурчал Шон.

Фрэнк снисходительно взглянул на него, и вдруг... исчез.

— Э... как это ты сделал? — пробормотал Боб.

Фрэнк, став видимым, показал на руку, где виднелась пластинка с кнопками.

— Нажимаешь кнопку, — объяснил он. — Включается невидимость. Но только пока стоишь, потом, увы. Потом попробую сделать, чтобы невидимость сохранялась, и когда ходишь.

— Круто, — проронил Боб. — Как ты это сделал?

— У хамелеона идею стащил, — ответил хитро Фрэнк. — Шапка-невидимка. ОК Парни, двинулись.

Фрэнк быстро осмотрелся в бинокль, вынул из рюкзака устройство и, разложив на крыше, превратил в планер.

— Схватились.

— А это полетит? — недоверчиво спросил Боб. — Хряпнемся на землю, только мокрое место останется, — добавил он, осторожно выглядывая с крыши пятиэтажного дома.

— Струсил? — весело сказал Фрэнк.

Боб нахмурился, и взялся за раму. Спрыгнув на крышу рядом стоящего особняка, Фрэнк аккуратно сложил планер и, осветил фонариком глухую стену под ними.

— Ну и как мы залезем внутрь? — тихо поинтересовался Боб.

Фрэнк усмехнулся, взял лестницу с кошками, прицепил к невысокому ограждению, и быстро нащупывая полупрозрачные ступеньки, спустился к единственному окну в глухой стене, и влез внутрь.

Шон и Боб, последовали за ним, выскользнули из комнатухи в коридор и слышали шаги охранников, которые громко переговаривались друг с другом.

— Замерли, — тихо скомандовал Фрэнк, через пару секунд их тела слились с окружающей обстановкой.

Как только охранники прошли мимо них, Фрэнк запустил по коридорам механическую муху, облетев все вокруг, она вернулась к нему, он быстро проскользнул к камере охраны, и, открыв пластинку, вставил маленькое устройство, которое вытащил из мухи. Вернувшись, объяснил:

— Это на время только, они будут видеть пустые коридоры, пока мы будем передвигаться. Но потом они поймут. Действуем оперативно.

Вся троица быстро пробралась в ближайшую комнату.

— Стой, куда несёшься? — сказал Фрэнк, хватая Боба за руку, который уже собирался дойти до сейфа, который поблескивал своей металлической поверхностью под лунным светом.

Он включил фонарик, осветив комнату. Сводчатый потолок с живописным плафоном; стол, покрытый тяжёлой скатертью с бахромой, обитые красным бархатом кресла в стиле эпохи Людовика XIV.

Всю комнату пронизывали незаметные защитные лучи, сходящиеся перпендикулярно друг другу. Фрэнк, подумав полминуты, быстро пробрался по мебели к стене, открыл незаметную дверцу, выключил защиту. Боб и Шон подбежали к сейфу, и Фрэнк тихо выругался.

— Это не сейф, обманка. Декоративная панель, встроенная в стену. Ну ладно, посмотрим, где же на самом деле он все спрятал.

Он переключил фонарик в другой режим. Теперь он отбрасывал на стены мертвенный зелёный свет, пронизывая внутреннее устройство стен, как сканер. Быстро перебежал к стене, снял картиной, за которой оказалась абсолютно глухая стена.

— Пусто, — разочарованно протянул Боб.

Но Фрэнк, хитро улыбнувшись, быстро провёл рукой по плинтусу вниз, отъехала незаметная панель, открыв небольшую нишу. Он проскользнул внутрь, переключил фонарик в золотистый цвет и стал осматривать кодовые замки. Боб и Шон прошли по комнате, пытаясь найти что-нибудь ценное.

Вдоль стен на низких шкафах были выставлены бронзовые фигурки, коралловые кусты, раковины, что делало комнату похожей на кунсткамеру. Боб снял пару картин со стены и начал отделять от тяжёлых рам. Шон прошёл вдоль стен, собирая понравившиеся побрякушки, просмотрел книги в старинных кожаных переплётах, выложенные на столе.

Фрэнк взломал замки, медленно открыл тяжёлую дверь и стал быстро просматривать содержимое сейфа. Когда он вернулся к своим товарищам, те с удовлетворёнными лицами поджидали его с мешком добра. Фрэнк стал просматривать его содержимое, откладывая некоторые вещи в сторону.

— Ты что делаешь? — разозлился Шон, увидев, что Фрэнк отложил большую часть картин, которые он снял со стен.

— Это копии или подделки, — объяснил спокойно Фрэнк. — Никакой ценности не представляют. Зачем лишний груз тащить? Ш-ш, — добавил он, услышав, как проходят охранники.

Один из охранников, высокий, худой детина, заглянул в комнату, осмотрев все углы.

— Ну что ты там слышал, Стив? — лениво спросил второй охранник. — Сюда даже мышь не проскочит. Не то, что воры.

— Может мышь и не проскочит, а проверить не мешает.

— Да боже ж мой, там стоит самая лучшая защита. Мы вообще тут для мебели.

Худой, не найдя ничего подозрительного, присоединился к напарнику, и они опять побрели по коридору, лениво переговариваясь.

— Отомрите, — сказал Фрэнк весело.

Шон и Боб двинулись и сразу стали видны, вышли в коридор, осторожно поднялись по винтовой лестнице, замирая на каждой ступеньке и сливаясь с окружающей обстановкой. Попад на второй этаж, Фрэнк на пару минут задумался, и быстро перебежав к двери, которая находилась слева, проскользнул туда.

Скрип двери привлёк внимания охранников, он резко обернулся и, заметив захлопнувшуюся дверь, рванул к ней, ворвался внутрь, и щёлкнул выключателем, загорелись лампочки в люстре, мгновенно осветившие всю комнату ослепительно ярким светом, заглянул за спинки диванов. И увидел торчащие из-под плотных портьер ботинки.

— Ага, попались! — воскликнул он радостно и распахнул шторы.

На его лице отразилось невероятное разочарование, он отодвинул вторую штору, вновь осмотрелся и, тяжело вздохнув, вышел из комнаты. Потом распахнул дверь ещё раз и ворвался внутрь, ожидая, что злоумышленники, наконец, проявятся. Не обнаружив никого, ушёл.

— Болван, — бросил Фрэнк насмешливо. — Думает, мы за занавеской будем прятаться.

Он сдвинулся с места и сразу обнаружил себя, будто с него спала невидимая оболочка. Эта комната собой роскошную гостиную с двумя, стоящими друг против друга старинными, низкими диванами, с бордовыми и бежевыми подушками. Большой камин, декорированный резным камнем, на полке — куча маленьких вазочек, статуэток. Фрэнк радостно присвистнул, увидев на стенах огромное количество живописных полотен. Подойдя поближе, рассмотрел и покачал головой.

— Ну чего? — спросил тихо Шон. — Будем брать?

Фрэнк улыбнувшись, и проронил:

— Все снимайте. Похоже подлинники.

Обошёл комнату, открыл столик, стоявший около стены, вытащил побрякушки, отобрав часть из них, сунул в мешок. Они выбрались в коридор, и пробрались в другую роскошную гостиную, обставленную мебелью на гнутых ножках. За стеклянными дверцами шкафов виднелась дорогая столовая посуда, фарфор. Напротив отделанного природным камнем камина стояло старинное кресло «бержер». На каминной полке — резные часы, фарфоровые статуэтки, раковины, фотографии в плетёных рамках. На стенах — картины с морскими пейзажами и сценами охоты.

— Ничего себе, — тихо воскликнул Шон, увидев огромную коллекцию оружия за стеклом. — Будем брать?

— На черта нам это железо? — ответил Фрэнк. — Тяжесть лишняя, а толку — ноль. Вот, лучше возьмём вот это, — сказал он, указав на коллекцию трубок в стеклянной витрине. — Для Дока.

Он быстро провёл по краю витрины, отключил провод, идущей к ней и открыл стекло.

— Фрэнк, класс! — воскликнул Боб, показывая на бутылки спиртного, выстроившиеся в баре.

Фрэнк, закончив сгружать трубки, подошёл и быстро посветил фонариком по полкам.

— Неплохо, если это настоящее, а не подделка. Возьмём пару бутылок.

Шон вытащил пару кинжалов в ножнах, украшенных драгоценными камнями, и сунул в мешок.

— Шон, ну что ты как ребёнок, — проронил Фрэнк с мягким упрёком. — Это же бутафория. Хочешь — бери это, — предложил он, подавая пару Кремневых дуэльных пистолетов в ящике. — Не дышать! — тихо приказал он, услышав, как отворяется дверь.

Охранник щёлкнул выключателем, и невыносимо яркий свет залил комнату, не оставив ни одной тени. Прошёл осторожно внутрь, взглянул сквозь того места, где только что стоял Фрэнк, но разочарованный ушёл.

— Уф, мне уж показалось, что он глядит прямо на меня, — проронил Фрэнк чуть срывающимся голосом. — ОК. Перебираемся в другую комнату.

Роскошный кабинет хозяина под стать всему остальному интерьеру. Стены, обитые тканями с геральдическим рисунком, массивный стол тёмного дерева и огромное кожаное кресло за ним. Вдоль стен выстроились высокие шкафы, в которых виднелись корешки книг с золотым тиснением, и изысканный секретер с передней стенкой, обтянутой кожей. На стенах висело несколько морских пейзажей, сцен охоты и фотографий в широких деревянных рамках с позолотой. Открыв секретер, Фрэнк увидел множество ящичков, быстро просмотрел их, и, хитро улыбнувшись, засунул часть бумаг из них в мешок. Обнаружив за гобеленом нишу с сейфом, взглянул на замки, и понял, что на этот раз ему придётся повозиться. Но это только заставило его прийти в неописуемый азарт. Он размял руки и начал осторожно прослушивать щелчки кодового замка.

— Чего ты возишься? — тихо спросил Шон. — Полчаса уже здесь торчим. Пошли.

Фрэнк покачал отрицательно головой, давая понять, что не уйдёт, пока не решит задачу. Наконец, вздохнул с облегчением и отодвинул тяжёлую дверцу.

— Ох, и ни фиги себе, — воскликнул Боб, заметив содержимое. — Это нам на всю оставшуюся жизнь хватит.

— Не хватит, — ответил Фрэнк с улыбкой. — Денег много не бывает.

Они вместе сгрузили пачки денег и драгоценности в мешки. Шон заметил, как Фрэнк извлёк из плоской коробки монету, положил на ладонь и стал любоваться под светом фонарика. Шон бросил взгляд на потемневший от старости кругляшек и разочарованно протянул:

— Старье какое-то. Даже не золото?

— Дурак ты, — сказал Фрэнк с иронией. — Это серебряный доллар 1804 года, на аукционе стоит миллион баксов, а то и два.

— Да ну? — равнодушно протянул Шон. — Ты давай, бери себе этот доллар, а мы вот эти, — ухмыльнулся он, поднимая тяжёлый мешок.

Они поднялись на третий этаж, Фрэнк открыл дверь и тихо присвистнул, увидев содержимое почти пустой комнаты, лишь в середине на постаменте под стеклом переливался огромный бриллиант.

— На хрена он нам сдался! — сказал сердито Шон. — Сбыть его не сможем. Слишком заметный.

— Распилим, — нашёлся Фрэнк.

— Нет. Они сразу спохватятся, что эта штука исчезла, и хай поднимут. Пошли, — проворчал Боб.

Фрэнк отрицательно покачал головой и тихо сказал:

— Парни, шарьте в тех комнатах, а я разберусь.

Шон осуждающе взглянул на него, но подчинился. Фрэнк включил фонарик в режим сканера и поморщился — лучи защиты не отключались локально, провода тянулись до конца

коридора. Фрэнк быстро добежал до незаметной двери. Подождав, когда туда кто-то войдёт, прошёл за его спиной, и встал прямо напротив сидевших охранников. Они пили кофе из стаканчиков, вели ленивую беседу, не замечая, что в комнате находится чужой.

— Ну что, Саймон, родила твоя, наконец? — спросил один.

— Нет. Перехаживает. Говорит, — пробормотал неуверенно второй.

Первый расхохотался.

— Она у тебя слониха? Одиннадцатый месяц ходит. А ты веришь ей, дурачина!

— Заткнись, Стив! Твоя тоже рыжего родила! — бросил раздражённо Саймон, и Фрэнк улыбнулся, разглядывая «счастливого» отца — жгучего брюнета.

— Да пошёл ты... — обиделся Стив. — Говорит, что ребёнок в её папашу. А как я определяю, если тот лысый, как коленка! Она ещё, сука, красила его в брюнета! Все эти бабы — стервы.

Фрэнк чуть не выдал себя, расхохотавшись, но тут же прикусил больно губу, погасив желание.

Уловив момент, когда оба отвернулись от пульта, он быстро протянул руку и отключил рычажок. Выбрался в коридор и добежал на цыпочках до комнаты с бриллиантом.

Открыл витрину, взял с бархатной подушечки огромный камень, полюбовавшись на игру света в гранях, сунул в карман и достал прозрачный булыжник, только издалека напоминающий бриллиант. Положив на подушечку, быстро опустил стекло и вернулся на пульт управления. К двум охранникам присоединился третий, и они все вместе сели играть в карты.

— Джад, ты козел, опять жульничаешь! — бросил Стив, у которого жена родила рыжего. — Сейчас по роже получишь, скотина!

Третий охранник, которого ругал Стив, бросил карты и сказал обиженно:

— Не жульничаю я! Устал, как собака! Путаюсь.

— Я тебе так попутаяю, век помнить будешь, — бросил Стив, грозя ему кулаком.

Фрэнк быстро включил защиту для охраны булыжника, и выскользнул незамеченным из комнаты. Ощувив, как по комнате пробежал, будто порыв ветра, Стив поднял голову и посмотрел на дверь, которая будто сама собой открылась и тихонько затворилась.

Мотнул головой, и стал быстро раздавать карты. Фрэнк прошёл по комнатам, нашёл Шона и Боба, проверил их добычу, часть выложил и показал жестом, чтобы они убিরались. Они начали медленно подниматься по лестнице и вдруг услышали шаги внизу.

Двое охранников шли прямо на них, столкновение с невидимым препятствием было неминуемо. Фрэнк замер, мучительно соображая, что делать.

За спинами охранников раздался резкий хлопок, похожий на выстрел, они молниеносно спустились вниз, и начали обыскивать место, откуда шёл звук. Фрэнк сделал быстрый знак и вместе с Шоном и Бобом вернулся в комнатку, и вскарабкались на крышу. Фрэнк осмотрел двор в бинокль, заметил, что охранники зашли за угол.

— Ну и как мы обратно вернёмся? — спросил недовольно Шон, бросая взгляд вниз, на двор, окружённый высоким глухим забором с колючей проволокой наверху.

Фрэнк вытащил из рюкзака несколько деталей, пару балок и прикрепил к планеру.

— Мотор, — объяснил он с хитрой улыбкой. — Хватайтесь.

— А ты правильно э... как это... тягу рассчитал? — спросил Шон недоверчиво. — А если ошибся? И мы с этим добром на проволоку шлёпнемся? Она это... через неё ток пропущен. Сгорим, как свеча.

— Шон, чего ж раньше не поинтересовался? Когда мы только все готовили? — спросил Фрэнк насмешливо. — Сейчас другого пути обратно нет. Или пан или пропал. Или сдаться решил?

Увидев, что Шон больше не возражает, толкнул лопасть, и мотор мягко зашумел.

Они оттолкнулись от крыши, и планер взмыл вверх и перенёс их через забор. Шон с ужасом проводил проволоку, которая пронеслась в дюйме от ног, которые он еле успел поджать.

— Да, Фрэнк, — сказал, смеясь, Боб, когда они выгрузили добычу. — Я думал, что нам каюк. Повезло.

— Ну как сказать, — ответил Фрэнк, хитро улыбаясь, и достав пульт, нажал на нём кнопку, издав такой же резкий хлопок, как в особняке. — Ну, как делить будем? — хитро спросил он. — По справедливости или поровну? Ну ладно, я пошёл, а вы тут разбирайтесь, — добавил он.

— А камень? — попросил Шон.

Фрэнк вытащил из кармана бриллиант и протянул на ладони, но быстро отдёрнул, когда Шон захотел взять.

— Только из моих рук! — предупредил он. — Затаскаете ручонками шаловливыми, — с улыбкой сказал Фрэнк.

— У, какой ты жадный стал, — протянул Боб с наигранной обидой. — Друзьям не доверяешь.

— Ладно, только с ним никуда. Ни ногой. Поймают мгновенно! — предупредил Фрэнк.

Фрэнк ушёл в лабораторию, и углубился в расчёты. Время от времени он ломал очередной карандаш, бросал его в урну, вскакивал и начинал мерить лабораторию шагами. Опять садился за стол, прогонял расчёты, видел неверный результат, и все повторялось сначала. Он разорвал один чертёж, и стал чертить с нуля.

Какой-то шум донёсся из «зала совещания», Фрэнк прислушался и разобрал громкие взрывы смеха, это разозлило его.

Потерпев какое-то время, он выбежал в коридор, пронёсся, как метеор и влетел в комнату, где за столом сидело несколько человек во главе с Доком.

— Какого дьявола вы тут разорались, я не могу сосредоточиться! — воскликнул Фрэнк. — Дайте мне поработать спокойно!

Присутствующие здесь, Док, Шон, Майк и Боб испуганно воззрились на раздражённого Фрэнка, которого очень редко видели в таком состоянии.

Док заметив чёрные круги у него под глазами, миролюбиво предложил:

— Фрэнк, посмотри, крутая статья. Спенсер — смелый мужик.

Фрэнк угрюмо взглянул на стол и увидел номер газеты «Городские новости». Схватив номер, понял, что они смеются над статьёй, которую он и написал.

Заметив, что Фрэнк только сильнее нахмурился, Док вытащил у него из рук газету и стал зачитывать оттуда отдельные цитаты, которые особенно смешили всех.

— Фрэнк особенно это посмотри, про «женские половые органы», — громко хохоча, сказал Док, употребив вместо эвфемизма крепкий термин. — Ну что ты такой кислый Фрэнк? Неужели тебе не нравится? Впервые за столько лет кто-то посмел написать правду. Представляю лица Райзена и Каваллини, их, наверно, хватил удар. Они готовы разорвать на

куски этого Спенсера, подняли на ноги всю полицию. Узнать бы, кто это такой.

Фрэнк сел за стол, внимательно прочёл заметку, Коллинз не выбросил ни одного слова из его текста, только проиллюстрировал её фотографиями особенно ярких творений, представленных на выставке.

Отсмеявшись, Док серьёзно проронил:

— Коллинз может пострадать, если Райзен не найдёт корреспондента, весь гнев обрушит на владельца газеты. Фрэнк. Надо как-то Коллинзу помочь.

— Безусловно, — согласился Фрэнк задумчиво. — Коллинз говорил, что Райзен сделает все, чтобы закрыть газету.

Док прислушался к словам Фрэнка, и поинтересовался:

— Говорил? Коллинз с тобой разговаривал? О чем? Постой, Фрэнк, не ты ли написал эту заметку?

Фрэнк помолчал и сухо произнёс:

— Ну да. Я.

— Правда? Не врешь? — удивлённо возрился на него Боб. — Ну, даёшь, парень. Если Райзен узнает, сотрёт тебя в порошок. Не думал, что ты так можешь.

Увидев хмурое лицо Фрэнка, Берта, которая тоже вошла, услышав громкий смех, недовольно бросила:

— Ладно, Док, раз уже все прочли, займитесь делом, Фрэнку нужна тишина.

Фрэнк тяжело вздохнул и поплёлся в лабораторию, но по дороге, его осенило, где может быть ошибка. Он ворвался в лабораторию и стал быстро наносить идеально прямые линии на бумагу. Отвлёкся на минуту и запустил очередной расчёт, с замиранием сердца, ожидая результатов. На этот раз все сошлось. Дорисовав все детали, он свернул чертёж в трубочку и бросив Берте: «Я пошёл в город!», прошёл к платформе, и быстрым шагом направился к выходу из туннеля.

Он быстро добрался до завода Роджера, и в прекрасном настроении вошёл в кабинет директора Кливленда, немолодого мужчины с умными, проницательными глазами. Увидев Фрэнка, тот быстро сложил какую-то бумагу, спрятал в стол, и вышел, чтобы пожать руку.

— Мистер Кливленд, позовите, пожалуйста, Мортон и Рейнольдса, я должен с ними поговорить. Я нашёл ошибку в своих расчётах, и хочу проверить, получилось или нет.

Кливленд чуть заметно улыбнулся, подумав, что племянник сэра Роджера стал удивительно скромным. Нажав на кнопку громкой связи, позвал в свой кабинет главных специалистов, которых Фрэнк сам отобрал для производства новой модели двигателя. Через пару минут он, пожав им руки, продемонстрировал свой чертёж. Мортон, высокий, худощавый мужчина, средних лет, взглянув на него, проронил:

— Да, это другое дело. Но надо посмотреть в действии, — добавил он, бросив на Фрэнка быстрый, изучающий взгляд.

Они прошли в цех, где находился стенд для испытаний. На станине, выкрашенной в болотный цвет масляной краской, закреплялась массивная рама с электродвигателем, тележка с ложементом для размещения двигателя внутреннего сгорания, система охлаждения, рукава для удаления выхлопных газов. Рядом возвышались два шкафа с системой управления, и пульт. Мортон передал схему сборщикам, и те начали устанавливать двигатель на опоры. Фрэнк с замиранием сердца ждал окончания ритуала, и даже боялся думать, что произойдёт, если он опять ошибся.

Рейнольдс, сев рядом с Фрэнком, и помявшись, спросил:

— Мистер Кармайкл, вы не читали статью в газете «Городские новости» про выставку Каваллини? Вы ведь ходили на эту выставку? Действительно это так смешно, как написал Спенсер?

Фрэнк бросил на него рассеянный взгляд, не поняв сразу, что у него спросили. Рейнольдс, расценив это, что Эдвард не читал заметки, вытащил из кармана газету, и, развернув, показал с улыбкой. Фрэнк бросил взгляд.

— Да, ходил. Выставка хуже, чем написано в статье, — ответил он. — Кстати, его мюзиклы такие же омерзительные, — добавил он.

— Я бывал на его мюзиклах, — проронил Рейнольдс с усмешкой. — И поражаюсь каждый раз извращённой фантазией. Кажется, ему нравится изображать похоть в самом отвратительном виде, любовь для него не существует, есть только животное совокупление. И это доходит порой до самых отвратительных форм.

Фрэнк вспомнил, что забыл вычеркнуть из статьи имя Ирэн. Коллинз мог не отправить номер в печать, и есть время кое-что изменить в статье. Он вскочил с места, решив тут же позвонить владельцу газеты. Но его остановил голос Мортон:

— Мистер Кармайкл, все готово. Думаю, что можно провести испытание.

Фрэнк остановился и все-таки решил, что двигатель важнее, чем статья.

— Да, начинайте, — сказал он, стараясь придать голосу твёрдость, и начал пристально следить за движением стрелок на датчиках измерения скорости, числа оборотов, давление, температуру, расход топлива.

— Неплохо, — сказал Мортон. — Разгон — сто семьдесят миль за десять секунд. Не слишком ли круто, мистер Кармайкл?

Фрэнк усмехнулся, и проронил:

— Надо сделать двести.

— Может нам освоить производство самолётов? — спросил Рейнольдс. — Движок отличный. Забор с этим мотором полетит. Как думаете?

Фрэнк усмехнулся. Ничего революционного он не предлагал.

— Ладно, — сказал Фрэнк, похлопав по плечу Рейнольдса, — Продолжайте без меня. Я отойду. Проведите горячую обкатку без нагрузки и под нагрузкой.

Фрэнк прошёл в кабинет Кливленда, заметил, что того нет на месте, хотя кабинет не заперт. Набрал номер редакции «Городских новостей», в ответ послышались долгие гудки — никто не подходил к телефону. Ругая себя последними словами, что проворонил Коллинза и тот ушёл печатать номер, подождал пару минут. В трубке, наконец, щёлкнуло, кто-то снял трубку, Фрэнк не узнал голос.

— Это Эдвард Кармайкл, — быстро проговорил Фрэнк. — Позовите к телефону мистера Коллинза, мне нужно ему кое-что сказать.

Он услышал в трубке нечто, похожее на всхлипывание, через паузу мужской голос ответил:

— Мистер Коллинз заболел, он сейчас дома.

Фрэнк удивился, но все-таки решил сказать:

— Я хотел попросить остановить печать нового номера, я приеду в редакцию и заменю кое-что в своей статье.

— Мистер Кармайкл, наша газета закрывается, и ничего не будет печатать. Никогда, — произнёс голос в трубке.

— Подождите, — воскликнул Фрэнк. — Объясните толком!

Мощный взрыв потряс здание, заставив Фрэнка вжать голову в плечи и выронить трубку. С потолка посыпалась штукатурка, стены заходили ходуном, и пошли глубокими трещинами. Решив, что началось землетрясение, Фрэнк замер, ожидая следующего толчка, и услышал громкие, отчаянные крики. Вбежал в цех и с ужасом увидел на том месте, где только что обкатывал новый движок, языки пламени, пожиравшие все вокруг. Вокруг бегали в панике люди, слышались крики, стоны. Он бросился к огню, пытаясь разглядеть за ним людей. Кто-то схватил его за рукав, Фрэнк резко обернулся и увидел Кливленда:

— Эдвард, не стойте близко! Это опасно, — предупредил он.

Фрэнк вырвал рукав и бросился в самое пламя, увидев тело Рейнольдса, ноги которого прижимала сорванная взрывом массивная рама. Чудовищным усилием сбросил раму, вытащил его, и попытался привести в чувство. Выхватил из кармана шприц с сывороткой, сделал укол и с облегчением вздохнул, когда Рейнольдс поднял голову.

— Вы не ранены, Эдвард? — обеспокоенно спросил Кливленд.

— Нет, — сухо бросил Фрэнк. — Со мной все в полном порядке. Кто пострадал?

— Мортон и Джонсон погибли, тяжело ранен Руперт, кто ещё, не знаю. Я вызвал скорую помощь и полицию.

Фрэнк наблюдал, как раненых укладывают на носилки, оглядел чёрные мешки с погибшими. Потом медленно вышел из проходной. Яркие солнечные лучи ослепили, но лишь усилили тьму, заполнявшую душу, словно чёрный туман. Все перестало иметь значение. «Они решат, что я — трус. Боюсь ответственности». Роджер, Ирэн.

Он подошёл к своей машине, чей «космический» дизайн поражал воображение. Сел за руль.

В бардачке поблескивал воронённой сталью револьвер.

Глава 9. Исчезновение

Роджер закрыл папку, бросил задумчивый взгляд на сидевшего перед ним капитана полиции.

— Это предварительные результаты?

— Да, — ответил тот спокойно. — Но уверен, окончательный вывод будет тот же самый. Ваш племянник не объявлялся?

— Нет, — ответил холодно Роджер.

— Я надеюсь, мы его обязательно найдём.

— Постарайтесь отыскать его, как можно скорее. Не смею вас задерживать, Бристоу. Благодарю вас, что ознакомили с результатами.

Оставшись в одиночестве, Роджер бросил мрачный взгляд на номер «Трибуны» с набранным крупным шрифтом заголовком «Катастрофа! Ездить на машинах Кармайкла все равно, что сидеть на бочке с порохом!» Бросил газету в урну, и задумался. Звонок заставил его вздрогнуть, он схватил трубку и услышал плачущий голос Хаммерсмита:

— Сэр Роджер, это такая трагедия, я просто в шоке.

— Да, конечно, — сухо ответил Роджер, ему не хотелось выслушивать соболезнования.

— Вы можете себе представить, — продолжил Хаммерсмит дрожащим голосом. — Они похитили даже «Зеркальное дно океана»!

— Что похитили? — удивился Роджер.

— Мой уникальный бриллиант. Разве вы не слышали, что меня обокрали? Полиция ведёт расследование, но они ничего не могут найти. Ничего. Я разорён.

Роджер подумал с досадой, что Хаммерсмит решил выплеснуть личное несчастье в самый неподходящий момент.

— Вы же говорили, что установили самую лучшую защиту против воров? — произнёс с долей раздражения Роджер. — Как же грабители смогли пробраться? Возможно, это сделали ваши охранники или слуги?

— Нет, сэр Роджер, — захныкал Хаммерсмит. — Охранники проворонили негодяев, но сами ничего не брали. И самое главное — камеры ничего не показали. Все мои усилия впустую. Можете представить, эти подонки взяли и мой уникальный серебряный доллар! Зачем им это? Они не смогут его продать! Я знаю, они хотели мне отомстить! Уверен, тот, кто нанял этих мерзавцев, просто хотел насолить мне. Но разве я сделал кому-то плохое?

Роджер вздохнул, собственные проблемы мучили гораздо сильнее, чем несчастье Хаммерсмита.

— Я уверен, полиция найдёт грабителей, Магнус, — попытался успокоить его Роджер. — В городе невозможно спрятаться.

— Сэр Роджер, они стащили самые лучшие картины, — продолжал ныть Хаммерсмит. — Взяли только подлинники. Откуда у этих негодяев такая осведомлённость? Значит, это кто-то из моего окружения заказал это ограбление! Боже, Роджер, как я несчастен. Я самый несчастный человек в мире!

Роджер хотел сказать, что ему самому ничуть не лучше, но понял, что Хаммерсмиту наплевать.

— Магнус, не отчаивайтесь. Я уверен, что полиция все отыщет и вернёт вам. Воры не

могут сбежать из города.

— Но, сэр Роджер, грабители могут распилить мой бриллиант! Представляете, пятый по величине бриллиант в мире! На мелкие кусочки! Я не понимаю, как они смогли отключить защиту и украсть его? Это невыносимо!

Роджер постепенно стал вникать в слова Хаммерсмита и представил, кто мог так виртуозно организовать это ограбление. Губы тронула злорадная улыбка, но придав своему голосу сочувствие, он проронил:

— Я очень сожалею, что с вами случилось это несчастье. Соболезную. Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Не знаю, — пробормотал Хаммерсмит. — Да, сэр Роджер, я вынужден вас просить об отсрочке платежа за мой заказ. Где-нибудь на четыре месяца, полгода.

— Магнус, дела моей компании сейчас не в таком состоянии, чтобы позволить это сделать, — объяснил Роджер.

— Тогда я верну ваши машины на завод, — холодно проронил Хаммерсмит. — Я делаю вам большое одолжение, покупая ваши машины, который могут взорваться.

— Хорошо, я дам вам время, — сказал Роджер, еле сдерживая раздражение.

— Отлично! — воскликнул Хаммерсмит радостно. — Всех благ!

Он тяжело вздохнул, вышел из-за стола, но услышав звонок, схватил трубку, и передёрнулся от отвращения.

— Сэр Роджер, это настоящая катастрофа! — произнёс дрожащим голосом Каваллини.

— Да, безусловно, — проронил Роджер, удивляясь, что Каваллини интересуется его делами.

— Эта статья в газете! Вы читали? — осторожно поинтересовался меценат.

— Конечно, читал, — бросил Роджер, его раздражение усиливалось. — Разве я могу пропустить такое?

В трубке слышались всхлипывания, что удивило Роджера, он никак не мог предположить, что меценат примет так близко к сердцу проблемы компании Кармайкла.

— Я надеюсь, — наконец, пробормотал Каваллини. — Вы не поверили?

— Разумеется, это полная чушь, — бросил Роджер. — «Трибуна» скатилась до уровня жёлтой прессы.

— При чем тут «Трибуна»? — взвизгнул Каваллини возмущённо. — Я говорю о «Городских новостях», которые опять напечатали грязную клевету обо мне! У этих людей нет ни стыда, ни совести! Как они смеют оскорблять меня мерзкими намёками?!

Роджер чуть не выругался от досады, понимая, что Каваллини тоже, как и Хаммерсмит решил поделиться собственными проблемами.

— Да-да, я сочувствую вам, синьор Каваллини, — проронил Роджер, пытаясь придать своему голосу теплоту. — Вы не заслужили этого.

— Конечно! Эти люди ничего не понимают в великом искусстве! Они имели наглость намекнуть, что я протаскиваю халтуру благодаря высокому покровительству!

У Роджера чуть не сорвалось с языка, что так оно и есть на самом деле, но осёкся, подумав, что совершенно не обязательно ссориться с Каваллини именно сейчас.

— Ведь вам нравится то, что я делаю, Роджер? Потому что у вас хороший вкус! И вашему племяннику это тоже нравится. Кстати, вы не знаете, куда он пропал? — спросил Каваллини.

— Нет, не знаю, он исчез, я не могу нигде найти его.

— Это ужасно, ужасно, — продолжал причитать Каваллини. — Кстати, Роджер, вы не будете возражать, если я задержу оплату?

— Нет, — холодно проронил Роджер, наконец, осознав, для чего Каваллини звонил.

— Благодарю вас! Передайте привет вашему племяннику!

Роджер кинул трубку на рычаг и решил сам набрать номер.

— Мисс Веллер, — спросил он. — Вы случайно не видели Эдварда?

— Нет, милорд, не могу представить, где он может быть. Мы с ним давно не виделись, — ответила она спокойно.

Роджер положил трубку и подумал, что надо позвонить Райзену и сообщить о результатах расследования полиции. Но понял, что совершенно не хочет этого делать.

Ирэн вошла в спальню, и, увидев Фрэнка, бездумно уставившегося в потолок, мягко сказала:

— Твой дядя звонил. Спрашивал о тебе. Я ответила, что не видела тебя. Правильно?

Он бросил рассеянный взгляд, сел на кровати и потёр лицо руками.

— Да, Ирэн. Спасибо.

— Ты прячешься от него? — поинтересовалась она осторожно.

Фрэнк тяжело вздохнул, и через паузу ответил, с трудом подбирая слова:

— Ирэн, есть определённые обстоятельства. Я не могу тебе всего рассказать. Извини. Мне надо закончить кое-какие дела. Я не хочу, чтобы дядя об этом знал.

Ирэн села на кровать рядом, обвинив его за шею.

— Я испекла тебе булочек, с творогом и повидлом. Хочешь?

— Ирэн, извини, я не хочу ничего есть.

Он уставился в потолок.

— Давай пойдём куда-нибудь, прогуляемся. Ты такой бледный, осунувшийся. Подышим свежим воздухом. Это заброшенный парк, там нас никто не найдёт.

Они добрались до парка на окраине города, и Фрэнк сразу почувствовал, что здесь удивительно свежий воздух, наполненный чудесными ароматами цветов, травы и воды ручейков, пронизавших как капиллярная система весь парк. Слышалось щебетанье птиц, жужжанье шмелей и журчанье ручейков — это создавало необычную, но гармоничную симфонию звуков. Глубоко вздохнув чистого, свежего воздуха, Фрэнк слабо улыбнулся и сказал:

— Да, здесь здорово! Жаль, я раньше не знал об этом.

Она взяла его за руку и по аллее высоких кипарисов, привела его в уголок, увитый диким виноградом и плющом с яркими белыми цветами. Это место походило на часть сельского домика, где за окном виднелся сад, росли причудливые растения — высокие деревья с пышными кронами, усыпанными огромными лиловыми цветами, среди которых летали рои пчёл. Она отошла к ручейку, который весело звеня, сбегал с маленького уступа в длинный, прямой канал, и присела на деревянный бортик. Фрэнк лёг рядом и положил ей голову на колени.

— Очень люблю это место, мне это напоминает о детстве, — проронила она задумчиво. — Я провела его в маленьком домике рядом с густым лесом, пронизанным ручейками. Когда я попала сюда в первый раз, ощутила, что эта часть города как будто создавалась для воплощения моей мечты.

— Да, котёнок, здесь замечательно, — согласился он. — Мне очень нравится.

И подумал с горечью: «прощальный бал».

Она засмеялась.

— Спенсер в «Городских новостях» поместил ещё одну статью, про дела в театре. Каваллини устроил разнос, пытался выяснить, кто мог пожаловаться в газету. Он так орал, и скакал, как орангутанг, что я думала, его хватит удар.

— Тебе не повредила эта статья?

— Нет, что ты. Там же нет ничего обо мне. Хотя жаль. Мне бы хотелось, чтобы кто-то написал о том, как я мучаюсь в этом гадюшнике.

— Он бы тебя выгнал, — возразил Фрэнк.

— Мне уже совершенно все равно, котик. Я сама хочу уйти. Мне надоела гадкая обстановка фальши, лжи, лизоблюдства и разврата. Каваллини устраивает каждый вечер оргии. Хорошо, что не принадлежу к людям любимого им пола, и меня освобождают от участия. Но терпеть нет сил.

— Ирэн, если я мог тебе хоть чем-то помочь. Открыл бы только для тебя театр, чтобы там пела так, как хочешь.

— Нет, милый, это будет похоже на протекцию богатого покровителя, я хочу добиваться всего сама, — сказала она лукаво. — Будут писать, что я пою главные партии, потому что сплю с тобой.

— Да и плевать на это! Это только бездарностям не надо помогать, они пробьются сами. В отличие от ничтожеств настоящий талант беззащитен.

Она погладила его по голове и произнесла обречённо:

— Райзен тоже помогает Каваллини, считая, что его талант надо защищать. Я не хочу, чтобы Спенсер также писал обо мне, как о них.

— Я все равно тебе помогу. Неофициально. Никто не будет об этом знать.

— Ты так добр. Удивительно. Как бы я хотела, чтобы ты стоял во главе города, а не Райзен. Ты смог бы сделать людей счастливыми по-настоящему, — произнесла она задумчиво.

— Райзен тоже хотел всех осчастливить, а теперь все кричат — он — мерзавец, он нас обманул!

— В отличие от тебя, он никогда не задумывался о последствиях своих действий. Считает, что все, что делает — правильно, — с горечью проронила Ирэн, вздохнув.

Они вышли на окраину парка, где находилось кафе, походившее на трюм парусного корабля, с деревянными перекрытиями из досок, которые сходились на потолке, образуя овал. Потолок поддерживала длинная деревянная стойка-стеллаж, увитая живыми цветами. Пол, тоже выложенный из досок, покрытый остатками мастики, скрипел под ногами.

— Роберто Палментери, — сказала Ирэн, кивнув в сторону одинокой фигуры. — Великолепный тенор. Если бы ты знал, как он поёт. Он исполнял главные партии в Ла Скала. А здесь — никто.

— Ты хочешь, чтобы я ему тоже помог?

Ирэн отвела глаза, промолчала.

— Котёнок, всем помочь невозможно. Жизнь, вообще, штука сложная. Не надо уповать на то, что удача свалится с небес. Удача — лишь шанс проявить свой талант, — мягко объяснил Фрэнк.

— Ты тоже считаешь, что популярность — главное мерило? — с грустью проговорила

она. — Чем больше людей захотели это оплатить, тем талантливее искусство? По-твоему так?

Фрэнк скривился так, словно его сейчас стошнит.

— Нет, Ирэн! Мне осточертел идеологический бред Райзена. Он помешан на идее свободного рынка. В искусстве он ни черта не смыслит! Оценивает с рациональной точки зрения — приносит прибыль или нет. Не понимает элементарных вещей, толпе нужен примитив — серьёзное искусство всегда пробивается с трудом. Людей надо заставлять работать мозгами, чтобы они поняли. А не потакать низменным вкусам, как это делает Каваллини.

— Почему ты на меня кричишь? — Ирэн всхлипнула. — Я это знаю.

— Извини, малышка, я веду себя безобразно.

Рядом плюхнулся молодой человек в твидовом пиджаке в крупную клетку, с кокетливо выглядывающим из кармашка белым платочком.

— Какая цыпочка! Ты посмотри! — нахально воскликнул он.

— Отвали, — проронил Фрэнк, бросив на него хмурый взгляд исподлобья.

Парень презрительно оглядел его с головы до ног, и по холёному лицу проскользнула гадливая улыбка.

— Кармайкл? Ты чего это тут возникать начал? Пасть свою заткни, педрило.

Фрэнк схватил парня за грудки так, что у того затрещали пуговицы на роскошном пиджаке, и брезгливо отбросил в сторону, как мешок с тряпьем. Кубарем упав в угол, тот вскочил и прорычал:

— Ну, ты меня по-настоящему разозлил, гадёныш. Пожалеешь.

Фрэнк снисходительно взглянул на его худосочную фигуру и хотел сесть на место. Резкий звук разрываемой ткани пронзил воздух. Фрэнк обернулся на звук, и к своему ужасу увидел разверзшийся овал, из которого вывалилось двое громил с леденящим кровь, дьявольским взглядом белых, мёртвых глаз, в драных, замусоленных костюмах.

— Познакомься с моими лучшими друзьями, — с чувством превосходства воскликнул парень.

Один из амбалов схватил Фрэнка в тиски, другой нанёс сокрушительный удар. Пронзила адская боль, рот наполнился металлическим вкусом крови, крутящийся калейдоскоп искр перед глазами сменился на быстро темнеющую пелену, он повис в руках мучителей. Немыслимым усилием воли удержал гаснущее сознание, размахнулся и врезал затылком по физиономии амбала, вырвался. Точный удар в нижнюю челюсть одному и локтем в солнечное сплетение другому позволил получить временную передышку. Вскочил на стол, разрядив револьвер в перекошенную жуткой ухмылкой физиономию урода, который рухнул как покошенный.

— А-а-а, сука! Стой! — послышался визгливый вопль.

Краем глаза Фрэнк увидел мелькнувшую тень и с облегчением поднял, что Ирэн удалось вырваться из рук пристававшего к ней мерзавца. Его будто пушинку смахнули со стола, грузная туша навалилась на него и тяжёлый, волосатый кулак со свистом промелькнул в дюйме от лица. С трудом увернувшись, титаническим усилием удержал лапищи мерзавца, готовые размазать его, ощущая, как трещат от напряжения суставы. В самый последний момент детина ослабил хватку и безвольно отвалился. Фрэнк, удивлённо взглянув на поверженного врага, заметил, что Ирэн вернулась в кафе с копами. Она бросилась к нему, прижалась, вглядываясь в лицо, на котором расплывалось несколько синяков.

— Ты не пострадала, милая? — спросил он.

Она помотала головой, вновь прижалась к нему.

— Прости, я вызвала полицию, — глухо прошептала она.

Фрэнк уже заметил направляющегося к нему копа в форме лейтенанта и лишь обречённо, слабо улыбнулся.

— Мистер Кармайкл, пройдёте с нами, — произнёс коп и захлопнул на его руках наручники, вытаскивая из кармана изорванного пиджака револьвер.

Дежурный поглядывал то на сидящего перед ним Фрэнка в наручниках, то на часы и морщился. Фрэнк раздражённо думал, что они вначале решили вымотать ему всю душу мучительным ожиданием. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем дверь участка запахнулась, и Фрэнк увидел Роджера, который молча подошёл к нему, и, оглядев, сердито спросил:

— Почему его избили? Он сопротивлялся?

Коп растерянно взглянул на него.

— Мы не били, милорд. Его в таком виде привезли.

Коп быстро оказался рядом с Фрэнком, и снял с него наручники.

— Идемте за мной, — проронил Роджер. На его лице не дрогнул ни один мускул.

В полном молчании они добрались до особняка.

Роджер прошёл в кабинет, сел в кресло. Достав золотой портсигар, молча закурил. Его лицо оставалось абсолютно бесстрастным.

— Роджер, я все понимаю, — начал Фрэнк. — Мне нужно было кое-что закончить, и я все сделаю...

— Что именно? — перебил его Роджер. — Что именно вы собирались делать? Откровенно говоря, я был сильно удивлён, что вы спрятались у мисс Веллер. Пребывал в полной уверенности, что вы уже застрелились.

— Не волнуйтесь. Я скоро это сделаю. Всего лишь хотел помочь семьям пострадавших.

— Вот как? Занятно, — в голосе Роджера впервые пробились какие-то эмоции. Но голос звучал скорее насмешливо, чем раздражено. — И чем вы собирались помогать семьям? Деньгами Хаммерсмита? Вы замечательно регулируете денежные потоки в нашем городе. Настоящий Робин Гуд. Не делайте такое кислое лицо. Я все понял. Хаммерсмит звонил и плакался в жилетку, что его виртуозно обокрали. Кто мог это сделать, как не его бывший работник? Да ещё при этом великолепный инженер.

— Роджер, копы отняли у меня револьвер. Я вас очень прошу...

— Хорошо, хорошо. Успокойтесь. Вы скоро его получите. Только вначале посмотрите вот это.

Он выложил на стол толстую папку.

Фрэнк закрыл устало глаза, к чему эти мучения? Он увидел фотографии разрушений, сердце опять сжала невыносимая боль. Он отодвинул папку.

— Скажите, мой друг, мне все-таки интересно. О чем вы подумали в тот момент, когда ушли с завода? Вернее, сбежали. Вы думали, я сильно рассержусь, закрою ваш проект, выгоню из дома. Так вы думали?

— Да, именно так я и думал.

— Но ведь вы знали, что я не отдам вас копам. Я бы поставил, таким образом, себя под удар. Все бы узнали, что человек, которого я выдаю за своего племянника, на самом деле

негодяй и мерзавец, который пробрался тайком в наш город, грабит уважаемых людей.

— Вы хотите знать правду? Хорошо, — Фрэнк откинулся на спинку кресла. — Если бы это было там, дома. Я бы создал фонд помощи пострадавшим, я бы отдал все своё состояние, если понадобилось. Но здесь, я ничего не могу. Это ваши деньги, и вы бы...

— Я бы не стал проявлять милосердие к семьям погибших и изувеченных. Я и так терплю убытки. Наверно, я разорюсь. По вашей вине.

Фрэнк опустил голову, перекатывая желваки.

— Друг мой, мне очень тяжело, — произнёс Роджер с печалью в голосе. — Катастрофа, погибшие. Убытки. Но больше всего меня задело то, что вы думаете обо мне так плохо. Во-первых, прочтите внимательно отчёт полиции. В том, что произошло, нет вашей вины. Если только не считать, что вы виноваты, что слишком талантливы. И нажили по этой причине завистников и врагов. Стенд заминировали, причём очень грубо. Те, кто это сделал, был уверен, что огонь уничтожит все следы. Во-вторых, я уже создал фонд помощи тем, кто пострадал. Мне все равно, что думает об этом Райзен. Благотворительность — это не преступление. Он не будет меня за это преследовать. А вы можете продолжать работу. Стенд скоро будет восстановлен. Когда отдохнёте, можете приступать к работе. Чего я вам не позволяю категорически. Участие в ралли.

Фрэнк вслушивался в голос Роджера и до него, наконец, стало доходить, что тот говорит.

— Почему? — встрепнулся он.

— Что почему? Почему вы не будете участвовать в ралли? Потому что, эти ублюдки хотели убить вас. Ралли — прекрасный способ свести счёты.

— Роджер, я должен участвовать! — горячо воскликнул Фрэнк. Все его тревоги схлынули в один миг. — Это дело чести, черт возьми!

— Глупости, — откинувшись на спинку кресла, произнёс меланхолично Роджер. — О какой чести можно говорить, когда находишься среди людей без чести и совести? Забудьте об этих предрассудках.

— Роджер, но газеты начнут писать, что племянник Роджера Кармайка боится сесть за руль машины, которую сам же сконструировал! Вы понимаете, что я подставляю вас?

— Мне совершенно безразлично, что будут писать газеты. Мне вообще безразлично общественное мнение. Я стал немного сентиментален. Не хочу вас потерять.

— Это несерьёзно, — возразил Фрэнк. — Если бы они хотели меня убить. Просто застрелили бы на улице. Зачем минировать стенд?

— Тогда это выглядело бы как заказное убийство, а так — несчастный случай. Сколько испытателей погибло при проверке своих детищ? То-то. И не возражайте, пожалуйста. Томсон прекрасно справится сам. Все-таки, кто вас так избил? Полиция? — Роджер решил перевести разговор на другую тему.

— Нет, они не трогали меня. Мы с Ирэн зашли в кафе. К ней начал приставать какой-то тип. Я хотел, чтобы он оставил нас в покое. А он вызвал двух сумасшедших громил. Роджер, как все-таки этими существами управляют? Они дьявольски агрессивны, жестоки. И совершенно безмозглые.

— Знаю, есть некое вещество, которое позволяет их загипнотизировать, они подчиняются приказам. Но недолго. Использовать этих безумцев все равно, что травить зайца стаей волков, неизвестно на кого бросятся волки — на зайца, или на вас.

— Это вещество продаётся на «чёрном» рынке? Почему полиция не выловит торговцев?

— В городе нет «чёрного» рынка. Все продаётся легально, поэтому бороться не с чем.

— Серьёзно? И наркотики — героин, марихуана?

— Мой дорогой друг, свободный рынок — можно торговать, чем угодно. Без ограничений. Сыворотка А-192 страшнее наркотика, но компания Райзена постоянно наращивает производство. Он считает, что свободный рынок может регулировать все.

— Рынок не может заставить человека честно торговать.

— Это понимают почти все в городе. Но не Райзен.

— Роджер, я могу взять папку? Хочу отнести в редакцию «Трибуны». Пусть опубликуют опровержение, — объяснил Фрэнк.

— Ничего они не будут делать, — бросил флегматично Роджер. — Даже не пытайтесь их заставить.

— Как это? Это же нечестная конкуренция! Не узнав результатов расследования, они сразу написали чушь! Пусть печатают опровержение.

— Вы наивны, мой друг, они не будут делать то, что им не выгодно.

— Роджер, насколько я помню, Райзен заверял в своём философском опусе о праве на свободу слова. Где же тут выполнение его принципов? Это же настоящая цензура!

Роджер достал из стола книжечку, быстро пролистал и начал читать: «Цензура — термин, относящийся только к правительственным действиям. Никакое действие частного лица нельзя назвать цензурой. Частное лицо или агентство не могут запретить человеку высказываться, или запретить какую-либо публикацию — только правительство может это сделать».

— Что за бред? Если они не будут печатать опровержение, значит, они скрывают от людей правду! Причём тут правительство? Если они не напечатают, мы подадим на них в суд!

— Вы думаете, я буду мारать руки разборками с этими мерзавцами? — спокойно возразил Роджер. — Я буду заниматься делом.

— Черт возьми, тогда пойду в редакцию «Стандарт»! И пусть Бейкер пожалеет!

Роджер, пристально взглянул на него.

— Сходите в «Городские новости». Эта газета стала популярна, начала оказывать влияние на жизнь в городе. Их спецкор, Тревор Спенсер, великолепно владеет пером, не боится писать правду.

Фрэнк замешкался. Роджер поднял на него глаза, в которых светилась мягкая ирония.

— Я об этом догадывался.

— О чём?

— Это не простое совпадение. Все мысли, которыми вы делились со мной в частных беседах, каким-то непостижимым способом оказываются в статьях Спенсера. Вы хорошо его знаете? Каваллини тоже звонил и жаловался на жизнь. Спенсер просто его уничтожил. Не мог даже предположить, что буду с таким удовольствием это читать. Коллинз должен опасаться за свою жизнь. Каваллини очень обидчив и мстителен.

— Вы совершенно правы, Роджер. После первой статьи люди этого мерзавца избili Коллинза до полусмерти. Запугали. Только потому, что он посмел напечатать чьё-то мнение, не совпадающее с мнением этого извращенца.

- Вы боитесь за Коллинза? - перебил его Роджер. - А бояться вам надо за себя. Вы нажили за такое короткое время столько врагов. Я удивлён, что вы до сих пор живы. Лучше всего, если вы перестанете терять время и приступите к созданию машины, на которой

Томсон сможет достойно выглядеть. Этим вы поможете в первую очередь нашей компании. И больше отдыхайте. У меня складывается ощущение, что вы вообще не спите. Если вы потеряете сознание от переутомления, следующая статья в «Трибуне» будет о том, что я безжалостно эксплуатирую своего племянника так же, как своих рабочих.

Фрэнк вышел из особняка и остановился, обдумывая разговор с Роджером. Но через пару минут понял, что не сможет себе никогда простить трусости, если не предпримет попытку.

Через полчаса он уже входил в редакцию «Трибуны». Секретарша, очаровательная девочка, красила ногти и лишь бросила на него равнодушный взгляд, когда он подошёл к столу.

— Эдвард Кармайкл, мне необходимо поговорить с Питером Бейкером, — сказал он.

Девочка зевнула, прикрыв рот ладонью со свежескрашенными ногтями и, вздохнув, проронила:

— Запишитесь на приём. На следующей неделе у него, возможно, будет «окно».

Фрэнк взял табличку со стола, прочитал её имя.

— Мисс Норфолк, если вы сейчас же не проведёте меня к вашему шефу, я подам на него в суд за клевету. Понятно вам?

— Что вам нужно, Кармайкл? — послышался густой, низкий голос.

— Мистер Бейкер? — переспросил Фрэнк, увидев выглянувшего из кабинета мужчину с крупным носом с горбинкой, седыми бакенбардами, которые начинались на абсолютно лысой голове и переходили в густые усы, что делало его похожим на императора Франца-Иосифа в старости. — Вы напечатали в вашей газете статью, которая дискредитирует работу завода Род... нашей компании. Я хочу вам показать результаты расследования. Причиной взрыва была не неисправность двигателя, а диверсия.

— Мне совершенно безразлично то, что вы говорите, Кармайкл, — бросил тот равнодушно. — Вы можете трясти какими угодно бумажками, для меня это — пустой звук. Ваш дядя, благодаря своим связям может подкупить всю полицию, и она состряпает любые отчёты. И не тратьте своё и моё время.

Бейкер собрался закрыть дверь, но Фрэнк быстро поставил ногу и вошёл в кабинет.

— Мистер Бейкер, если вы не верите полиции, можете съездить со мной на завод и увидеть, что условия труда рабочих кардинально отличаются от того, что описано в статье. Это клевета!

— Кармайкл, пока ваш дядя договаривался с полицией, вы где-то прятались. Теперь имеете наглость приходить сюда и заявлять, что то, что пишет наша газета — ложь, — высокомерно изрёк Бейкер. — Это мы подадим на вас в суд за ваши оскорбления! И вчиним такой иск, что ваш дядя окончательно разорится!

— Хорошо, я просто хочу поместить в вашей газете рекламную статью, в которой будет рассказываться о продукции нашего завода, — медленно, разделяя каждое слово, проговорил Фрэнк. — Это будет оплачено по вашим расценкам. Или повышенным. Как скажете.

— Вы хотите подкупить меня, Кармайкл? — спросил Бейкер со злорадной усмешкой. — При мисс Норфолк предлагаете мне взятку? Мне?!

— Мистер Бейкер, я хочу оплатить ваши услуги, — произнёс сквозь зубы Фрэнк, стараясь не разозлиться и не вмазать по лысой макушке, которая маячила у него на уровне груди. — Разве вы не заинтересованы в моем предложении? Я оплачиваю ваш труд и труд ваших сотрудников.

— Кармайкл, человек должен руководствоваться собственными рациональными интересами, если хочет вступать с кем-то в отношения купли-продажи, — высокомерно заметил Бейкер. Эти отношения должны быть добровольным, а вы принуждаете меня принести репутацию моей газеты в жертву ваших неблагоприятных интересов.

— Я так понимаю, мистер Бейкер, понятие свободы слова для вас пустой звук? Или вы решили отменить первую поправку? — спросил Фрэнк насмешливо. — Пусть ваши читатели сами разберутся, неблагоприятные у меня интересы или нет.

Бейкер криво усмехнулся, подошёл к своему столу, взял книжечку в кожаном переплёте с золотым тиснением и прочитал:

— «Право на свободу слова означает, что человек имеет право выражать свои идеи без опасности подавления, вмешательства и карательных действий со стороны правительства. Это не значит, что другие должны предоставить ему аудиторию, радиостанцию или печатный станок, с помощью которых он сможет выражать свои идеи». Вы поняли, Кармайкл? Я ничем вам не обязан, поэтому выметайтесь отсюда, если не хотите, чтобы я вызвал полицию.

Фрэнк тяжело вздохнул, ощутив, что он смертельно устал и у него темнеет в глазах от постоянного недосыпания. И услышал, брошенные ему в спину, издевательские слова:

— Не думайте, что в «Стандарт» вам помогут.

Глава 10. Роковая женщина

Райзен проверял сводки полиции, наслаждаясь превосходным вкусом свежесваренного бразильского кофе. Услышав странный шум, шедший из прихожей, поморщился. Меньше всего на свете, ему хотелось, чтобы кто-то прерывал его вечерний ритуал. Дверь с треском распахнулась, перед Райзеном возникла фигура, производящая такие пронзительные звуки, что мгновенно заложило уши. Пачка бумаг снесла все со стола. Несчастная чашечка отлетела в светло-бежевый костюм Райзена, оставив на нем грязное пятно, с жалобным звоном упала на пол и раскололась на две половинки.

Райзен отскочил, но машинально опустил глаза. В глаза бросилось название — «Городские новости», на первой полосе красовалась карикатура — Каваллини в анекдотичном, но узнаваемом виде, смотрелся в зеркало и видел там вместо своего отражения Райзена, который тоже смотрел в зеркало и видел Каваллини. Они смотрели друг на друга до бесконечности. Внизу шёл текст: «Дорогой мистер Райзен, поскольку я не могу лично общаться с вами, мне хотелось бы высказать некоторые соображения в письменном виде». Над этим текстом стояло имя: Тревор Спенсер.

Райзен упал в кресло, и, насупившись, стал ждать, когда, Каваллини перейдёт на нормальный язык. Наконец, меценат исчерпал весь свой запас нецензурных слов и выпалил:

— Ты обещал разобраться с этой мерзкой газетёнкой! Вместо этого ты допустил, что она вышла вновь. С новой статьёй, которая меня дискредитирует!

— Я не могу разбираться с газетой, если она не нарушает законы, — стараясь держать себя в руках, отчеканил холодно Райзен.

— А мне, что прикажешь делать? — раздражённо проорал меценат. — Надо мной теперь все смеются, чёрт возьми!

— Тебе надо что-то исправить в своей жизни, чтобы не смеялись, — в сердцах бросил Райзен.

Каваллини замер, как гипсовая статуя. Не веря своим ушам, медленно перевёл глаза на Райзена, затем на стопку газет. Резко развернувшись, стремительно выбежал из кабинета.

Райзен вздохнул с облегчением. Бездумно пролистал номер. Его взгляд зацепила статья: «Двигатели будущего», где излагался принцип автомобильного двигателя с принципиально новой системой подачи топлива. В конце статьи шла короткая информация, что на заводе Роджера Кармайкла осваивают производство таких двигателей. После статьи Райзен увидел фотографию Эдварда и интервью с ним:

«Полиция выяснила, что причиной была диверсия, злоумышленники заминировали стенд. Детонация двигателя никак не могла привести к образованию воронки два метра в диаметре. В опубликованной статье в газете «Трибуна» говорилось, что на заводах нашей компании не соблюдаются условия труда рабочих, нет профсоюза. Это совершенно не так. Любой может прийти к нам на завод и убедиться, что у нас восьмичасовой рабочий день и два выходных в неделю. Такого нет нигде в городе. На некоторых заводах и фабриках рабочий день доходит до шестнадцати или восемнадцати часов. И профсоюз не волнует, что люди умирают от изнеможения. Профсоюзы часто перерождаются и начинают защищать только свои собственные интересы, а не права рабочих. Вместо того чтобы надеяться на эти малоэффективные организации, мы внедряем на заводе метод Генри Форда по

распределению прибыли, пропорционально вложенному труду, что позволяем выплачивать зарплату в три раза больше, чем в среднем получают рабочие на других предприятиях».

Райзен с досадой подумал, что, несмотря на слова, сказанные Каваллини, эта газета его сильно раздражала. Она обретала всю большую популярность в городе. Специальный корреспондент газеты казался подозрительно осведомленным обо всем, касалось ли это подбора картин для выставок Каваллини, неблагоприятных сделок между бизнесменами города, или условий труда рабочих. И никто не мог привлечь его за клевету. Спенсер всегда подтверждал свои обвинения убедительными доказательствами и документами.

— Пришёл мистер Блейтон, — услышал Райзен голос своей секретарши.

Джаред Блейтон, пожилой мужчина очень низкого роста, с окладистой седой бородой, прошёл в кабинет, и уселся в кресло. Поморщился, заметив, что перед Райзенем лежит номер «Городских новостей».

— Вы читали уже эту вздорную статью? — воскликнул Блейтон с сильнейшей досадой. — Это черт знает, что такое. Эта гадкая газетёнка учит нас, настоящих производителей, какие двигатели лучше. Вместо того, писать о безопасности производства, протаскивает вредные и опасные идеи, будоражит умы.

— Я не специалист в подобных вопросах, — спокойно проронил Райзен, сцепив пальцы. — Что касается безопасности, я видел отчёт полиции, причиной происшествия на заводе Кармайкла послужила взрывчатка. Сэр Роджер предполагает, что злоумышленники хотели убить его племянника.

— Алан, ну кому нужен этот плейбой?! — воскликнул горячо Блейтон. — Он сопьётся, или снова сойдёт с ума.

— Сомневаюсь. Судя по всему, Эдвард действительно избавился от вредных привычек, взялся за ум. Джаред, зачем вы решили меня побеспокоить?

Блейтон достал из кармана пиджака сложенный лист бумаги и аккуратно выложил перед Райзенем. Прочитав внимательно, тот поднял глаза на своего собеседника и чуть заметно усмехнулся.

— Я вижу в этом обращении много эмоций и никаких убедительных аргументов. Джаред, вы расстроены, что машины Кармайкла стали очень популярны, но это не повод, чтобы снимать их с гонки.

— Мы заботимся в первую очередь не о себе, а о безопасности людей, — быстро проговорил Блейтон, стараясь, чтобы его голос звучал уверенно. — А если подобный взрыв произойдёт на трассе во время гонки? Могут погибнуть люди.

— Неужели? — насмешливо изрёк Райзен. — Джаред, вы пропустили мимо ушей мои слова о полицейском отчёте. Никакой опасности новая разработка компании Кармайкла не представляет. Стенд был заминирован. Кстати, у полиции уже есть несколько подозреваемых. Все пути ведут к главным конкурентам сэра Роджера. Я стараюсь сохранить нейтральную позицию наблюдателя и не вмешиваться. Вы же знаете мои правила — никакого давления со стороны администрации. Все в рамках закона. А вы предлагаете мне стать арбитром в ваших взаимоотношениях с Кармайклом?

— Этого хочу не только я, но и другие бизнесмены... — пробормотал Блейтон.

— Тоже конкуренты компании сэра Роджера? — перебил язвительно Райзен.

— Но мистер Райзен, сам лорд Кармайкл понимает, насколько ненадёжны его машины, — Блейтон предпринял ещё одну попытку. — Эдвард — азартный гонщик. Он принимал участие во всех ралли. Но сейчас его имени нет в списках пилотов. Сэр Роджер

побоялся усадить племянника за руль продукции своего собственного завода. Это ли не важный довод, чтобы снять машины компании Кармайкла с гонки? Алан, это уже не мои эмоции, а решение сэра Роджера.

— Джаред, мне кажется, — медленно чеканя слова, проговорил Райзен. — Было бы лучше, если бы Эдвард все-таки принял бы участие в ралли. И продемонстрировал, надёжны машины, которые он создал, или нет. А если что-то с ним случится на трассе, вся вина ляжет исключительно на него. Вы же знаете, любое происшествие во время гонки — не страховой случай.

Губы Блейтона тронула злорадная ухмылка. Он прекрасно понял намёк.

Роджер бросил взгляд на газету, лежащую перед ним. Его мнимый племянник изящно обошёл проблемы этического характера и все-таки сумел опубликовать опровержение, оставшись в рамках приличий. Он посмотрел на часы, подумав, что надо торопиться, Фрэнк звонил час назад и просил приехать, чтобы продемонстрировать машины, которые он подготовил для гонок.

Машина свернула на пустырь, переоборудованный Фрэнком в полигон, где можно было воссоздать практически любую самую сложную и извилистую трассу, приближенную к реальности. Пройдя через ворота, Роджер увидел Фрэнка, который вылезал с довольным видом из машины, в комбинезоне и защитных очках.

— Ну чем вы меня удивите? — спросил Роджер с интересом.

Фрэнк молча отвёл его к ряду выстроившихся машин, остановившись около одной, по форме кузова напоминающую сплюсненную ракету, выкрашенную в бело-голубой цвет.

— Великолепная аэродинамика, набор скорости мгновенный, — объяснил Фрэнк. — Давайте я что-нибудь покажу в деле.

Он легко запрыгнул на сиденье. Машина с рёвом сорвалась с места, за пару секунд набрав предельную скорость. Пошла на второй круг. Роджер щёлкнул удовлетворённо секундомером. Лучший результат в ралли обеспечен. Как вдруг произошло нечто странное. Словно по теннисному мячику ударили огромной ракеткой — спортсмен мгновенно набрал ускорение, и как молния промелькнул мимо остолбеневшего Роджера. Казалось, машина, оторвавшись от земли, взлетит, исчезнув в небе.

Фрэнк притормозил около Роджера и задорно воскликнул:

— Ну как?

— Что это вы такое сделали? Будто ядерный взрыв толкнул машину вперёд. Это безопасно? — спросил обеспокоенно Роджер.

— Абсолютно, — бросил Фрэнк. Он открыл капот. Среди стандартной системы выделялся ярким оранжевым цветом гладкий баллон. — Система прямой подачи в камеру сгорания закиси азота. Подаётся в двигатель, снабжает большим количеством кислорода, это даёт возможность сжигать больше топлива. Повышается плотность топливной смеси, азот её охлаждает и не даёт взрываться. Как результат, увеличение мощности от ста до пятисот лошадиных сил.

— Но я так понимаю, это будет сильнее изнашивать двигатель?

— Ну, за кого вы меня принимаете, Роджер? — усмехнулся Фрэнк. — Конечно, я все переделал, трубопровод, насосы, поршни, турбокомпрессор. Практически все.

— Все равно, это не безопасно, — нахмурился Роджер. — И очень шумно. Для запуска в серию нужно поставить более мощный глушитель.

Фрэнк загадочно улыбнулся.

— Роджер, надо кардинально решать эту проблему.

— Вот как? У вас что-то припасено ещё? — в голосе Роджера ощущалось напряжение. — Интересно.

— Да так. Одна мелочь.

Роджер достал секундомер, но включить не успел. Из гаража вылетало абсолютно бесшумно нечто, что лишь отдалённо напоминало корпус спорткара. Промчавшись, как ураган мимо изумлённого Роджера, почти не касаясь земли, болид скрылся за поворотом, тут же появился с другой стороны трека. Исчез, словно растворился в воздухе. Через мгновение, материализовавшись около Роджера. Сработала пневматика, дверца поднялась вверх, словно крыло чайки. Фрэнк легко выпрыгнул с места, расчесал пятерней взмокшие волосы.

— Вы решили перестроить наш завод на выпуск самолётов? — поинтересовался Роджер с иронией. — Показывайте, как это работает. Я жду с нетерпением.

Фрэнк вытащил лёгким движением фокусника пульт, нажал кнопку. Мягко открылся капот. Роджер заглянул и нахмурился. В том месте, где он ожидал увидеть хитросплетение узлов двигателя внутреннего сгорания, располагались полупрозрачные соты, в которых мерцали золотистые огоньки. Рядом глухой металлический ящик.

— Это аккумулятор, Роджер, — объяснил Фрэнк, вытирая пот со лба.

— А где же сам двигатель? Я не совсем понимаю.

— Вот, — Фрэнк махнул рукой в сторону ящика. — Ядерный реактор.

— Вы с ума сошли! Реактор? Термоядерная реакция? На уране? Где вы его взяли?! — взволновано воскликнул Роджер.

Фрэнк щёлкнул задвижкой, и вытащил пару блестящих, прозрачных кубиков. Подбрасывая на ладони, объяснил:

— Вот. Кусочки льда. Простая замороженная вода, Роджер. Я лишь восстановил здесь то, что сделал у себя дома. Двигатель, который работает на воде. Миниатюрная система, которую я изобрёл, расщепляет воду, получая водород. Реактор заряжает аккумулятор. Дома мои тачки могли пройти полторы тысячи миль без дозаправки. Здесь, с вашими технологиями, с этой волшебной сывороткой, можно обогнуть земной шар несколько раз. КПД в два раза выше, чем у любого движка на бензине. Себестоимость в полтора раза ниже. Этот двигатель можно ставить куда угодно — на субмарины, самолёты. Компактная и эффективная система.

— Вы серьёзно это говорите? Это разорило бы нефтяные компании, — усмехнулся Роджер.

— Нет больше никакой необходимости ни в нефти, ни в газе, ни в любом другом виде топлива, которые надо добывать из недр Земли и сжигать, оставляя массу отходов. Абсолютно чистое экологическое топливо. Я сделал на этом миллионы.

Он оперся об ограждение, вытащил сигареты, с удовольствием затянулся.

— Но на такой машине нельзя выступать в ралли, — проронил с сожалением Роджер.

— Разумеется. Это было бы нечестно, — согласился Фрэнк весело. — Кроме того, это лишь опытный образец. Я буду выступать на обычной машине с движком с инжекторной подачей топлива. И системой «нитро». Такой небольшой шулерский пример. Ну, то, что я показал вначале.

— Томсон умеет ею пользоваться?

— Роджер, я могу научить Томсона, там нет ничего сложного, но вы никак не поймёте, я должен это сделать сам! Не только, потому, что я — конструктор. И не потому, что я лучше гонщик, чем Томсон. Просто должен показать, что не боюсь.

— Кому показать? Блейтону? Или Райзену? — спросил Роджер насмешливо. — Или решили покрасоваться перед Камиллой?

— Почему вы думаете, что я настолько тщеславен? Мне не пятнадцать лет, чтобы прыгать с крыши ради девочки, в которую влюблён. Я просто хочу довести дело до конца. Проверить в первую очередь себя! Будет Камилла на стадионе или нет, мне плевать.

— А как у вас с мисс Веллер? — спросил Роджер, чтобы увести разговор от неприятной темы. — Вы говорили, что собирались открыть для неё театр.

Фрэнк, склонившись над ограждением, через паузу проронил:

— Ирэн очень хорошая, милая, добрая, нежная. Готовит прекрасно. Я снял помещение для неё, там идёт ремонт. Зал, правда, небольшой. На триста мест. Но акустика прекрасная, и удобно расположено. Ей понравилось.

— Ну и отлично. Потренируйте ещё Томсона, — предложил Роджер.

Фрэнк мрачно подошёл к пульту, включил городской режим, и спустился на трек. На поле начала быстро прорисовываться объёмная модель города, вырос каркас зданий, сверху его закрыла матовая плёнка, будто тонкая медицинская перчатка, лишь условно отразившая выпуклости и выемки, но через полминуты материализовалась в стекле, камне и металле. Фрэнк прыгнул в машину и вместе с Томсоном они стали носиться по условным «улицам» города. Роджер с долей зависти наблюдал за их «игрой», когда то одна, то другая машина вырывалась вперёд, входила в поворот на полной скорости, сжигая покрышки, выскакивала неожиданно из незаметного «переулкa».

— Ну что, куда теперь? — спросил Роджер, когда Фрэнк подошёл к нему, усталый, но счастливый.

Сев рядом, вытирая пот со лба, он ответил:

— Хочу съездить, посмотреть, как идёт ремонт здания, в котором будет приют. Мне кажется, они там слишком долго возятся.

— Лучше будет, если вы отдохнёте, — предложил Роджер.

— Зачем? Если в ралли участвовать не буду, вообще не пойду на стадион. Целыми днями буду отдыхать, — бросил язвительно Фрэнк.

— Обиделись? — усмехнулся Роджер. — Напрасно. Надо уметь «держатъ удар» и не обращать внимания на дураков, которые пытаются вынудить вас принять участие в «игре со смертью». Шансы не равны. Честный человек всегда проиграет мерзавцам. Лучше уклониться от схватки. Не хочется все потерять из-за вашего глупого тщеславия.

Бросив взгляд на поле, которое теперь превратилось в заброшенный карьер, с кучами глины и цемента, где носилась машина с Томсоном, Фрэнк тяжело вздохнул и поплёлся в гараж.

Через полчаса он уже увидел здание, заставленное лесами, где сутились люди. Он облазил всю стройку, снизу доверху, стараясь не пропустить ничего. Проверить каждый уложенный кирпич, каждый наличник и дверной проем.

Перемазанный с ног до головы извёсткой, кирпичной пылью, и краской, он спустился вниз, чтобы проверить установленные двери.

Знакомый голос вырвал его из задумчивости.

— Эдвард? Почему ты сам этим занимаешься?

— Камилла? Что ты тут делаешь?

— Проезжала мимо, — спокойно объяснила она. — И была удивлена тем, что здесь делает племянник лорда Кармайкла.

— Я решил кое-что проверить, — буркнул он.

— И что это будет? Новый цех?

— Приют, для бездомных.

— Приют? — нахмурившись, переспросила Камилла, из голоса сразу исчезла доброжелательность. — Неужели сэр Роджер согласился на это? Разве ты не понимаешь, что этим вы поддерживаете бездельников и паразитов, которые не умеют ничего делать, кроме как беспробудно пить и попрошайничать?

— Камилла, тебе так нравится теории твоего мужа о том, что благотворительность — это зло? — бросил Фрэнк с досадой.

— Это не теории! — воскликнула горячо Камилла. — Реальные моральные принципы людей, которые могут отличить добро от зла. И не хотят платить жизнью за жирного, рыхло-равнодушного калеку, ублажающего себя алкоголем.

— Кто тебе сказал, что я плачу жизнью? Я только стараюсь немного помочь. Эти люди не бездельники. Они просто не вписались в общую систему. Если кто-то потерял здоровье на работе, почему его надо бросать на произвол судьбы?

— Если человек не в состоянии заработать себе на жилище, значит он бездельник, который никогда в жизни не напрягался. Эти паразиты будут требовать от вас, что бы вы выполняли все их желания. И вы не дождётесь от них ни признания, ни уважения, ни благодарности. Никогда. Они будут только требовать и требовать.

— Извини, Камилла, мне надо переодеться, — Фрэнк решил прервать этот бесполезный спор.

Он вернулся в подсобку, сбросив рабочую одежду, встал под душ. Этот разговор оставил тяжёлое чувство. То, что Фрэнк считал естественным проявлением человеческой натуры, в этом странном месте вызывало враждебность и недоверие.

Он очень надеялся, что Камилла уйдёт. Но вернувшись, с досадой увидел, она по-прежнему поджидает его. Хотя теперь выражение её лица изменилось. Она скорее выглядела смущённой, чем раздражённой.

— Эдвард, возможно, ты прав, — проговорила она, чуть запинаясь. — Бывают такие разные обстоятельства, когда люди теряют работу или дом. Им негде жить. И это снимет напряжение. В городе. Я понимаю, — она замолчала, ожидая от него ответных слов. — Эдвард, давай вместе поужинаем, — она решилась сказать это сама. — Здесь поблизости, в кафе «Золото майя».

Фрэнк только сейчас осознал, почему Камилла оказалась здесь. Откровенное, бесстыдное желание светилось в её глазах совершенно ясно и отчётливо.

Они зашли в кафе с огромной неоновой вывеской из сверкающих золотых монет. Нашли свободное место, в самом дальнем углу.

Она взяла коктейль, который услужливо поставил официант, и уже обычным тоном спросила:

— Скоро ралли, ты будешь участвовать?

— Я хотел. Но Роджер против, — проворчал он, эта тема раздражала сильнее, чем прежняя. — Считает, это небезопасно.

— Значит, это правда, что машины вашей компании ненадёжны, — проговорила она задумчиво.

— Камилла, это чушь! Наши машины надёжны, устойчивы на абсолютно любом дорожном покрытии. Безопасней любой другой машины в городе. Я могу продемонстрировать это любому! Я ручаюсь головой за каждый винтик!

— Что ты кричишь? — удивилась она. — Я просто знаю, к Алану приходил Блейтон и требовал снять машины компании сэра Роджера с гонок. Потому, что ты не будешь выступать.

— Роджер просто боится за меня. У нас на заводе произошла диверсия. Он думает, что хотели убить меня. Поэтому запретил мне участвовать. Конкуренты могут пойти на любой шаг. Вот главная причина.

— Он прав. В первую очередь ты должен думать о собственной безопасности. Никто не должен жертвовать своей жизнью ради других. Человек существует только ради себя самого. Стремление к собственному счастью — величайшая моральная цель.

Фрэнк до хруста сжал зубы, чтобы не брякнуть что-то грубое с досады. Камилла опять вернулась к изложению идеологической системы Райзена.

— Камилла, ты действительно в это веришь? — не выдержал Фрэнк. — Во весь этот бред, который сочинил твой муж? Неужели никто из всех вас не пытался понять, что он сочинил это лишь для того, чтобы оправдать свой собственный эгоизм! Желание жить для себя. Но при этом все остальные живут для него, для исполнения его желаний. Он собрал вас всех, чтобы воплотить в жизнь собственные взгляды.

— Нас? А тебя? Эдвард, ты сам в первую очередь хотел приехать сюда. Тебе хотелось жить так, чтобы тебя не ограничивала фальшивые законы морали, религиозные догматы. Ты говорил, мы живём только раз и должны взять от жизни все.

— Камилла, клиника прочистила мне мозги, — нашёлся Фрэнк. — Я там многое передумал. Многое понял. Нельзя жить только для себя! Как утверждает твой муж!

— Это неправда. Он никогда не утверждал, что надо жить только для себя. Это может быть другой человек. Например, кого ты любишь. Он будет необходим для собственного счастья. Ради него можно умереть, потому что в этом случае защищаешь то, что дороже всего. Это защита своих собственных ценностей, потому что без этого человека не захочешь жить.

Фрэнк прикрыл усталые глаза. Как он ни старался, Камилла все разговоры сводила к принципам Райзена.

— Наверно, ты права, Камилла. Права, как никогда, — промямлил он, чтобы прекратить этот неприятный разговор.

Он замолчал, взял вилку и начал ковырять в салате, который принёс официант. Повисло молчание.

— Эдвард, — она легко коснулась его руки. — Я давно собиралась тебе это сказать. Я думаю, нам надо возобновить наши отношения, — быстро пробормотала она. — Если ты действительно меня любишь...

Она присела рядом, не стесняясь, откровенно опустила руку на его брюки, нежно погладила.

— В конце улицы есть маленький домик, я буду тебя там ждать. Через полчаса. И, взяв сумочку, быстро стуча каблучками, вышла из кафе.

Фрэнк проводил её взглядом, кусая губы. Может быть, она заманивает его в ловушку. И

в этом миллом домике его поджидают подручные Райзена, чтобы разделаться с ним?

Он вышел на свежий воздух, тут же ощутив неприятный, пронизывающий ветер. Когда садилось солнце, на город словно опускалась завеса холода.

Нехотя начал спускаться вниз по улице. Дошёл до конца улицы, огляделся. И толкнул калитку, которая вела в сад. Тенистая аллея привела к крыльцу со стеклянной дверью, за которой пробивался свет.

Она прижалась к нему, руки обвили нежно его талию. Он сжал её в объятьях, жадно целуя губы, шею. Расстегнул и так почти полностью открытый лиф её откровенного платья, впившись в мгновенно затвердевшие соски.

— Куда пойдём? — шепнул он.

С трудом подавив дрожь, она взяла его за руку, повела куда-то вверх, по деревянной эллипсоидной лестнице.

Комната для удовольствий. Тонкий, светло-бежевый палас с нежным ворсом. Низкая кровать тёмного, полированного дерева с множеством подушек, и покрывалом с неяркими лотосами. Узкое, высокое окно закрывали плюшевые шторы кофейного цвета. Ночники на прикроватном столике окрашивал все в мягкий, золотистый оттенок.

Словно ребёнка он взял её на руки и, баюкая, отнёс на королевское ложе. Спустил брюки и тут же перехватил её взгляд, упирающийся в совершенно определённую часть его тела. Большинство женщин это восхищало. В их глазах сразу вспыхивал огонь откровенного желания. Это окрыляло. Но некоторых пугало. Как Камиллу.

— Эдвард, зачем тебе такое? — запинаясь, очень тихо произнесла она, не вы силах отвести взгляд. — Тебе не кажется, что это слишком... — она замялась, пытаясь подобрать слово.

Он понял, что она имела в виду. Но сказать не мог, подобную анатомию подарила ему природа.

— Я буду осторожен, — пообещал он.

Он опустился на колени, лаская её языком. Она вдруг смутилась, закрылась.

— Камилла, милая, — он прилёг рядом, нежно обняв сзади, легко коснувшись шеи, начал спускаться ниже, целуя каждый позвонок.

Она расслабилась, он ясно ощутил, как разгорается в её сердцевине огонь, который только он мог погасить. Обхватив её фигурку, ставшую хрупкой и беззащитной, взял так деликатно, как только мог. Но она все равно вскрикнула так болезненно, что он инстинктивно замер и взглянул с беспокойством в её лицо. Но она лишь слабо улыбнулась.

Её руки соскользнули вниз, прижав его за ягодицы к себе, и потребовали немедленного, бешённого наслаждения. Она подбадривала его всем телом, бёдрами, руками, разводя и сводя ноги. Перекатившись, она оказалась сверху, и с силой насаживалась на его «инструмент». Он грубо развернул её к себе спиной, тиская, жёстко теребя соски налитых грудей, овладел сзади, вызвав в ней каскад громких, бесстыдных стонов, воплей, которые только подбадривали его. Он уже врывался в её тело, словно дикий зверь в поверженную добычу, доводя до изнеможения. Забыв о своём обещании быть осторожным.

И потом всё закончилось. Она утихла, ослабла в его руках, словно он выпил из неё все силы. Он покрывал её нежными поцелуями, слегка касаясь. Она не отзывалась. Лежала, словно мраморная статуя. Только потом, отстранив его, она присела.

Он видел в полутьме, как высоко вздымается её грудь.

— Эдвард, где ты этому научился? — в её голосе ощущалось недоверие.

— Научился? — Фрэнк ухмыльнулся, и то же мгновение опомнился, прикусив язык. — Были хорошие учителя.

— Учителя? Где? В клинике? Ты ведь раньше любил совсем другое.

Фрэнк перевернулся на спину, заложив руки за голову. Уставился в потолок. Что он мог сказать? Все, что он получил, предназначалось не ему, а Эдварду.

— Камилла, меня в клинике от этого вылечили. Знаешь, очень болезненно, но эффективно. И давай не будем об этом.

— Болезненно?

— Да, — хмуро бросил он. — Засовывают в задницу оголённый провод и пропускают ток. Очень больно. Потом на эти вещи смотришь иначе.

Она посмотрела на него с таким ужасом, что ему захотелось расхохотаться.

Вздохнув, начала медленно одеваться.

— Камилла, ты не сказала самого главного, — он попытался остановить её, взяв за руку.

— Эдвард, мне понравилось, — пробормотала она. — Я никогда ничего такого не ощущала.

Никогда. Хотя ты сделал мне немного больно.

— Я не об этом, — с досадой проворчал он. — Ты любишь меня? Ты уйдёшь от Райзена?

— Эдвард, это все так сложно, — очень тихо произнесла она. — Я не могу пока решить. Пойми меня.

— Ну, я зря старался, — бросил он с досадой.

Упав на спину, стал с кислой миной рассматривать потолок.

— Ты считаешь это главным? — удивилась она. — Любовь — это несколько иное. Мне хорошо было. Но...

— Ради этого ты от мужа не уйдёшь. Хотя он тебя так отодрать не сможет никогда.

Она поморщилась от его грубого слова.

— Мы можем встречаться...

Фрэнк хмыкнул, достал из куртки сигареты, затянулся, выпуская колечки дыма.

— Нет, конечно, это очень удобно. И муж, и любовник. Все тридцать три удовольствия.

— Эдвард, не оскорбляй меня! Ты не понимаешь. Алан — такой человек, — она смущённо замаялась, пытаясь подобрать слова. — Ты же сам можешь пострадать...

— Ты заботишься о моей безопасности. Я в полном восторге! Но поверь, я сам могу о себе позаботиться. И о тебе тоже. Камилла, ну не средневековый феодал твой муж. Не будет он сжигать меня на костре, сажать на кол или публично кастрировать на площади за то, что ты уйдёшь ко мне. Если для человека главное — стремление к личному счастью, — он с иронией припомнил идеи Райзена. — То он же должен это понимать?

— Ты не понимаешь, Эдвард. Он... он страшный человек. Ты не представляешь, на что он способен...

Глава 11. На грани жизни и смерти

Фрэнк наблюдал, как устанавливают обитые бордовым бархатом кресла, оглядел зал. Партер, амфитеатр обрамляли два яруса балконов, выкрашенных в бордовый цвет, украшенных позолоченными лавровыми венками. Первый ярус поддерживали золотистого цвета арочные перекрытия, разделённые гладкими колоннами, потолок украшали живописные панно.

— Ну как тебе нравится? — услышал он голос Ирэн.

Он перехватил её руку, нежно прикоснулся губами.

— Вроде неплохо. Но зачем ты пришла? Тебе надо репетировать, — с мягким упрёком сказал он.

Она села на одно из кресел и стала оглядывать зал.

— Репетиция будет через полчаса, я пришла пораньше, чтобы посмотреть. Милый, а почему ты не на стадионе? — поинтересовалась она.

— Я решил не ходить, — мрачно бросил он. — Если сам не участвую, плевать, что там будет. Не хочу это видеть.

Она прижалась к нему. Пытаясь утешить, стала гладить по руке.

— Ты очень плохо выглядишь. Будто всю ночь не спал. Что-то случилось?

— Да нет, спал. Кошмары снились, — объяснил он.

Он не собирался вдаваться в подробности и рассказывать, что почти всю ночь провёл в баре, наливаясь спиртным. Жутко трещала голова. Он поморщился, услышав, что строители притащили радиоприёмник, по которому шла передача со стадиона. Комментатор возбуждённо орал: «Кеттлер обходит Томсона и становится лидером. Нет, Томсон вырывается вперёд и мчится к финишу! Его уже никто не сможет остановить!»

— Мэлор, выключи, — хмуро бросил Фрэнк.

— Мистер Кармайл, но это ведь ваш гонщик? Он побеждает в заезде, — произнёс тот взволнованно.

— Плевать. Не хочу слышать, — грубо оборвал его Фрэнк. — Пойду посмотрю сверху, — добавил он, обращаясь к Ирэн.

— Давай я встану на сцене, — предложила она с улыбкой.

Он быстро взбежал на второй этаж и стал рассматривать стройную фигурку Ирэн, которая махала рукой со сцены.

— Отлично видно, — обрадовано крикнул он.

Он спустился на первый ярус, прошёл по рядам, проверяя, хорошо ли установлены кресла. Всеми силами пытался отвлечься, но мысленно все равно находился на стадионе.

«Трибуна», и «Стандарт» вышли со статьями, обличающими продукцию компании Кармайклов, как ненадёжную, ядовито описывая в красках, что племянник главы фирмы, который славился, как великолепный гонщик, участвовать наотрез отказался.

Фрэнк разозлился и готов был разнести редакции обеих газеты в щепки, но Роджер запретил даже думать об участии.

Он спрыгнул в оркестровую яму, и с улыбкой сказал:

— Отсюда ты лучше выглядишь.

Она села на край сцены, болтая ножками, и счастливо рассмеялась, когда он обхватил

их и стал нежно целовать.

— Ну ладно, котик, — произнесла она игриво. — Мне нужно на репетицию. Я тебя оставляю. Веди себя хорошо, не балуйся, — добавила она, погрозив ему пальчиком.

Спустилась со сцены, быстро пробежала в проходе между рядами и помахала ему рукой. Фрэнк оглядел зал и подумал удовлетворённо, что все пока получается так, как он задумал. Через пару дней премьеры, а билеты уже почти все раскуплены. Он вышел из зала и стал осматривать, как оформили фойе, огромное зеркало в позолоченной раме, удобные диванчики, обитые мягкой бордовой кожей. Мысленно усмехнулся, подумав, что не ожидал от себя, что станет меценатом. Хорошо, что помог Роджер, иначе справиться с такой сложной задачей не удалось бы. Он опять услышал разгорячённый голос диктора, который почти визжал, прислушался и замер, услышав: «Что это с Томсоном? Он, кажется, потерял управление! Так, похоже, Томсон выбыл из борьбы. Теперь впереди Кеттлер и Моранто!»

Фрэнк пулей вылетел из театра, впрыгнул в «мустанг» и рванул на полной скорости к стадиону, искусно лавируя между машинами горожан. Вбежав на стадион, он увидел, что ложа Роджера пуста, стал оглядываться, и похолодел, увидев на носилках Томсона, с безвольно свисавшей рукой. Оценил взглядом, что машины пошли лишь на второй круг. И бросился к гаражу, не замечая, как вслед кричит Роджер: «Эдвард, не смейте! Я вам запрещаю!»

Завизжали шины, мгновенно набравшей скорость, машины, Фрэнк вышел на прямую и устремился в погоню. Кеттлер с изумлением увидел в зеркало заднего вида быстро нагоняющую машину, она пронеслась, как голубая молния и только секунду спустя он осознал, что за рулём Эдвард Кармайкл.

Любимая трасса, несмотря на то, что Фрэнк в азарте время от времени переворачивал машину во время тренировок, прохождение этой части ралли ему нравилось. Пробегали растрескавшиеся борта канала, грязные лужи, разбросанные бочки. Часть проходила по окраине города, где трасса давала резкий поворот почти на сто восемьдесят градусов. Он много раз проходил его, поэтому мгновенно срезав угол, промчался на второй круг.

Машина потеряла управление, «просела», завияляла. Фрэнк вылез из машины, и с досадой обнаружил, что оба передних колеса пробиты, будто разрезаны острым ножом, хотя осмотревшись вокруг, не заметил ничего, что могло бы так пропороть шины. Чертыхаясь, быстро сменил обе покрышки, но потерял драгоценные секунды.

Пошёл на следующий круг, но вырвавшись из туннеля далеко впереди остальных, и вспомнил, что минуту назад услышал странный стук, будто на крышу машины упала шишка. Ему вновь пришлось остановиться. Интуиция не подвела, на крыше «присосалась» маленькая бомба. Грязно выругавшись, Фрэнк выбросил её в кусты, запрыгнул за руль, уже не видя, как бомба взорвалась, оставив воронку в полметра глубиной.

Фрэнк закончил гонку третьим, несмотря на катастрофическую потерю времени. Машина, его детище, идеально слушалась, словно обладала не только интеллектом, но читала мысли. Он ощущал с ней полное единение, проходя самые сложные повороты, шутя, что доставляло почти физиологическое наслаждение. И в то же время ему хотелось разогнать эту тачку и на предельной скорости разбить вдребезги о стену. Какая-то неведомая сила пыталась ему помешать. И бороться с этим, не было никаких сил, ни физических, ни моральных.

Фрэнк возвращался домой вместе с Роджером. Перед мысленным взором по-прежнему вилась извилистая с крутыми поворотами лента трассы, то асфальт, то грунтовка, глаза болели от ослепительного солнечного света. Он внутренне опасался, что Роджер опять начнёт капать ему на мозги, но тот хранил молчание, и на его лице не отражалось никаких эмоций.

Уже стемнело, зажглись фонари, заливая мягким золотистым светом сад. Фрэнк вошёл в дом, поднялся к себе, и с удовольствием вытянулся на кровати, не раздеваясь. Прикрыл глаза. По телу разливалась свинцовая, но очень приятная усталость. Раздался осторожный стук. Дверь, заскрипев, отворилась. Фрэнк открыл глаза, хотя прекрасно понимал, кого увидит.

Роджер устроился в кресле у камина и как-то странно посмотрел на Фрэнка.

— Зачем вы примчались на стадион? — проронил он без тени упрёка. — Я готов был выставить Корнуэлла.

— Он совсем мальчишка.

— Вы абсолютно не осознаете опасности. Безрассудны, упрямы до глупости.

Фрэнк привстал на кровати, подложив локоть, и бросил на него ироничный взгляд.

— Роджер, что вы переживаете? Если я погибну, это незначительно повлияет на дела компании. Я оставил вашим спецам такое количество документации, что вам надолго хватит для модернизации. Ваши машины будут лучшими.

— Меня это мало волнует.

— Да? А что вас волнует? То, что я так и не смог отключить камеры жизни? Поверьте, я много узнал о том, как они функционируют. И без меня есть, кому завершить дело. Вы сможете осуществить вашу месть.

— Я бы хотел, чтобы вы это сделали. Но вовсе не потому, что хочу осуществить свою месть. Вы в большой опасности. Если вы ликвидируете Райзена, у вас будет больше шансов выжить. Блейтон или Каваллини — мелкие сошки.

Фрэнк поморщился.

— Роджер, скажите, вы никогда не хотели покинуть этот город? Если я найду способ вернуться, вы могли бы поехать со мной. Я дам вам там всё, что в моих силах. Это ведь не альтруизм? Ответная благодарность за то, что вы сделали для меня. Нет. Не благодарность. Оплата.

— Я никогда не покину этот город. Я умру здесь. Рядом с моей женой.

— Роджер, вы могли бы взять её с собой. Уверен, наша медицина смогла бы вернуть ей разум.

— У меня никогда не было детей, — начал Роджер задумчиво, словно разговаривал сам с собой. — Лиз не хотела, я — тоже. Я считал, как Райзен, что воспитание детей — излишняя трата времени и сил на существ, которые не имеют права на любовь. Теперь жалею об этом.

Фрэнк понял, что хотел сказать Роджер, но лишь вздохнул. Это разговор его тяготил.

— Роджер, если перестроить камеры жизни, Лиз можно воскресить в том виде, когда она ещё не потеряла разум. У вас могли быть дети.

— Нет, — резко ответил Роджер. — И не будем продолжать эту тему.

Фрэнк улёгся на кровать, уставившись в потолок.

— Эти камеры жизни. У нас это называется клонированием. Только мы не научились возвращать к жизни взрослых людей. Но представьте себе эту технологию в действии?

Увидеть живую, как Паганини извлекает божественные звуки из своей Гварнери, как творит Рафаэль, поёт Мария Каллас, танцует Нижинский. А учёные, великие умы? Это бы прорыв. Человечество сразу сделало бы огромный шаг вперёд. Все, кто не успел что-то сделать — смогли бы вернуться, и подарить миру свой талант вновь. А Райзен использует это только для себя. Эгоист.

— Разумный эгоист.

— Роджер, разве эгоизм имеет пределы разумного? Я не смог понять, где эти пределы.

— Потому что вы другой человек, чем он. Он не поймёт вас, вы не поймёте его.

— Но вы же, кажется, меня поняли?

— Как у вас с театром для мисс Веллер? — Роджер перевёл разговор на другую тему.

— Все нормально. — Через два дня премьеры.

— И что она будет петь?

— Она выбрала Кармен.

— Для её меццо-сопрано подходит замечательно. А как обстоит дело с оркестром? Вы смогли найти подходящих людей?

— Роджер, вы не представляете, сколько в городе музыкантов, которых просто выбросили на помойку. Они готовы играть за сущие гроши, лишь бы работать! Скрипачи, пианисты. Роджер, я не понимаю. Они переехали в этот город, чтобы проявить свой талант, их растоптали, выбросили, как мусор.

— Смотрите, не надорвитесь, мой друг. Все равно помочь всем не сможете. Они начнут вас ненавидеть, так же, как и Райзена, потому, что кто-то останется без поддержки.

— Ну, хотя бы кому-то помогу. Я не бросаю им подачки. Даю работу. По крайней мере, не считаю их бездельниками и паразитами, как Райзен. Они просто не успели добежать наверх, потому, что у них не хватило наглости.

— Так везде в мире, мой дорогой. Не удивляйтесь. Разница только в том, что люди не могут уехать отсюда.

— Райзен сделал их заложниками своих идиотских принципов. И владеет их душами безраздельно. Создал, как Бог землю, где все живут так, как хочется ему.

— Корабль, на котором спаслись лишь лучшие, — добавил Роджер задумчиво.

— Лучшие? Правда? Я всё забываю вас спросить, почему в городе нет цветных. Ни одного. Райзен — расист?

— Да. Правда, он тщательно это скрывает. Знаете, что он говорил об индейцах? «Смысл их борьбы против белого человека сводился к тому, чтобы никто не нарушал их примитивного существования на земле, которую они даже не умели использовать. Белые люди имели право захватить этот материк, потому что несут цивилизацию отсталым народам». Райзен терпеть не может чернокожих, азиатов, мексиканцев презирает.

— Почему он не любит мексиканцев? — удивился Фрэнк. — Это они нас ненавидят. Мы оттяпали у них Техас.

— Мексиканцы поддерживали революцию в России, национализировали в тридцатых предприятия, принадлежавшие американцам. Хотя Райзен лишь выиграл от этого, — усмехнувшись, объяснил Роджер.

— Каким же образом?

— Продал мексиканскому правительству абсолютно бесплодный пустырь, выдав за богатейшие месторождения меди. Когда они пришли туда, то увидели лишь пару ржавых вагонеток. Он озолотился на этой операции. Большую часть своего состояния он приобрёл

именно таким способом.

— Проще говоря, путём грязных махинаций, — усмехнулся Фрэнк. — И почему меня это не удивляет. Роджер, вы знали об этом. Как можно было называть другом такого человека?

— Дорогой мой, я не задумывался раньше об этом. Райзен обладал удивительным даром убеждать. Вдохновлял людей своими идеями. Затрагивал глубинные струны.

— Какие струны, Роджер? Подлость, жадность, равнодушие к людским страданиям? Эгоизм?

— Об этом никто не думал, всех восхищала его главная идея, Главная цель существования человека — стремление к личному счастью. Все мы хотим этого. В сущности, мы живём для себя. Я, он, и вы тоже. Вам доставляет удовольствие помогать. Вы же не просто так это делаете? Альтруизм — один из способов, который позволяет жить в согласии с самим собой.

— Только немного более сложный и извилистый, чем желание жить только для себя. Быть эгоистом проще, не надо напрягаться, отрывать от себя кусок. Райзен пытается убедить весь мир, что любовь к себе — высшая добродетель.

— Неуважение и нелюбовь к себе — источник многих бед. Люди с низкой самооценкой пытаются самоутвердиться за счёт других, и это приводит к большим проблемам.

— При чем тут низкая самооценка? Эгоцентризм и уважение к себе — это совершенно разные вещи. Тут такая же разница, как между гордостью и гордыней, между философией и идеологией. Ирэн как-то сказала, что Райзен никогда не сомневается в том, что он прав. Это корень проблем. Он поставил себя в центр вселенной и считает, что вселенная должна подчиняться его представлениям о жизни.

— Да, наверно, это так, — медленно проговорил Роджер. — Я вас совсем утомил пустыми разговорами. Завтра тяжёлый день. Вы посмотрели маршрут?

— Да, я там двести раз ездил. Жутчайшая трасса. Трещины, колдобины. Тоже мне — центр города, — продолжил он, усмехнувшись. — И не стыдно. Рядом с шикарными магазинами, дорогим ресторанам покрытие как после бомбёжки.

— Дороги ремонтировать не выгодно, мой друг. Вы сами это знаете, — объяснил флегматично Роджер. — А Райзен не вмешивается. Он считает, что бизнесмены сами должны прийти к решению сделать ремонт.

На следующее утро Фрэнк в прекрасном настроении приехал на стадион. Вдохнул свежего воздуха, и подумал, что это будет замечательный день. Залез под машину, помня наказ Роджера, проверил тормоза.

— Слыхал, трассу заменили? — услышал он чей-то хриплый голос.

— Нет. С какой стати?

— Говорят, Блейтон выпросил у хозяина. Умолял на коленях, — ответил тише первый через паузу.

— И на фига ему это? — равнодушно бросил второй.

— Блейтон в ярости, что Кармайкл обходит.

— Так у него такая тачка, — протянул второй с завистью. — Супер. Была бы у меня такая, я бы только на ней катался.

— Тебе на неё двести лет надо корячиться, — заржал первый.

Когда голоса утихли, Фрэнк в мрачном настроении вылез из-под машины и отправился

в здание, где располагалась администрация.

— А, мистер Кармайкл, хорошо, что вы зашли, — с фальшивой радостью воскликнул Хартли, тощий субъект в наглухо застёгнутом костюме, встав из-за стола, протягивая ему сложенный лист бумаги. — Я должен вам передать новый маршрут на сегодня.

— А если бы не пришёл, вы б меня с заезда сняли? — насмешливо спросил Фрэнк. — Зато, что я к чёрту на кулички заехал?

— Ну что вы, — пробормотал тот растерянно, отводя глаза. — Мы бы обязательно вас оповестили. Как и всех. Все в равном положении. Остальным этот маршрут тоже не известен. Не только вам, — постарался убедить его Хартли.

Фрэнк тяжело вздохнул и поплёлся в гараж, забравшись на заднее сиденье, рассмотрел карту, и понял, что не имеет ни малейшего представления об этой трассе. Вместо центра города она проходила по заброшенному карьере. Он достал карту города, и вспомнил, что здесь компаньон Блейтона собирался строить спортивный комплекс. В случайности Фрэнк не верил.

Фрэнк, искусав губы от напряжения, повёл машину на третий круг. Он уже изучил все повороты, выучил наизусть ржавые краны, экскаваторы, самосвалы, бочки, кучи цемента. Мелкий песок пробивался через щели, хрустел на зубах. Он не успел сменить покрышки, машина не слушалась, пыталась ткнуться носом. Просчитав всю ситуацию, Фрэнк вышел на прямую, щёлкнул рычажком нитро. Ускорение вжало в кресло, за окном все слилось в единую массу, машина взмыла, как ракета, пролетела сотню метров и приземлилась, присев.

Едва не выпустив руль из рук, Фрэнк с трудом вписался в поворот, и вырвался вперёд, увернувшись от несущегося на него лесовоза, вывернул руль вправо и понёсся на четвёртый круг. Свернув в узкий, каменистый проход, краем уха услышал, как что-то звякнуло о борт машины. В зеркальце заднего вида увидел, как Маранто пытается нагнать его, усмехнулся, заметив, как машина соперника вильнула и свалилась в кювет на выходе. Ушёл на последний круг.

Перед глазами вновь побежала трасса, асфальт, покрытый сеткой трещин, белая полоса разметки. Он хорошо помнил, что слева есть незаметный объезд, сложный, но если держать машину, то удастся выиграть несколько важных секунд. Машина прыгнула вверх, шлёпнулась со звоном об полотно, перед глазами понеслись высокие небоскрёбы из стекла и бетона, витрины магазинов, уставленные манекенами с роскошными нарядами.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Почему-то ёкнуло сердце, когда пролетел мимо одного, у которого разбил витрину, вытаскивая Дока и Майло. Машина вильнула вправо, мягко ударилась о выставленные стопкой покрышки, он ощутил, что двоится в глазах. «Твою мать, как спать хочется»

Руль начал выскальзывать из рук, ноги перестали находить педали, прошиб холодный пот. Вцепившись в руль, краем глаза заметил, как машины соперников обходят его с двух сторон, прибавил газу.

Рассекая воздух, спорткар помчался вперёд, как стрела, но будто норовистый конь всеми силами постарался вырваться из рук. Перед глазами поплыли цветные круги, сжав зубы, ощущая металлический вкус крови, выступившей из дёсен, удержал «скакуна», обошёл на крутом, под сто двадцать градусов, повороте Кеттлера. Дома, ограждения, столбы, автобусные остановки все слилось в единую, неразличимую серую стену, к горлу подкатила мерзкая тошнота, словно от качки на воде.

Роджер увидел, как на стадион влетела машина Фрэнка, опережая всех соперников, но не настолько, чтобы не проиграть на последних секундах. Вздохнул с облегчением, когда машина пересекла финишную черту. Фрэнк, пошатываясь, с трудом вылезает из машины. Ничего не понимая, он привстал со своего места. С нарастающим ужасом наблюдая, как Фрэнк, сделав шаг, рухнул вниз, на асфальт, даже не попытавшись смягчить удар.

Роджер быстро спустился вниз.

— Что с ним, Юргенсон? Почему он потерял сознание? Переутомление?

Юргенсон, покачивая головой, осторожно подбирая слова, ответил:

— Не могу сказать, милорд. Очень странно. Это даже не обморок, скорее кома.

Лицо Роджера вытянулось.

— Из-за чего это могло произойти?!

Кажется, впервые он потерял самообладание.

— Не знаю, повреждений никаких нет. Только ссадины из-за падения. Но ощущение, что он в шоковом состоянии. Я бы сказал, так бывает от укуса чрезвычайно ядовитой змеи, гюрзы, к примеру. Дыхание поверхностное, пульс нитевидный, сердце еле бьётся.

Роджер взял Фрэнка за руку, ощутив ледяной холод, будто жизнь покинула тело.

— Его надо доставить в больницу, — сказал Юргенсон. — Вы слышите, милорд?

Роджер поднял невидящие глаза и твёрдо сказал:

— Нет. Ни в коем случае. Только домой.

Юргенсон хотел что-то сказать, открыл рот, но решил не спорить, и дал указание.

— Сэр Роджер, что случилось? — раздался рядом голос Райзена.

Роджер вздрогнул, бросил на него невидящий взгляд и пробормотал:

— Не знаю, пока не знаю. Ему стало плохо.

— Я могу перенести следующий заезд.

— Нет-нет. Не надо, спасибо Алан. Ничего не надо.

Райзен нахмурился и бросил взгляд на трибуну, будто кого-то искал.

Роджер сидел за столом, пытаясь собраться с мыслями, перед глазами проносился вихрь событий прошедшего дня. Он услышал женский возглас, и, выйдя из столовой, увидел Ирэн с разметавшимися по лицу спутанными волосами, и побелевшими губами.

— Сэр Роджер, что с ним? Я узнала только что. Я могу его увидеть? — дрожащим голосом произнесла она.

— Да. Он наверху, — обречённо ответил он.

Ирэн ринулась по лестнице наверх. Роджер отправился следом, тяжело поднялся наверх, уже издали слыша плачущие звуки.

— Сэр Роджер, как это... произошло, — рыдающим голосом лепетала Ирэн, обнимая неподвижное тело, будто пытаясь вдохнуть в него жизнь.

Роджер молчал, понимая, что Ирэн не задаёт вопросов.

— Пришла мисс Верден, — сказала горничная. — Хочет видеть вас.

— Кто? — не понял Роджер, оборачиваясь на её голос. — Как вы сказали?

Он спустился вниз, увидев в прихожей худенькую женщину в плаще.

— Мисс Верден? — переспросил он. — Что вы хотели? Простите, кто вы такая? Я вас не знаю, — добавил Роджер.

— Я — друг Фрэнка, — ответила она.

Роджер замер, услышав эту простую фразу. Он бросил пристальный взгляд на гостью, пытаясь вспомнить, где он мог видеть эту женщину с тёмными, волнистыми волосами, уложенными в аккуратную причёску, умными, печальными глазами за стёклами очков в изящной, металлической оправе, похожей на крылья бабочки.

— Что вы хотите, мисс Верден? — тихо спросил он.

— Сэр Роджер, разрешите мне попробовать. Я сделаю все, что в моих силах. Хотя надежды мало.

Роджер махнул рукой и отошёл к окну

— Не имеет никакого значения, мисс Верден. Юргенсон сказал, что ему осталось пару часов. До утра не доживёт. Делайте, что хотите.

Глава 12. Победитель

— Что-то случилось, Алан? — спросила Камилла, намазывая джем на тонкий кусочек хлеба. — Ты выглядишь озабоченным.

Они ужинали в столовой. Райзен уже закончил и взял сигару. Камилла пила чай.

— Ты же видела, что племяннику сэра Роджера стало плохо сразу после окончания заезда, он потерял сознание. Мне придётся расследовать этот случай, — объяснил он.

— А что тут расследовать? Я думаю, он был просто мертвецки пьян, — проронила Камилла брезгливо, откусив кусочек.

— Нет. Лорд Кармайкл подозревает, что Эдварда отравили, и считает, что его хотели убить конкуренты.

— Может быть, сэр Роджер просто тянет время? — проговорила она с деланным равнодушием. — Ждёт, когда племянник протрезвеет.

— Я смогу сказать определённо только, когда сделают вскрытие, — произнёс Райзен, изучая выражение лица Камиллы.

— Он уже умер?

— Нет, но сэр Роджер считает, что до утра Эдвард не доживёт. Неужели тебе совсем не жалко его? — не выдержав холодного безразличия жены, язвительно поинтересовался Райзен. — Кажется, ты собиралась за него замуж.

— Алан, это моя страшная ошибка. Но я выкинула его из головы. Навсегда. Ты же знаешь, он — извращенец, — добавила она с гримасой.

— Да, это, правда. Но в сумасшедшем доме из него, похоже, сделали мужчину. Разве ты не заметила, каким мужественным он стал?

— Лучше скажи — стал мужланом, — с отвращением изрекла Камилла. — От которого воняет потом, как будто он неделями не моется.

— Вот как? Я этого не заметил, — проронил Райзен саркастически. — Ты, оказывается, уже познакомилась с ним так близко?

— Алан, не пытайся меня спровоцировать. Между нами давно все кончено.

— Кстати, он уже завёл себе любовницу. Певичку. Ирэн Веллер. Решил открыть для неё театр, — сказал Райзен, бросая на Камиллу быстрые взгляды, надеясь увидеть ревность в её глазах.

— Да, я знаю. Кроме того, он все делает тебе назло. Открывает приюты, поддерживает всякий сброд, — произнесла Камилла с отвращением. — Я не могу простить себе, что хотела быть женой этого ублюдка. Иногда я думаю, что его зря выпустили из психушки. Он ведёт себя ужасно нелогично, просто по-идиотски.

Райзен поморщился. Он не поверил ни одному слову жены. Чем сильнее она пыталась убедить его, что больше не любит Эдварда, тем больше Райзен понимал, что это совсем не так.

Райзен приехал на стадион, ложа Роджера была ожидаемо пуста.

— Мистер Райзен, вы сняли компанию лорда Кармайкла с гонок? — Райзен вздрогнул, услышав заискивающий голос Блейтона.

— Куда вы так торопитесь? — процедил Райзен, сквозь зубы. — Сэр Роджер может

выставить Корнуэлла.

— Но Корнуэлл — мальчишка, ему всего двадцать два, он никогда не участвовал в ралли подобного класса, и не знает маршрута, — быстро проговорил Блейтон.

Райзен бросил на него презрительный взгляд:

— Я восхищен, что вы проявляете такую искреннюю заботу о пилотах лорда Кармайкла, моего друга. Но сэр Роджер может выставить кого угодно, хоть первого попавшегося прохожего с улицы. Правилами нашего соревнования это не возбраняется.

— Конечно, конечно, мистер Райзен, — пролепетал Блейтон. — Я лишь боюсь, что Корнуэлл не справится. Три пилота за один сезон — это чересчур.

— Блейтон, я надеюсь, что вы оставите, на этот раз, Кармайкла в покое? — проговорил Райзен, бросив понимающий взгляд на собеседника.

— Разумеется, — ответил Блейтон подобострастно и направился к выходу со стадиона.

Незаметно оглядевшись вокруг, он перешёл дорогу, и быстро направился в переулок. Нырнул в маленькую, незаметную дверь бара, и, спустившись вниз по разбитым каменным ступенькам, очутился в маленьком, полутёмном помещении.

— Виски со льдом, — пробормотал он.

Бармен достал бутылку, налил, и, бросив профессиональным движением в стаканчик пару кубиков, толкнул посетителя. Блейтон сделал пару глотков и обнаружил рядом с собой плотного мужчину в ковбойской шляпе, с сигарой в зубах. Они присели в дальнем углу бара, который освещался лишь маленьким ночничком на столике, бросавшим синеватый оттенок на лица, придавая им странный мертвенный оттенок.

— Что вы хотите от меня? — спросил Блейтон с долей раздражения. — Зачем вызвали так срочно?

— Пора бы рассчитаться, — проронил мужчина, не снимая шляпы, которая почти скрыла лицо. — Я выполнил все условия. Даже перевыполнил! — усмехнулся он, выпуская густой сигарный дым.

— Давайте подождём окончания ралли, и вы все получите сполна, — проговорил быстро Блейтон. — Я суеверен. Не волнуйтесь, я выполняю свои обязательства. Всегда.

— После такого не выжил ни один человек. Противоядия нет. А вы надеетесь, что он вернётся на трек? — с ухмылкой сказал тот, и выпил залпом скотч. — Если это произойдёт, я съем свои сапоги, — добавил он, бросив взгляд на новенькие тёмные мокасины с белым орлом.

— Но он смог доехать до финиша. Это уже ваша промашка, — проворчал Блейтон. — Мы договаривались, что он разобьётся на трассе. А он красиво упал в обморок на глазах тысяч зрителей! И Хозяина, черт возьми! Он очень не доволен, — пробурчал Блейтон.

Он сделал знак официанту принести пару порций и посмотрел на часы. До начала заезда осталось несколько минут. Монди, бросив презрительный взгляд на толпу болельщиков, облепивших телевизор, стоящий на барной стойке, недовольно пробормотал:

— Да, этот ублюдок оказался живучим. Никто этого не ожидал. Но все равно он сдохнет! Ручаюсь! То, что он упал... Придумайте что-нибудь. Наглotalся дури. Какие проблемы?

— Ага, и под дурью смог прийти первым. Замечательно, — ядовито изрёк Блейтон. — Это значительно хуже.

Монди расхохотался:

— А ну да, тогда все решат, что тачки Кармайкла такие крутые, что их может вести

даже обезьяна! А, Блейтон? — спросил он. — Неплохой слоган. Надо продать его Кармайклу.

Блейтон бросил на него злобный взгляд и прошипел:

— Вы вызвали меня, чтобы издеваться? Все пошло не так, как планировалось. И результата никакого! — раздражённо воскликнул он, хлопнув рукой по столу, подумав, даже, если Эдвард очокуруется, ралли ясно показали, что машины Кармайклов — лучшие безоговорочно.

— Блейтон, мне плевать на результат, который вы ожидали. Вы хотели, чтобы этот подонок отправился к праотцам. Так и вышло. А уж все остальное — ваши проблемы.

— Я вообще не знаю, так ли это. И хочу убедиться, что принятые вами меры действительно оказались эффективными, — проворчал Блейтон. — А что если он выживет? За что я тогда платил?

— Блейтон, клянусь, если он оживёт после такого, я просто застрелю его на улице.

— Вы, идиот, — произнёс с презрением Блейтон. — Этот мерзавец завоевал такую популярность в городе, что его заказное убийство поставит на уши всю полицию. Хозяин не захочет прикрывать такое! Это может быть только несчастный случай. Или ничего! Понятно вам?

— Как вы щепетильны. Я восхищен. Но чего вы ждёте? Чуда? Доживаетесь, когда Райзен снимет компанию Кармайкла с гонки? Убьёте двух зайцев сразу. Но мы только зря теряем время. Меня ждут мои люди, — добавил он раздражённо. — Они сделали все, что вы просили. И вы получили больше, чем хотели!

— Не уговаривайте меня, — спокойно ответил Блейтон. — Вы не знаете о том, что Райзен, скорее всего, будет проводить расследование. Мы должны найти людей, на которых сможем свалить гибель племянника лорда Кармайкла.

— Не переживайте, Блейтон. Я сдам кучу подходящих людей. Только расплатитесь, — проронил он флегматично, и выпил свой скотч.

Блейтон вытащил из-под стола портфель. Но тут же резко отёрнул, услышав возглас бармена.

— Они выставили нового пилота!

— Не может быть! — хрипло воскликнул Блейтон, вскакивая с места.

Он ринулся к стойке и приник к экрану. Замечая, как на старте выстроилось по-прежнему восемь машин. Он бросил злобный взгляд на спутника, который вразвалку подошёл к нему и быстро прошипел прямо в лицо:

— Насчёт третьего мы не договаривались. Речь шла только о двоих. Мы выполнили условия! Черт возьми. Все остальное — ваши проблемы!

Их оттеснили болельщики, облепившие толпой телевизор. Блейтон быстрым шагом направился из бара, но его собеседник нагнал, грубо остановив, хрипло приказал:

— Блейтон, или деньги сейчас, или вы сильно пожалеете!

— Идемте на стадион. Как я уже сказал, после окончания ралли я расплачусь. По рукам? — произнёс тот, стараясь придать голосу доброжелательный оттенок.

— Нет! — рявкнул тот. — Мне плевать на ралли, мне плевать на Райзена и на всех вас! Вы заказали уничтожить этого ублюдка — я сделал. Что дальше — ваше личное дело!

Блейтон, тяжело вздохнул, протянул ему портфель. Тот вырвал его из рук и быстрым шагом направился в сторону от стадиона.

Райзен посмотрел на табло, и с досадой подумал, что нужно каким-то образом замять смерть Эдварда, во что бы то ни стало. Убедить Роджера не настаивать на расследовании. «Как это все нелепо», — подумал с досадой Райзен. Он посмотрел на жену.

— Ты плохо спала? Выглядишь бледной.

— Выгляжу как обычно, — возразила она, поправив причёску.

Возникла долгая пауза, Райзен ждал, что жена спросит об Эдварде, но она казалась удивительно равнодушной. Это уже начинало злить, хотелось язвительно поинтересоваться, у кого Камилла брала уроки актёрского мастерства. Он бросил взгляд на трек и увидел, как из гаража почти бесшумно, но с огромной скоростью несётся жёлто-серый спорткар и останавливается, как вкопанный у стартовой черты.

На табло зажглась строчка с названием компании Кармайкла, и Райзен подумал уважительно, что профессиональная гордость оказалась для Роджера важнее личных переживаний. Взяв бинокль, осмотрел машину, восхитившись необычному дизайну: матовые, чёрные борта производили впечатление солидности, треугольные выемки на боках, рассекаТЕЛЬ на бампере, обтекаемая линия задней кромки жёсткого верха, впадины на блестящем капоте, заканчивающиеся фарами, придавали облику стремительность.

Автомобиль обладал исключительным сочетанием массивности и изящности, оригинальности и практичности. Райзен удивился, что Роджер посадил за руль роскошного авто новичка. После старта машина мгновенно набрала скорость, оставив далеко позади других соперников. Как молния, промелькнув перед трибунами, ушла на второй круг. Райзен только покачал головой, поражённый тем, что ходовые качества автомобиля оказались под стать облику. Он опять взглянул на жену, сидевшую на скамейке, будто соляной столб, и подумал с сожалением, вряд ли её утешит тот факт, что автомобиль, созданный Эдвардом, будет иметь ошеломляющий успех на авторынке города.

Он услышал громкий вопль комментатора: «Потрясающе! опередить на целый круг остальных соперников! Мы раньше такого никогда не видели! Поздравим победителя!» Жёлто-серая стрела пролетела мимо финишной черты. Когда гонщик вылез и снял шлем, Райзен ощутил, как у него задрожали руки. Он медленно поднёс к глазам бинокль, и пробормотал:

— Дьявол живучий.

— Что ты сказал, дорогой? — спросила Камилла.

Он с досадой заметил, как порозовели её щеки и заблестели радостью глаза.

Когда на стадион ворвались остальные машины, на них уже никто не обратил внимания. Увидев стоявшего с открытым ртом Блейтона, Райзен спустился к нему, и язвительно произнёс:

— Занятно. Вам не кажется, что в его триумфе есть и ваша заслуга? Он должен благодарить вас в первую очередь.

— Почему... какая моя заслуга? — пробормотал Блейтон дрожащим голосом, не сводя изумлённого взгляда на окружённого толпой победителя.

— Ну как же? Если бы не вы, не было бы никакой интриги, — с сарказмом объяснил Райзен. — Все бы знали с самого начала, кто победит. Неожиданно, под занавес, явился главный персонаж. Выпрыгнул, как чёртик из табакерки. Даже сэр Роджер этого не ожидал. Я сейчас должен поздравить его. Может мне сообщить лорду Кармайклу, кого он должен поблагодарить за столь впечатляющий триумф Эдварда?

— Сообщить? — хрипло вскрикнул Блейтон, и побледнел, как полотно. — Нет, мистер

Райзен, я тут ни при чем. Уверяю вас.

Райзен лишь презрительно скривился и бросил взгляд на трибуну, где сидела Камилла.

Фрэнк заметил, что на краю трека стоит Роджер. С трудом высвободился от лезущих к нему за автографами поклонников, и подошёл к нему. Роджер бросил на него взгляд, в котором светилось недовольство и восхищение одновременно, и они обнялись.

— Это стоило мне года жизни, — сказал Роджер глухо.

— Извините меня, я идиот, — пробормотал Фрэнк, заметив, как на глазах Роджера выступили слезы, которые он тут же попытался скрыть.

— Тут есть одна персона, которая хотела бы очень вас увидеть, — произнёс он с улыбкой.

Фрэнк увидел заплаканную, дрожащую Ирэн, кинулся к ней, и, сжав в объятьях, прижался губами, под одобрительный гул зрителей. Оторвавшись от неё, прошептал:

— Прости меня, что заставил понервничать.

— Мистер Кармайл, — услышал он смущённый голос, и, обернувшись, увидел Хартли. — Сейчас будет церемония награждения. Пожалуйста, вас все ждут.

Фрэнк мягко отстранил Ирэн, бросил задорный взгляд на Роджера и пошёл вслед за Хартли. Рядом с пьедесталом стоял Райзен с каменным лицом. Их взгляды пересеклись будто шпаги, и Райзен мгновенно скрыл неприязнь, изобразив на лице доброжелательную улыбку.

— Поздравляю вас, Эдвард, — произнёс он. — Я восхищён вашим мужеством и силой воли. Вы — настоящий герой дня.

— Благодарю вас, мистер Райзен, — ответил Фрэнк, ощущая, как от взгляда главы города охватывает ледяной холод, несмотря на жаркий солнечный день.

Он взял в руки кубок и обвёл глазами стадион, зрителей, которые приветствовали его. И краем глаза заметил Камиллу, которая печально смотрела на него.

Берта увидела вваливающуюся в дом компанию и вздохнула с облегчением, заметив весело улыбающегося Фрэнка, который обнимал стройную девушку с огромными глазами, и длинными, густыми волосами, стянутыми в пучок.

— Берта, спасибо! — сказал Фрэнк, и они обнялись. — Это, — кивнув на кубок в руках шофёра Билли, воскликнул он, — твоя заслуга в первую очередь!

— Не выдумывай, — проронила с улыбкой Берта. — Ты бы сам справился.

Роджер подошёл к ней ближе и, взглянув в глаза, и, чуть заметно волнуясь, сказал:

— Мисс Верден, вы оказали неоценимую услугу моей семье. Если вам понадобится помощь — обращайтесь. Вам не будет отказа. И прошу, останьтесь с нами на ужин. Если, конечно, сильно не торопитесь.

Фрэнк налегал на ужин, только что, ощутив, что проголодался так, как никогда в жизни.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Берта, наблюдая за тем, как он быстро отправляет в рот кусочки мяса. — Не тошнит?

— Нет, — еле успев проглотить кусок, ответил Фрэнк. — Голоден, как волк. Никогда так вкусно не ел, — добавил он, улыбнувшись.

— Мисс Верден, все-таки расскажите, что это было, — попросил Роджер. — Если это, конечно, не профессиональный секрет.

— Рацин, органический яд. Получают из семечек касторового масла. Очень эффективен, — ответила спокойно Берта.

Фрэнк закашлялся, изумлённо взглянул на неё.

— Ты уверена? От него нет противоядия. Я точно знаю. Ты ошиблась.

— Недаром же, даже в фашистском концлагере меня считали гениальной, — ответила она, печально усмехнувшись. — Меня это тогда спасло. От газовой камеры. Удивительно то, что ты смог после такого доехать до финиша. То, кто тебя отравил, очень надеялся, что у тебя остановится сердце во время гонки. А это не страховый случай. Но ты разрушил их планы. Умудрился выжить.

Фрэнк, взглянув на замершую при этих словах, и смертельно побледневшую Ирэн, прижал к себе, и мягко поцеловал.

— Ладно, не будем об этом, — проронил Роджер, осознав, что зря затеял этот разговор. — Я припоминаю теперь, мисс Верден. Вы работали на Райзена. Какие-то эксперименты в области генетики.

— Да, вы правы. Я работала над камерами жизни, создавала выносливых существ с помощью мутаций. Райзен финансировал оба проекта. Первый проект закончился благополучно. Второй прервался, — объяснила она спокойно.

Фрэнк, нахмурившись, наклонился над тарелкой, вспомнив первый разговор в лаборатории Берты.

— Почему? Райзен был не доволен результатами экспериментов? Я помню, работа внезапно оборвалась, и он никогда больше не рассказывал об этом. Если хотите мы с племянником поможем финансово в этом проекте.

- Нет, Райзен был удовлетворён тем, как идёт работа. Я сама не захотела больше превращать людей в мутантов, - объяснила Берта спокойно. - Поэтому отказалась. И хотела убедить Райзена в том, что это аморально. Но потом поняла, что для него этого понятия не существует, если дело касается собственных желаний. После того, как я бросила заниматься этим, работа заглохла. К счастью.

Роджер погрузился в свои мысли. Фрэнк, обняв Ирэн, произнёс немного смущённо:

— Дядя, мисс Верден, мы это... пойдём с Ирэн. Вы не возражаете?

Роджер очнулся от своих размышлений, и с улыбкой посмотрев на него, сказал:

— Конечно. Вам надо отдохнуть. Скажите, мисс Верден, — продолжил он, когда они ушли. — Мне хотелось бы узнать поподробнее о проекте камер жизни. Вы можете мне ответить на пару вопросов? Хорошо. Можно ли их разрушить? Физически?

— Это очень сложно, милорд, практически невозможно. Они сделаны из прочного материала, стекло, которое не может расплавить даже лава вулкана.

— Но к ним подводится электроэнергия. Где-то есть источник, который можно разрушить?

— Конечно. Но я работала лишь над общим принципом. Производством и установкой занималась не я. Не знаю, как они снабжаются электричеством. Знаю только, как они функционируют. В моей лаборатории есть такая камера.

— Вот как? Я бы очень хотел, чтобы вы смогли отключить эти камеры во всем городе. И буду финансировать вашу работу. В пределах моего состояния.

— Сэр Роджер, в этом нет никакой нужды, — ответила Берта с мягкой улыбкой. — Ваш племянник предоставляет нам помощь. Он очень добрый и щедрый, — пояснила она. — Я начну работу сегодня же.

— Отлично, мисс Верден. Чем скорее вы решите эту проблему, тем лучше.

Глава 13. Опасный спор

— Вы присоединитесь к нам на банкете, мисс Веллер? — спросил Роджер за завтраком.

— Нет, мне надо репетировать. Завтра премьера, — ответила она смущённо, взглянув на Фрэнка. — Вы ведь придёте, сэр Роджер? — произнесла она осторожно.

— Конечно, — ответил Роджер. — Жаль, что вас не будет с нами на банкете. Там можно было объявить о вашей помолвке с Эдвардом.

Фрэнк бросил недоумённый взгляд. Ирэн чуть заметно покраснела, опустив глаза, и пробормотала:

— Я не знаю. Извините, мне надо уже идти. Спасибо за ваше гостеприимство.

Она смущённо выбежала из-за стола. Фрэнк бросил салфетку и бросился за ней, остановив.

— Ирэн, я отвезу тебя домой, — пробормотал он.

Роджер усмехнулся и сказал спокойно:

— Ирэн, зачем вам уходить? Вы можете жить у нас. Так будет лучше. Эдвард будет под вашим присмотром. Он совсем от рук отбился. Вы можете перевезти ваши вещи к нам. Впрочем, если вас это стесняет, то, конечно...

— Простите меня, дядя, — произнёс быстро Фрэнк, с долей досады. — Разрешите мне все-таки отвезти Ирэн домой.

Он взял её под руку, вывел на улицу, и открыл перед ней дверцу своего «Мустанга». Сев за руль, виновато проговорил:

— Ирэн, извини меня. Я не знаю, почему дяде пришло это в голову. Он очень хочет меня женить. Она сжала его руку и тихо сказала:

— Я ничего не прошу.

Он бросил на неё хмурый взгляд:

— Ирэн, я хочу, чтобы ты стала моей женой. Но ты должна знать. Я не племянник сэра Роджера. Я случайно попал в город. Меня похитили и заставили силой работать на заводе Хаммерсмита. А Роджер помог мне спастись. Предложил изменить внешность, чтобы я жил под именем его племянника. Но меня могут в любой момент разоблачить. Представляешь, что сделает с тобой Райзен?

Воцарилось молчание.

— Я об этом догадывалась, — прервала паузу Ирэн, её голос звучал абсолютно спокойно. — Ты так не похож на остальных. На других горожан. И совсем не похож на этого хлыща. Я не могла поверить, что он мог так измениться. Отвези меня, пожалуйста, домой. Собери вещи, — добавила она, и, обвив за шею, поцеловала в щёку.

Он прижал её, и начал покрывать благодарными поцелуями лицо, шею, чувствуя, как она дрожит.

Сидя за столом, ожидая начала банкета, Фрэнк ощущал, как у него кружится голова от счастья, душу заливает тёплая волна, и мир окрасился в голубые и розовые краски.

— Извините меня, мой друг, что влез в ваши отношения с Ирэн. Я подумал, это хорошая возможность примириться с Райзеном. Чтобы он не ревновал. Хотя, если вы по-прежнему хотите добиваться Камиллы...

— Нет, Роджер, я понял, Ирэн — та, которую я искал всю жизнь. Проблема в том, что она не может стать миссис Фолькленд. А вашим именем воспользоваться не могу. Не имею права.

— Ну, почему же, временно она побудет миссис Кармайкл, — спокойно возразил Роджер. — А когда вам удастся покинуть город, официально станет Фолькленд.

— Если я смогу когда-нибудь покинуть это место, — вздохнув, проронил Фрэнк устало.

Он посмотрел на часы, и с неудовольствием подумал, что придётся мучиться на дурацком мероприятии. Его и так адски утомили фальшивые поздравления, ему жали руку, говорили, как восхищаются талантом конструктора, мастерством гонщика. Фрэнку хотелось ускользнуть от этого толкотни и шумихи, особенно от Камиллы, которая бросала на него горестные взгляды. Он с затаённым ужасом представил, что она подойдёт и скажет: «Я согласна уйти от мужа», помотал головой, чтобы отогнать эту мысль.

— А где Каваллини? — спросил Фрэнк, оглядев шумную толпу присутствующих. — Что-то я его в последнее время не слышу и не вижу.

Роджер усмехнулся.

— Странно то, что он до сих пор не повесился. После того, как его популярность упала почти до нуля. Он назначил награду за голову Тренора Спенсера. Очень большую. Ну, наверно, не больше, чем Блейтон.

Фрэнк усмехнулся.

— Ну, мы ещё повоюем.

— Только не с Райзеном. Он интересовался, стоит ли проводить расследование по поводу вашего обморока. Что мне ему ответить?

Они перешли в банкетный зал с высокими потолками, посреди которого стоял длинный прямоугольный стол, задрапированный золотистым атласом и покрытый белой скатертью. Потолок разделяли квадратные соты кремового цвета, со встроенными большими выпуклыми светильниками, дававшими мягкий, неяркий свет.

Фрэнка усадили между двумя очаровательными молодыми женщинами. Они как будто сошли с одного конвейера. Маленький аккуратный носик, пухлые губки, невероятно гладкая кожа, которая выглядела как неживая маска. Вблизи это производило удручающее впечатление. Он подумал, что Ирэн к счастью и вблизи, и издали выглядит одинаково прекрасной.

Блейтон, сидевший по левую руку, изо всех сил стараясь придать себе благодушный вид.

— Должен признаться, что восхищен вашей работой, Эдвард, — пробормотал он с фальшивой доброжелательностью. — Вы используете такие революционные идеи, что я по хорошему завидую вам. Но мы тоже постараемся к следующему ралли представить кое-что, — пообещал он самодовольно. — Не думайте, что мы стоим на месте.

— Да, Эдвард, — подал голос Райзен. — Вы — талантливый конструктор. Этого не отнять. Если бы вы были ещё и хорошим бизнесменом... Но, увы, пока у вас это получается плохо. Вы умеете мыслить, как инженер, но не как бизнесмен. Это ваш большой недостаток.

— Мистер Райзен, и в чем я плохо веду дела? Наш завод имеет хорошую прибыль.

— Эдвард, вы рисковали жизнью ради того, чтобы выбросить вашу награду на ветер, — холодно объяснил Райзен. — Вы вообще много денег тратите зря.

Фрэнк понял, в чем его обвиняет Райзен, и разозлился.

— Что вы имеете в виду? — спросил он, посмотрев пристально в глаза Райзена,

показывая, что принимает вызов.

Райзен мысленно усмехнулся, подумав, как легко мальчишка попался в расставленную ловушку.

— Вы передали чек, подписанный мною, в дом для детей-инвалидов, — объяснил он, сузив злобно глаза. — Это верх цинизма. Вы прекрасно знаете, как я к этому отношусь. Вы специально это сделали, чтобы задеть меня? — враждебно поинтересовался он.

— У меня в мыслях не было оскорблять вас, мистер Райзен, — ответил Фрэнк, стараясь держать себя в руках. — Я считаю, что эти дети живут хуже зверей, в жутких, кошмарных условиях. И если я хотя бы немного помогу, в этом не будет ничего плохого. Я надеюсь, банк Джордана обналичит этот чек? — поинтересовался он, делая вид, что обеспокоен.

— Разумеется, — пробурчал густым басом Барт Джордан, дородный мужчина с широким, квадратным лицом, которое ещё сильнее увеличивали вширь пышные усы. — Но вам придётся заплатить большой налог за это.

— Эти дети получают то, что они заслужили, — отчеканил Райзен. — Они приносят очень мало пользы обществу. И никто не обязан давать им больше, чем они могут вернуть.

— Может быть тогда лучше подвергнуть эвтаназии, как недочеловека? — предложил Фрэнк саркастически. — И вообще сразу отсеивать тех, кто не способен дать обществу столько же, сколько здоровые и сильные люди? Это позволит нации освободиться от «дурной крови» и сэкономить много средств, которые можно будет вложить в здоровых и сильных, — добавил он с издёвкой, заметив, как Райзен от злости начал покрываться красными пятнами.

— Эдвард, зачем же доводить до абсурда? — вмешался Блейтон. — Мы все против фашистских методов. Но зачем вы тратите так много денег на благотворительность? Эта помощь производится за счёт инвестиций, которые приводят к падению общего уровня благосостояния тех, кто умеет работать. Разве вы не понимаете, что ваш талант используют паразиты, которые считают, что имеют право существовать за ваш счёт?

— Я не считаю так, мистер Блейтон, — возразил спокойно Фрэнк. — Социальная помощь лишь выравнивает первоначальное неравенство. Чтобы любой человек мог принести пользу общему делу. Кто-то может тратить деньги на покупку бриллиантов, кто-то — на помощь инвалидам. Уверяю вас, это никак не ухудшает благосостояние рабочих нашего завода.

— Я думаю, Эдвард, вы занимаетесь благотворительностью по той причине, что ощущаете себя виновным в том, что вы богаты, — вступил в дискуссию Хаммерсмит. — Либеральное общество признает право наёмных работников получать зарплату, но отказывает в праве бизнесменам извлекать прибыль. Когда рабочие борются за повышение зарплаты, то общество рукоплещет им, — добавил он с презрением. — Когда бизнесмены стремятся увеличить прибыльность своего производства, то их осуждают за жадность.

— Мистер Хаммерсмит, общество может призывать к чему угодно, я делаю это по велению души. Потому что у меня есть сострадание. Адам Смит, доказавший, что страсть к наживе — важнейший двигатель экономики, говорил, что гуманность — одна из прекраснейших черт человека, и нельзя сводить жизнь людей к погоне за собственной выгодой.

— Эдвард, я хотел бы вам напомнить, в честь кого назван Атлант-сити, — перебил его Райзен высокомерно. — Бизнесмены — атланты, несущие на своих плечах весь мир. Они — производители, добытчики и кормильцы. Именно их стремление к погоне за собственной

выгодой и является движущей силой для развития всего в мире. В тот миг, когда погибнут бизнесмены, погибнет цивилизация. Вы не согласны с этим? — спросил он презрительно. — Вы можете честно признаться, что не уважаете себя и своё дело?

— Мистер Райзен, мне лестно это определение, — ответил Фрэнк. — Но интересно, как это мир существовал без нас? Как это люди раньше пахали землю, обжигали горшки, добывали уголь и железо. Мы пришли и сказали, что будем забирать три четверти вашего заработка, потому, что умеем регулировать денежные потоки — торговать.

— Вы плохо усвоили те простые истины, которые я изложил в своей книге, — проронил Райзен ледяным тоном. — Все, о ком вы говорите — земледельцы, гончары, шахтёры существовали и при других экономических системах. Только бизнесмены появились, когда возникло свободное, капиталистическое общество. Мы сосредоточили в своих руках прибыль, чтобы иметь возможность принимать быстрые и рискованные экономические решения, которые и позволяют развивать промышленность, сельское хозяйство, всю экономику, в конечном счёте. Вы будете с этим спорить? — спросил Райзен с насмешкой.

— Нет. Не буду. Но от меня зависит, истрачу ли я прибыль на расширение производства, вложу деньги в фундаментальные научные исследования, или куплю себе ещё один особняк, — ответил спокойно Фрэнк.

— Вы совершенно не правы, Эдвард, — сказал сухо Райзен. — Куда вы, или любой предприниматель, вложит деньги, зависит не от личного желания, а от сложившихся экономических обстоятельств. В условиях свободной рыночной экономики прибыль и зарплата рабочих определяется ни жадностью предпринимателя или нуждами бедняка, а обоюдным согласием людей продавать свои услуги и товары по закону спроса и предложения.

- Мистер Райзен, вы считаете, если бизнесмен живёт в Сан-Франциско, ему будет выгодно строить дороги на Аляске? Строить дорогу, окупаемость которой пятнадцать-двадцать лет совершенно невыгодно! Я вижу это на примере улиц Атлант-Сити! Я в этом ещё раз убедился! - воскликнул Фрэнк насмешливо. - Бизнесмену невыгодно вкладывать деньги в фундаментальные исследования, которые в очень редких случаях приносят прибыль. Жить только по законам выгоды - это, в конечном счёте, бесчеловечно. Пока я буду думать о законе спроса и предложения, рабочий моего завода умрёт из-за того, что не найдёт деньги на операцию.

— И вы будете испытывать чувство вины перед этим рабочим? — быстро спросил Джордан. — Вы считаете, что обязаны обеспечить его деньгами на дорогостоящую операцию, даже если его работа не покрывает её стоимость? Да, Эдвард, вы известны свои популизмом в городе. Призываете к самопожертвованию. Хотите, чтобы альтруизм воровал у разума его достижения. Но вы не понимаете, что альтруизм не совместим со свободой, капитализмом и правами индивидуума.

— Мистер Джордан, то, о чем вы говорите, на самом деле альтруизмом не является, — ответил Фрэнк невозмутимо. — Это политики сулят золотые горы: снижение налогов, инфляции, создание новых рабочих мест, социальную помощь всем нуждающимся. Но когда их избирают, обычно они не выполняют своих обещаний. Я не политик, никому ничего не обещаю, ни к чему не призываю, просто делаю. Помогаю, как могу.

— Почему же вы все-таки это делаете? — спросил ядовито Райзен. — Вы стали религиозны? Церковь учит, что человек грешен по своей развращённой, порочной природе, как потомок Адама. Он должен каяться, творить добрые дела, как следствие оправдания

своей греховности, — с сарказмом продолжил он. — У него нет выбора, нет свободной воли. Церковь отказывает ему в этом. Творимое человеком благо — это самоотречение ради спасения на небесах. Крест — символ пытки. Христос принял мученическую смерть на кресте за грехи порочных людей. И во имя этого символа от вас требуют, чтобы вы приносили свою жизнь, талант в жертву никчёмным людям.

— Мистер Райзен, есть религиозные догматы, а есть общечеловеческая мораль, — объяснил спокойно Фрэнк.

— Эдвард, нет никакой общечеловеческой морали, — проронил брезгливо Райзен. — Есть два вида моральных концепций — религиозная и общинная. Мораль — лишь кодекс поведения, чтобы угодить или Господу, или соседу за дверью.

— Я сам делаю выбор, и не жду ничего взамен — ни прощения моих грехов, ни призрачного рая после смерти, — проговорил спокойно Фрэнк. — Я знаю, что там, после смерти — ничего нет. И меня не встретит апостол Пётр с ключами и не проведёт в рай, потому что я помог кому-то здесь, на земле. Я называю это совестью.

— У каждого свои понятия об этом, — пробормотал Блейтон. — Это внутренний закон. Он у каждого свой. Человек должен подчиняться только правилам конкуренции. Свободный рынок позволяет людям иметь дело друг с другом только с точки зрения разума, путём честного и добровольного выбора в целях обоюдной выгоды. Это система основана на признании индивидуальных прав личности, и исключает применением физической силы, потому что соответствует рациональной природе человека. Она защищает выживание человека, как человека, а правящий принцип свободного рынка — справедливость, — закончил он самодовольно, сделав акцент на слове «справедливость».

— Вы полагаете, мистер Блейтон, что у бизнесмена, который начинает действовать в условиях свободного рынка, автоматически появляется чувство справедливости, честности, уважение к человеческому достоинству? Если у предпринимателя нет этих качеств, то рынок ему их обеспечит? — спросил Фрэнк с чуть заметной иронией. — В условиях свободного рынка никто не может применять физическую силу друг против друга, потому что все основано на признании индивидуальных прав личности?

Блейтон занервничал, у него забегали глазки. Он начал мучительно соображать, знает ли племянник сэра Роджера, кто подстраивал ему аварии на трассе. И станет ли хозяин города вести расследование. Он бросил взгляд на Райзена, и успокоился, увидев, с каким презрением и брезгливостью тот смотрит на Эдварда.

— Эдвард, вы подвергаете сомнению принципы существования этого города? — спросил Райзен надменно. — Может быть, вы хотите разрушить этот принципы?

— Ну что вы, мистер Райзен, — ответил Фрэнк, стараясь, чтобы его голос звучал нейтрально. — Я лишь спросил. У меня в мыслях не было...

— Я вам напомним, молодой человек, — оборвал его ледяным тоном Райзен. — К чему привёл отказ от этих принципов в России. Эта страна до сих пор не может накормить свой народ! Почему вы спросите меня? Потому что во главу угла они поставили принцип самопожертвования и коллективизма. Злейших врагов свободного человека, безнравственные препятствия на пути прогрессу и процветанию. Альтруизм, коллективизм — система моральных ценностей, которая утверждает, что человек не имеет права существовать ради самого себя, что единственное оправдание его существования в том, чтобы служить другим людям, и что самопожертвование есть величайший моральный долг, ценность и благо. Это привело к диктатуре и уничтожению лучших людей страны. В России

произошёл переворот, пришла к власти чернь. Которой не нужны талантливые и умные люди! Им нужны покорные, безынициативные, серая масса. Талантливых, неординарных людей они уничтожают. Во имя общественного блага, — закончил он свою обличительную речь, и взглянул торжествующе на оппонента.

— Мистер Райзен, если мерзавцы для поддержания диктатуры используют гуманные идеи, не значит, что эти идеи автоматически становятся плохими, — возразил Фрэнк спокойно. — Столовым ножом можно нарезать хлеба, и накормить своего гостя, а можно убить, вонзив этот нож в его спину. Все зависит не от ножа, а от того, кто держит его в руке.

— Вы, европейские интеллектуалы, так и не смогли понять американскую систему свободного рынка. И как все британцы в плену предрассудков, — изрёк с усмешкой Райзен, который, наконец, взял себя в руки и обрёл самообладание. — Если бы вы жили в Америке, то поняли бы, что только эта страна даёт истинную свободу человеку и избавляет от ложных стремлений. У меня нет иной возможности отдать Америке более высокую дань признательности, чем сказать: это страна разума, справедливости, свободы, творческих и производственных достижений.

— Мистер Райзен, вы уже забыли, что эта страна «разума, справедливости и свободы» выгнала и почти уничтожила коренное население? — проронил Фрэнк с улыбкой, прекрасно помня, что говорил ему Роджер об отношении главы города к индейцам. — А когда заполучила их землю, не смогла использовать из-за острой нехватки рабочей силы. Поэтому захватила и обратила в рабство семь миллионов самых сильных и здоровых мужчин из Африки. И хочу напомнить, что патриархальная Англия отменила рабство на полвека лет раньше, чем Америка, и билль о правах приняла на целое столетие раньше. И даже Россия отменила рабство на пару лет раньше Америки, — добавил Фрэнк. — Я ещё припоминаю, — добавил он, — Как США отняла у Мексики Техас, богатый нефтью, сбросила атомные бомбы на два маленьких, японских городка, не имеющих никакой стратегической ценности. А отменив рабство, вешает таблички в автобусах: «Только для белых».

Фрэнк заметил, как побледнел Роджер, но вошёл в такой раж, что не мог остановиться.

— Похвально, Эдвард, что вы с такой безрассудной смелостью отстаиваете эти взгляды, — проронил Райзен саркастически. — Жаль, только, что это не ваши мысли. Их вам внушила эта жалкая газетёнка «Городские новости», которая пытается завоевать себе место под солнцем. Но у неё это плохо получается. Потому что она творческий паразит. Выбор горожан все равно за теми газетами, которые ратуют за реальную свободу, и отстаивают главным принцип жизни человека — стремление к личному счастью, — закончил он.

— Да, только вот тиражи этих газет в десять раз меньше, чем у «Городских новостей», — улыбнулся Фрэнк.

Райзен бросил на него тяжёлый взгляд и медленно проговорил:

— Дискуссия получилась очень и очень занимательной.

Он бросил салфетку и вышел из-за стола.

Они ехали домой в гнетущей тишине, которую нарушало лишь мягкое урчание мотора, еле слышное в салоне.

— Простите, Роджер, я вас подставил, — решился, наконец, Фрэнк.

— При чем тут я? — глухо отозвался Роджер. — Вы безрассудно себя вели. Это не смелость. Глупость, — в голосе ощущалась усталость.

— Но что, по сути, я сказал? Лишь высказал своё мнение. Разве это запрещено? Райзен

сам начал эту дискуссию. Я лишь её поддержал.

— Он заманивал вас в ловушку, и вы так легко попались. Раскрыли себя. Ваша популярность не защитит вас от его гнева. Вы ведёте себя так, будто весь город принадлежит вам. Открыто, при всех, нападаете на его принципы. Вы подставили не только себя, но и Ирэн. Вы не подумали об этом?

— Роджер, но почему я должен был сидеть, поджав хвост? Его разозлило, что я отдал чек больным детям! Он демонстрирует свою безжалостность, а я должен это спокойно выслушивать?

— Неужели вы думаете, что разозлив его, вы сможете продолжать помогать детям или несчастным калекам? Он расправится с вами, как расправился с другими. И помогать станет некому. Будет лучше, если вы спрячетесь вместе с Ирэн у своих друзей. Пока мисс Верден не поняла, как можно остановить камеры жизни.

Фрэнк тяжело вздохнул.

— Нет, Роджер. Я не пойду на это. Никогда.

Глава 14. Ссора

— Ну что вам удалось узнать, Бедфорд? — спросил Райзен.

Глава города сидел в своём кабинете за письменным столом из массива красного полированного дерева. Слева и справа тянулись шкафы темно-красного дерева, огибающие стену и подходящие к двери, на полках стояли толстые книги, подобранные по цвету корешков. Мягкий свет лился из четырёх незаметных светильников матового стекла, встроенных симметрично в потолок. Тонкий палас неяркого цвета, почти не отличался от пола, выложенного паркетной доской темно-красного цвета. Бедфорда всегда поражала простота вещей, окружавших главу города.

Райзен мог утопать в роскоши и украсить свой дом мебелью в стиле Людовика XIV, или суперсовременными вещами, созданными лучшими дизайнерами города, обвешать кабинет восточными коврами или живописными шедеврами, поставить древнегреческими статуями. Но Райзен не любил сорить деньгами, и тратил их лишь на то, что приносило реальную пользу. Только одна вещь не вписывалась в общий стиль — напольные, старинные часы в деревянном резном корпусе с инкрустацией, отмечавшие каждый час разными мелодиями. Когда часы начинали играть музыку, внизу позолоченного циферблата вращались изящные фарфоровые фигурки с позолотой.

— Владелец «Городских новостей» — Эдвард Кармайл, — радостно отчеканил Бедфорд. — Соседка Коллинза дала его описание и опознала Эдварда, который приходил к Коллинзу, после чего тот исчез. Также исчезла типография и само издательство газеты.

— Да, и затем газета стала выходить в обновлённом формате, — перебив его, задумчиво проронил Райзен. — Собственно говоря, я об этом давно догадывался.

— Нам арестовать Эдварда? — поинтересовался Бедфорд.

— Разумеется, нет! — зло воскликнул Райзен. — Мне нужен гораздо более существенный повод. Эта газетёнка делает все в рамках закона! Ну а Тревор Спенсер — это, конечно, сам Эдвард. Другого и быть не могло. Ладно, что вы узнали о бандитах?

— Мы внедрили своего человека. Ему удалось узнать, что группировка состоит из ячеек, члены которых не контактируют друг с другом и даже не знают имён людей из другой ячейки. Управляют всеми совет из пяти человек — их главарь и четыре командира, — проговорил Бедфорд с удовольствием, чувствуя, что может похвастаться проделанной работой. — Место, где прячутся бандиты похоже на заброшенный жилой комплекс. Он хорошо защищён и оборудован камерами слежения. Правда, нашему человеку не удалось увидеть их лидера, — добавил он извиняющимся тоном. — Но он знает, что зовут его Фрэнк и он создатель всех хитроумных устройств, которыми пользуются мятежники.

— Как он выглядит? Ваш человек дал описание? — нетерпеливо спросил Райзен, ощущая, что находится невероятно близко к разгадке, которая все время ускользает от него в последний момент.

— Он не видел его, — терпеливо повторил Бедфорд. — Но бандиты называли его в шутку «Мистер Голубые Глаза».

— Это все? Идите.

Райзен откинулся на спинку кресла и вспомнил глаза своего оппонента, напоминающие морские волны, то безмятежно-спокойные, то штормовые. Замер от пронзившей догадки, и

быстро поднял трубку телефона:

— Соедините меня со Стэнвудом, — сказал он, и нахмурился.

В последнее время шеф тайной полиции стал себя очень странно вести. Делая вид, что занят бурной деятельностью по поимке бунтовщиков, на самом деле прекратил что-либо предпринимать. И Райзен был вынужден обращаться к его заместителю, который не шёл ни в какое сравнение с бывшим мафиози.

Стэнвуд действительно мог обеспечить идеальный порядок в городе. До той поры, пока не объявился Эдвард. «Неужели Стэнвуд стал на старости лет сентиментален?»

Эдвард учредил фонд для выплаты пенсий ветеранам полиции, получивших увечья, а также их семьям в случае гибели главы семьи. «Должен же он понимать, что мерзавец делает это, исключительно, чтобы спасти свою шкуру в случае чего?»

— Скажите, Стэнвуд, — спросил Райзен, когда его соединили с шефом. — Какого цвета глаза у Эдварда?

— Не могу точно сказать, — уклончиво ответил Стэнвуд, через паузу. — Я не присматривался.

— На него же заведено дело? — бросил Райзен, ощущая, как он закипает. — Посмотрите в его описании. Насколько я помню, его обвиняли в убийстве.

— Да, непредумышленном. Сейчас посмотрю.

Воцарилась долгая пауза, заставляя Райзена все сильнее раздражаться.

— Голубые, — ответил Стэнвуд, наконец.

— Вы в этом уверены? — с досадой переспросил Райзен. — Насколько я помню у него зелёные глаза.

— Он мог менять с помощью сыворотки, — возразил Стэнвуд. — У меня в деле написано «голубые», — упрямо повторил он.

— Стэнвуд, сыворотка может менять все, кроме цвета радужной оболочки глаз! Вы должны это знать! — не сдерживая раздражения, воскликнул Райзен и бросил трубку.

Тяжело вздохнул и подумал, кого спросить первым — свою жену или Роджера? Он ощутил, что Стэнвуд лжёт, но не мог понять, почему он это делает.

Стэнвуд положил трубку телефона, уверенно направился к двери. Быстро добравшись до маленького кабачка, зашёл туда и уселся в дальнем углу с кружкой пива. Когда заметил замаячившую в проёме долговязую фигуру, нахмурился и наклонился над кружкой, которую даже не пригубил.

— Вы вызвали меня сюда, чтобы арестовать? — спросил насмешливо Фрэнк. — Я думал, будет охрана. Ну, хотя бы человека два. Впрочем, вы стоите десяти.

— Не валяйте дурака! — раздражённо воскликнул Стэнвуд. — Я хочу вас предупредить, пока это в моих силах. Он хочет арестовать вас.

— За что? Критику его принципов? Замечательный приговор суда. Или он допишет это в своей второй книге?

— Он уже знает, что вы — владелец газеты «Городские новости», пишете статьи, критикующие порядки в городе, под псевдонимом Тревор Спенсер. И он уже догадывается, какое отношение вы имеете к мятежникам, — быстро проговорил Стэнвуд. — Думаю, что он уже понял, что вы — не Эдвард, — добавил он, заметив, что собеседник нахмурился.

— И почему же я до сих пор на свободе? Этого достаточно, чтобы повесить меня.

— Во-первых, ему нужны неопровержимые доказательства. Во-вторых, он должен

иметь очень существенные обвинения против вас, — объяснил Стэнвуд. — Он понимает, ваша популярность только вырастет из-за ареста, и подорвёт его авторитет ещё больше.

— Какие пустяки, — произнёс Фрэнк саркастически, вытащил сигареты и закурил, несколько раз щёлкая зажигалкой, не попадая кончиком сигареты в пламя. — По-моему, его никогда не стесняло мнение общества, — добавил он как можно спокойнее, выпуская дым колечками.

— Послушайте, вы должны спрятаться. Спрятаться вместе с Ирэн. Скорее всего, он не тронет лорда Кармайка, но с вами он расправится. Убейте его, — добавил он твердо.

— Вы прекрасно знаете, что это невозможно. Он бессмертен. Уж кому-кому, а вам об этом не знать.

— Конечно, знаю, — тяжело вздохнув, сказал Стэнвуд. — Но у меня есть схема панелей управления «камерами жизни». Возможно, неполная, но, по крайней мере, что-то. Вы сможете их отключить. Я уверен. Вы очень талантливый человек.

— Стэнвуд, я даже не буду спрашивать, почему вы меня об этом просите. Знаю, что вы ответите. Я только это и слышу: «Я польстился на рассказы Райзена и обманулся». Мне надоело, — устало проронил Фрэнк, сбрасывая пепел в бокал. — Я не хочу его убивать, не хочу никого свергать, сеять хаос. И поймите, дело вовсе не в нем. Во всей системе.

— Вы хотите его переубедить? — спросил Стэнвуд снисходительно. — Поверьте человеку, который почти в два раза старше вас. Это невозможно. Он никогда не сомневается в том, что делает. Раньше, мне это очень нравилось, — с горечью признался он. — Мне всегда нравились люди с твёрдыми убеждениями. Ненавижу колеблющихся, которые сегодня считают правильным одно, завтра — другое.

— Убеждения диктатора?

— Он не был диктатором. Скорее романтиком, идеалистом, который считал, что ведёт людей к счастью.

— А тех, кто мешает на пути к счастью, считает врагами, которые не имеют право жить? По-моему, очень похоже на то, что обещали коммунисты в России. Которых он так ненавидит. Мой дед родился в России. Рассказывал об этом. Особенно, когда напивался. Люди с воодушевлением строили коммунизм. И тоже думали, что, в конце концов, придут к всеобщему счастью и благоденствию. Оказалось, что в построенном обществе хорошо только ограниченной кучке людей. Им все дозволено. А здесь все то же самое. Хорошо его друзьям-бизнесменам. Они творят, что хотят.

— А вы бы что предложили? — спросил Стэнвуд.

— Не знаю. По крайней мере, не стал бы уповать на то, что люди сами по себе станут хорошими и будут все делать для всеобщего процветания.

— Вы такой же идеалист, как и он, — пробормотал Стэнвуд. — Хотя. Я бы хотел, чтобы вы встали во главе города. И убил бы его, если б смог. Ради вас. Я бывший мафиози, выполнял грязную работу, убирал «мусор». И может, вы бы меня повесили за это. Но я бы умер с чувством глубокого удовлетворения, — глухо закончил он, посмотрев куда-то в себя невидящим взором.

Фрэнк бросил на него напряжённый взгляд, и через паузу спросил:

— Он знает, где находится штаб повстанцев?

— Если бы знал, давно б разгромил. Бедфорд внедрил своего человека. Его зовут Джером Леви. Я читал то, что он описывал, — ответил Стэнвуд. — Хорошо продуманная организационная структура. Он понял немного, — добавил он, бросив на него взгляд, в

котором светилося искреннее уважение.

Фрэнк усмехнулся, подумав, что приятно слышать комплименты о своей работе от самого шефа тайной полиции.

— Да, — вспомнил о чем-то Стэнвуд. — Он сказал, что у главаря — голубые глаза.

— И что? Это тоже преступление?

Стэнвуд достал из папки листок бумаги и положил перед Фрэнком.

— Он звонил мне и интересовался, какого цвета глаза у племянника сэра Роджера. Я сказал ему — голубые, — сказал Стэнвуд. — Сыворотка не меняет цвет радужной оболочки.

— Я хотел вас попросить, — сказал Фрэнк с каким-то отстранённым взглядом. — Если меня арестуют. Дайте мне умереть спокойно. Я уже прошёл ад на заводе Хаммерсмита. Не хочу, чтобы это повторилось.

— Ни в коем случае! Я вас вытащу, — взволнованно воскликнул Стэнвуд, заставив Фрэнка удивлённо взглянуть на него. — И тогда вы поймёте, что у вас нет другого пути, как расправиться с ним. Я не уйду в отставку именно поэтому, — объяснил Стэнвуд. — Вот, схема камер, — сказал он, положив перед Фрэнком тонкую переплетённую брошюру. — Сделайте копию и верните мне. Как быстро сможете это сделать?

— Прямо сейчас, — усмехнулся Фрэнк, достав свой гаджет, просканировал все страницы и отдал папку изумлённому Стэнвуду, который только покачал головой, сгорбившись, тяжело встал и ушёл.

Фрэнк, взглянув на первый лист, подумал, что это может быть ловушкой. И весь этот спектакль Стэнвуд разыграл лишь для того, чтобы Райзен получил убедительные доказательства. Впрочем, шеф полиции казался сильно подавленным, вряд ли он смог так хорошо инсценировать глубокое разочарование в своём боссе.

Фрэнк пытался внимать голосу Ирэн, но у него это плохо получалось. В висках стучала кровь от мысли, если его схватят, то пострадает в первую очередь Ирэн, на которой Райзен отыграется. Ему не хотелось слушать, как она поёт Хабанеру, а схватить в охапку, и спрятать так, чтобы никто бы не нашёл. Но не могут же они прятаться вечно?

Увидев его мрачное лицо, Роджер удивлённо спросил:

— Вам не понравилось? Ирэн прекрасно пела. Я говорю вам это абсолютно искренне. Я слышал Марию Каллас, когда она пела Норму в Ковент-Гарден. Ирэн удивительно напоминает Каллас, божественный голос, потрясающий артистизм, пластика, — проговорил он с восторгом.

— Я слушал Каллас в записи. Мне больше нравится Анджела Георгиу. У Ирэн такой же чудный голос, и глаза, — задумчиво проронил Фрэнк, не замечая, какой недоуменный взгляд бросил Роджер. — Мне понравилось. Я... не знаю, как вам сказать, — попытался объяснить он. — Дело не в спектакле, не в исполнении...

— А в чем же? Хор. Декорации, костюмы, все на высоте. Вы создавали оборудование для сцены?

— Да. Я там сделал кое-что, — пробормотал Фрэнк.

— Но это ведь получилось замечательно! Мы будто перенеслись на площадь реальной Севильи! Впечатляющее зрелище. Дорогой мой, вы удивительно разносторонне одарённый человек. Что же вас так мучает?

— Я встречался со Стэнвудом.

— Он вас допрашивал?

— Нет. Он сказал, что Райзен хочет меня арестовать. И, скорее всего, он уже понял, что я не Эдвард. Оказывается, у вашего племянника зелёные глаза, — усмехнулся Фрэнк, пристально взглянув на Роджера.

— Я думаю, что это была лишь последняя деталь. Он давно понял, что вы не Эдвард. Это уже поняли все.

Фрэнк смотрел, как восхитительно Ирэн исполняет зажигательный цыганский танец, как развевается её ярко-красное платье, демонстрируя стройные, безупречной формы ножки. Воображение рисовало сцены ослепляющей страсти, как среди вихря чувств перед мысленным взором ясно и отчётливо возникло лицо сардонически ухмыляющегося Райзена. Фрэнк вспомнил, что Ирэн ему тоже дарила любовь, своё нежное тело. Пронзила адская ревность, мгновенно охладившая страсть, и отравившая наслаждение, которое он получал, внимая голосу и движениям Ирэн. Роджер наклонился и тихо спросил:

— Вам нехорошо? Вы побледнели.

Фрэнк помотал отрицательно головой, ощущая, как подкатывается тошнота, а на лбу выступила испарина. Он попытался отогнать видение мёртвых акульих глаз, и сосредоточился на спектакле. В третьем акте, в лагере контрабандистов Ирэн начала арию о картах, предвещавших ей смерть, в её глазах светилось настоящая тоска и отчаянье. Фрэнк ощутил, как у него собираются слезы. Ирэн поразительно смогла войти в образ роковой красавицы, и он внимал пению, чувствуя, как подкатывается комок к горлу. Заглушая аплодисменты, раздался свист. Фрэнк быстро оглядел зал, заметив, что группкой из нескольких «недовольных» руководит маленький, незаметный человечек, сидящий в углу.

— Куда вы, черт возьми! — воскликнул раздосадовано Роджер, увидев, как Фрэнк выпрыгнул из ложи и стрелой понёсся к первому ряду амфитеатра, где на последнем месте сидел главарь. Схватив за шкурку, Фрэнк выволок его в коридор, и закричал, занеся над жалкой физиономией с жидкими волосёнками кулак:

— Кто тебе заплатил, мерзавец? Говори, или убью, сволочь!

Человечек, сжавшись от ужаса в комок, бросая испуганные взгляды на пунцового от ярости Фрэнка, пролепетал умоляюще:

— Каваллини... Не убивайте меня, мистер Кармайкл.

Фрэнк презрительно отпустил его, и тяжело дыша, сказал:

— И зачем только спрашивал. Убирайся отсюда, подонок. Чтобы духу твоего не было!

Человечек вскочил на ноги и повернулся, чтобы уйти, но потом пробормотал:

— Пожалуйста, я хочу дослушать...

— Чего? — не понял Фрэнк.

— Мне нравится, как поёт Палментери, — заикаясь, хрипло проговорил он. — Я не буду больше. Мистер Кармайкл, — еле слышно добавил он. — Ваша жена тоже замечательно поёт.

Фрэнк успокоился, и, усмехнувшись, проронил:

— Чтобы сидел тихо, как мышь. Одно движение — пришибу, — пообещал он, чувствуя, что его уже начинает забавлять эта ситуация.

Вернувшись в зал, он заметил, что охрана вывела тех, кто освистывал Ирэн, и вернулся в ложу.

— Все в порядке, мой дорогой. У Ирэн удивительное самообладание. Она даже виду не подавала. Вы могли даже не стараться.

Фрэнк только тяжело вздохнул. Эти три акта его вымотали так, будто он сам пел на сцене все арии и одновременно перетаскивал реквизит.

В антракте Фрэнк нервно курил одну сигарету за другой, пытаясь никотином задурманить себе голову и отвлечься от измучивших его мыслей.

— Что вы так нервничаете? — спросил Роджер, замечая, как у Фрэнка дрожат пальцы, когда он стряхивал пепел.

— Не знаю, Роджер. У меня какое-то ужасное предчувствие. Я не боюсь за себя. Тяжело на душе.

— Может быть, вам спрятаться с Ирэн у ваших друзей? Пока Берта не нашла возможность отключить камеры? — предложил Роджер.

Фрэнк изумлённо взглянул на него:

— Откуда вы знаете про Берту и камеры?

Роджер улыбнулся.

— Не удивляйтесь. Это я попросил её заняться этим. Предлагал оплачивать работу. Правда, она отказалась. Объяснила, что и так получает помощь от моего племянника.

— Я так и не понял, почему вы хотите его убить. Разве вы пострадали от его принципов?

— Да, дорогой мой. Пострадал. Я очень любил мою жену Элизабет. Боготворил. Она была невероятно красивой женщиной, самой красивой на земле, — он вытащил из бумажника фотографию очаровательной женщины с гордой посадкой головы, тонкими чертами лица, и большими, яркими глазами. — Она хотела сохранить свою удивительную красоту. Когда учёные Форстера открыли свойства уникального вещества — сыворотки, которая поначалу казалась панацеей от всех болезней. С её помощью люди могли продлить молодость, вернуть здоровье. Особенно женщины увлеклись ею.

— Поэтому некоторые женщины так неестественно молодо выглядят, как тряпичные куклы, покрытые лаком? — поинтересовался Фрэнк.

— Да. Совершенно верно. Но вы не волнуйтесь. Ирэн это не нужно. Она молода и красива от природы, — пояснил быстро Роджер. — Когда реализация сыворотки стала приносить невероятную прибыль, Форстер передал компанию Райзену. Не знаю, как это произошло в точности. Я не интересовался подробностями. Форстера обвиняли в убийстве, потом обвинение сняли, но своего дела он лишился. Так вот. Сыворотка имеет страшные побочные эффекты — слепоту, уродство, безумие и нередко смерть. Райзена не остановило это, наоборот он только наращивал продажу. И никого не предупредил об ужасных последствиях, даже меня. Элизабет увлеклась омоложением, но эффект оказывался все короче и короче. Потом она просто сошла с ума, а её лицо превратилось в ужасную маску.

— И вы продолжали поддерживать с ним дружеские отношения?

— Я не собирался ссориться. Ждал, когда появится возможность отомстить.

— Благодаря продаже сыворотки он сумел восстановить, хоть частично своё состояние, — задумчиво проговорил Фрэнк.

— Кто вам сказал, дорогой мой, что он его терял?

— Ну как же? Он же вложил состояние в строительство этого города.

— За место в этом городе люди платили огромные деньги. Чем лучше они хотели получить место, тем больше платили. Наоборот, он удвоил своё состояние. Благодаря этому весьма прибыльному проекту. Он ничего не делает, если это не принесёт существенного

дохода, дорогой друг. Ладно, идемте. Жду с нетерпением увидеть, что вы там сделали с быками.

Последний акт прошёл на удивление спокойно. Лишь финальная сцена заставила Фрэнка понервничать. Ирэн так хорошо изобразила смерть, что он испугался, ясно вспомнив детективы, где актёры умирали по-настоящему. Но когда Ирэн вышла на поклон, он посмеялся над своими страхами. И с радостью отметил, как зал устроил овацию. Её долго не отпускали со сцены.

Довольно улыбаясь, Фрэнк подошёл к гримёрке, подёргал дверь.

— Ирэн, это я, — сказал он.

И не поверил своим ушам, когда услышал:

— Убирайся вон! Видеть тебя, тварь, не хочу!

Дверь отворилась буквально на пару дюймов, в проёме появилось разъярённое, красное лицо Ирэн. Она что-то швырнула ему под ноги и захлопнула перед носом дверь.

— Открой немедленно! — заорал Фрэнк.

В ответ послышались лишь громкие рыдания. Он стукнул по двери кулаком так, что лёгкая фанера заходила ходуном.

Что-то блеснула под ногами. Обручальное кольцо, украшенное бриллиантами и изумрудами, которое он подарил Ирэн. Она швырнула ему под ноги кольцо после шикарной премьеры, которую он её устроил!

Фрэнк спустился вниз и нашёл Роджера, ждущего в машине.

— Езжайте без нас. Мне нужно поговорить с Ирэн, — быстро проговорил он.

Роджер, непонимающе взглянув, сочувственно поинтересовался:

— Что-то случилось?

— Нет-нет, она просто нервничает. Надо успокоить, — объяснил Фрэнк, стараясь казаться спокойным, и быстрым шагом направился обратно.

Вернувшись к гримёрке, обнаружил, что Ирэн исчезла.

— Она уже ушла, мистер Кармайл, — проронила Лейла, певица, которая исполняла роль Микаэлы.

— Куда ушла? Домой?

Лейла лишь пожала плечами, лицо выражало скуку. Фрэнк до досады стукнул кулаком по стене, медленно вышел из здания театра.

«Тоже мне примадонна. Один успешный спектакль и уже устроила мне скандал! Истеричка!»

Он заметил в конце улицы переливающиеся огнями вывеску бара «Золотая долина» и быстрым шагом направился туда.

— Две бутылки виски, — бросил он бармену, который изумлённо взглянул на него, и, спрятав под прилавок початую бутылку, из которой хотел налить посетителю стаканчик.

Усевшись за столик, Фрэнк решил прикончить как можно быстрее обе бутылки и заказать следующие. Через час боль начала отступать, мысли разбежались, как тараканы по углам.

— Красавчик, хочешь, я тебя утешу, — услышал он женский голос, попытался разглядеть собеседницу, но это плохо удалось, в глазах все двоилось.

— Сколько? — спросил он заплетающимся языком.

Дамочка показала на пальцах, которых он не разглядел, но ему было все равно.

— А вся ночь? — поинтересовался он, глупо улыбаясь.

Шатаясь, пошёл за ней. Она попыталась поддержать его, когда он решил упасть. Они поднялись по крутым, разбитым вдрызг ступенькам, загаженными котами, останавливаясь через пару шагов. В нос ударил запах дешёвой похлёбки, помоев и немытых тел. Плюхнулся на железную кровать, стоявшую около узкого окна, и провалился в сон. Она попыталась растряссти его, но клиент уже крепко спал. Усмехнувшись, стащила с него ботинки, бросив под кровать. Сняла пиджак, из которого выпал бумажник. Равнодушно взглянув внутрь, увидела пачку банкнот, и сунула обратно в карман. Сев на кровать рядом, пальчиком провела мягко по его лицу, подумав: «Хорошенький, отчего ж так напился?» Раздевшись, она прилегла рядом, надеясь, что утром, когда он выспится, ей удастся выполнить заказанные услуги.

Фрэнк проснулся с адской головной болью, присел на кровати. Увидев рядом раздетую девушку, попытался вспомнить, кто она, как её зовут, но это вызвало лишь приступ мучительной боли, как терновый венец сжавший голову. Девушка проснулась и спросила:

— Как спалось?

Фрэнк не ответил, встал и оглядел комнату, где, кроме железной кровати, стоял маленький стол, разохшийся узкий шкаф, и раздолбанное кресло, прикрытое дырявым, выцветшим пледом неопределённого цвета.

— Где у тебя сортир? — пробормотал он, ощущая, что все выпитое просится наружу.

Она усмехнулась и ответила:

— По коридору налево.

Фрэнк доплёлся до туалета, за дверью которого находится лишь толчок и душ за рваной занавеской. Когда он вернулся, девушка уже оделась и, увидев его бледное лицо, поинтересовалась:

— Кофе будешь?

Фрэнк помотал головой, не было ни малейшего желания пить мерзкую бурду в гнусной комнатухе. Он уселся за стол, вытащил несколько мятых листочков и стал внимательно просматривать.

— Зачем ты притащил туалетную бумагу сюда? — спросила она с насмешкой.

— Ничего ты не понимаешь, — буркнул он. — Это потрясающие стихи, а ты дура необразованная, сунула их задницу подтирать. — Дикари.

— И что действительно нравится? — поинтересовалась она спокойно, не обидевшись на оскорбления.

Он молча перевернул лист и стал внимательно изучать. Девушка ушла куда-то, а вернувшись, поставила перед ним белую чашечку из толстого фарфора с изящной ручкой, и тарелку с омлетом и гренками. Он раздражённо взглянул на неё и проворчал:

— Я же сказал не надо.

Но почувствовав, как ему щекочет ноздри ароматный запах кофе и свежеприготовленной еды, попробовал.

— Неплохо. Вкусно.

— Специально для тебя. Раз ты такой любитель поэзии, — пояснила она с грустной улыбкой. — Поешь, голова меньше будет болеть.

Фрэнк принялся за еду, ощутив, что зверски голоден.

— Спасибо, — сказал он. — Мне лучше уже. Откуда стихи? — спросил он. — Из какой

книги надрала?

Девушка, грустно усмехнувшись, отошла куда-то в угол комнатухи и положила перед ним тоненькую книжечку. И села на кровать, снисходительно наблюдая за его действиями. Фрэнк пролистал, останавливаясь на особенно понравившихся моментах, перевернул, чтобы почитать об авторе.

«Симона Бонье», — прочёл он имя автора, и удивлённо поднял глаза.

Девушка показалась ему совсем юной, хрупкая, с выпирающими ключицами, тонкой шейкой, светлые волосы обрамляли круглое личико с полупрозрачными, голубыми глазами, острым подбородком и аккуратным, маленьким носиком. Несмотря на потасканный вид, лицо выглядело удивительно одухотворённым, проникнутым внутренним светом. Падающий из окошка рассеянный свет окружал её будто дымкой, делая похожей на ангела. Фрэнк ещё раз взглянул на фотографию на задней обложке и проговорил растерянно:

— Это что, ты написала?

Она лишь грустно улыбнулась в ответ. И он поразился, какими печальными, мудрыми глазами она посмотрела на него. Будто успела побывать в аду, и вернуться.

— Ну и что ты тут тогда делаешь? — с досадой спросил он. — Сочиняешь такие прекрасные стихи.

— Я же не восхваляю успешных бизнесменов и их величайшие свершения на деловом поприще, — объяснила она насмешливо. — Пишу о простых людях с их маленькими радостями, и горестями, о подснежниках, любви, пении соловьёв. Глупо, правда? И никому не интересно, — добавила она, и голос чуть заметно дрогнул.

Фрэнк взглянул в её глаза, мерцающие, как льдинки, пронизанные лунным светом, и с раздражением понял, что видит перед собой очередного «паразита», не вписавшегося в систему.

— Я переиздам твои стихи, — твердо произнёс он. — Есть у тебя что-нибудь ещё?

Она принесла пачку тетрадок, исписанных аккуратным, ровным почерком. Положив перед ним, опять села, скрестив тонкие, изящные руки на железной спинке кровати.

— Зачем? — проговорила она обречённо. — Все равно никто не купит.

— Это мы ещё посмотрим, — в азарте весело воскликнул он.

Она усмехнулась и тихо проронила:

— Мне твоё лицо кажется знакомым

— Меня зовут Эдвард Кармайкл, — сказал он.

— Ясно. Грехи замаливаешь. Слышала о тебе. Правда, иначе представляла. Более смазливый.

— Почему замаливаю? И какие это интересно у меня грехи? Убил я кого-то? Или ограбил?

— Провалы в памяти? — насмешливо проронила она. — А ребёнок, которого ты сбил? Забыл уже? Дядя твой тебя отмазал. Теперь совесть заговорила? Говорят, людям начал помогать, приюты строить.

Фрэнк, чуть заметно нахмурился, решив, что Роджер многого не рассказал о своём племяннике.

— ОК. Я вот такой, как есть. А вот ты зачем сюда переехала? Думала, королевой поэзии станешь? А где оказалась?

Она совсем не обиделась, лишь горько усмехнулась, и мягко спросила:

— Хочешь ещё кофе?

— Нет, спасибо. Я тебе выпишу чек. Аванс за издание, — предложил он.

— Не надо. Проявляешь милосердие? Вытащить со дна шлюху? Мне и здесь хорошо, — произнесла она спокойно. — Ещё неизвестно кому лучше. Тебе наверху, или мне — внизу.

Глава 15. Похищение

Время остановилось. Фрэнк бросил взгляд на часы. Стрелки будто застыли. Сколько бы он не мерил шагами комнату, сколько бы ни выкуривал сигарет, стрелки оставались на том же самом месте. Не выдержав, схватив стоящую в углу дорожную сумку, и выбежав на улицу, впрыгнул в свой ярко-красный «Мустанг» кабриолет, врубив третью скорость. Визжали шины, когда он еле вписывался в крутой поворот. В висках стучала кровь, где-то у самого горла бешено колотилось сердце.

«Если что-то случится, взорву этот город к чёртовой матери. Ненавижу! Ненавижу всех!»

Краем глаза заметил, что стрелка спидометра уже дошла до отметки в сто пятьдесят миль. Его никто не задержал. Полиция не имела подобных скоростных машин, они смотрели сквозь пальцы на сумасшедшую езду племянника сэра Роджера. Мимо проносились закрытые витрины магазинов, неоновые вывески развлекательных заведений: «Золотой телец», «Золотая долина», «Золотой граммофон», «Золотая лихорадка». Раньше приверженность к золоту смешила, сейчас раздражала до глубины души. Казалось, он видит горы золотых монет, сквозь которые проступает кровь невинно убиенных. Таких, как Ирэн.

«Боже, малышка моя, как я мог тебя бросить! Почему я тебя не уберёг?!» — пронзала мысль, заставляя сжиматься от боли сердце. Редкие прохожие испуганно останавливались, когда мимо них проносилась стрела, в полутьме казавшаяся чёрной. Тихоходные машины, услышав визг тормозов, робко прибывались к тротуару, чтобы пропустить обезумевшего гонщика. Он вспомнил, что хотел подарить на свадьбу Ирэн белый Форд «Шелби», его специально изготовили на заводе с её именем вместо номера.

Пару дней назад Фрэнк осматривал красавец-автомобиль, изысканные, плавные линии кузова, мягкие сиденья из дорогой, белой кожи, позолоченная решётка радиатора. Эта чудомашина, в которую он вложил столько своих чувств, не дождётся хозяйки. Резко затормозил, и лбом прижался к рулю, ощущая, что сейчас разрыдается от отчаянья и тоски. Наконец, услышал пиканье своего хронометра, притормозив около таблички с названием улицы, и помчался к цели своего путешествия.

Выпрыгнув из машины, бросился со всех ног вверх по лестнице, ощущая, что сердце сейчас выскочит из груди. На третьем этаже, постучал в дверь, которая распахнулась от удара. Фрэнк проскользнул внутрь, никого не встретив. Обошёл комнаты и с ужасом увидел Ирэн. Она лежала на кровати, а в груди торчал нож по самую рукоятку. Бросившись к ней, прижал ухо к груди, и где-то в самой глубине вдруг услышал тихий, слабый стук. Трясущимися руками вытащил нож, заметив в отчаянье, что кровь уже перестала вытекать из раны. Но собрал всю силу воли в комок и сделал укол сыворотки. Надежда оставила его, и без сил он опустился на колени рядом.

Эти минуты показались ему вечностью. Он слышал только, как в висках стучала кровь. А в голове вертелась фраза, сказанная грубым, незнакомым голосом: «Мистер Кармайл, Ирэн у нас. Если вы не хотите, чтобы она пострадала, завтра в шесть утра вы должны приехать по адресу и привезти пятьсот тысяч. Положите их в саквояж. Вы поняли? И никаких копов. Никто не должен знать».

Им не нужны были деньги.

— Так, это что такое? — услышал он голос, заставивший вздрогнуть.

На пороге стоял копы, держа его на мушке.

— Черт возьми. Быстро встать!

Один из копов, резким движением защёлкнул наручники. Обыскав, вытащил документы и повёл к двери. Фрэнк, сделав шаг, споткнулся. Удар раздавил, оглушил и поверг в пучину тупой, ноющей боли. На секунду он задержался в дверях, бросил последний, тоскливый взгляд на Ирэн, ему показалось, что её щеки чуть заметно порозовели. Коп грубо толкнул его в спину, но Фрэнк, не обращая внимания, бросился к кровати, с надеждой вглядываясь в лицо. Не веря своему счастью, увидел, что она вздохнула, открыла глаза, и села. Расплывшись в глупой улыбке, он сел рядом и спросил:

— Как ты, милая?

— Замечательно, — пролепетала она слабо. — Что случилось? — воскликнула обеспокоенно, увидев наручники.

— Арестовали. За убийство. Тебя, видимо, — весело ответил он, и, взглянув на оцепеневшего копа, добавил: — Лейтенант, может, снимите с меня браслеты? Я никуда не убегу. Обещаю.

— Мистер Кармайкл, — произнёс коп уже более дружелюбно. — Вам все-таки придётся проехать в участок с нами. Рассказать, что здесь произошло.

Они возвращались домой, и Фрэнк не мог на секунду отвести взгляд от Ирэн, крепко прижимая её к себе, и ощущая невероятное облегчение. Старуху-смерть удалось обхитрить.

— Извини меня, что я тебя бросил, — прошептал он, крепче прижимая к себе. — Я простить себе этого не могу. Идиот.

— Это я виновата, — возразила она смущённо. — Прогнала тебя.

— Почему?

Она замешкалась, кусая губы.

— Я получила письмо, — медленно проговорила она. — Когда вернулась в гримёрку, оно лежало на столике. Там были фотографии.

— Фотографии? — удивился он. — Чьи?

— Тебя и Камиллы. Было написано, что она твоя любовница и приложены фотографии. Очень откровенные. Я разозлилась. Пойми, накануне нашей свадьбы! Я прочла, что ты поддерживаешь с ней отношения. Там были такие подробности...

— Ясно, — перебил зло Фрэнк. — Ирэн, это было всего один раз. До того, как я понял, что люблю тебя. Не знаю, кто нас снимал, но догадываюсь, кто прислал тебе письмо.

— Ты думаешь, это сделала Камилла?

— Вряд ли. Думаю, что Райзен. Он очень ревнив.

Ирэн чуть смутилась.

— Ты знаешь об этом?

— Да, знаю. И мне все равно. И думать не хочу, кому ты принадлежала раньше. Но вот он... Я все время отбираю у него то, что принадлежит ему. Или принадлежало. Все время мешаю. Ты любила его?

— Наверно, — ответила она тихо. — Он казался мне необыкновенным человеком. Умным, рассудительным. Главное, надёжным, рационально мыслящим. Я была безумно счастлива, когда он обратил на меня внимание.

— И что же случилось?

— Это все так глупо, — смутилась она. — Хорошо, я расскажу. Я забеременела. Он

разозлился и приказал мне сделать аборт. Он совершенно ничем не хочет себя обременять. Дети — это ужасно. Он всегда так брезгливо говорил о них, маленькие, копошащиеся комочки, лишённые разума. Кричат, плачут, пачкают пелёнки.

— Если бы все как он рассуждали, человечество вымерло. Человек он разумный. Бред.

— Я отказалась, — продолжила она печально.

— Правда? — обрадовался он. — У тебя есть ребёнок? Где? Ты сдала его в приют? Послушай, Ирэн, мы возьмём его, и я усыновлю.

— Ребёнка никакого нет. И не будет никогда. Ты должен об этом знать тоже.

— Ирэн, что произошло, объясни меня, пожалуйста, — попросил он жёстко. — Хочу знать все.

— Меня подстерегли, когда я возвращалась домой, из театра. Избили. Очень сильно, — через силу, глухо произнесла. — Попала в больницу, потеряла ребёнка. У меня было внутреннее кровотечение. Он не пришёл. Ни разу. Хотя, зачем? Я его больше не интересовала. Не согласилась выполнить его приказ.

— Ты думаешь, это он организовал? — спросил Фрэнк, помрачнев.

— Я не могу сказать точно. Но били меня именно в живот, — добавила она, и в глазах собрались слезы, побежав по щекам.

Он сжал её в объятьях, стал нежно гладить по волосам, по спине, мягко касаясь губами кожи.

— Нет, я все-таки его убью! Обещаю. Он за все заплатит.

— Ты не сможешь, — сквозь слезы прошептала она.

Его губы тронула злая усмешка.

— Почему ты так думаешь? Моральные принципы не позволяют? — саркастически спросил он. — Позволят. Ещё как. Нет у меня никаких принципов. Когда дело касается его. Мерзавец. Безжалостный подонок.

— Милый, я должна тебе это сказать. Он бессмертен, — быстро сказала Ирэн, напряжённо вглядываясь его лицо. — Поверь мне. Не думай, я не сошла с ума.

— Ирэн, я прекрасно это знаю. Мы ведём сейчас работы по уничтожению камер жизни. И тогда он за все получит. Ничего, котёнок, все будет в порядке! Забудем обо всем! Нам сейчас с тобой надо думать о свадьбе, — добавил он, прижав к себе Ирэн.

— Ты не передумал? — прошептала она.

— Почему это я должен передумать? Я тебе уже подарок приготовил, — с хитрой улыбкой произнёс он. — Надеюсь, тебе понравится.

— Ты пригласишь... его? — тихо спросила Ирэн.

Фрэнк скривился, и, вздохнув, ответил:

— Я должен его пригласить. Прости. Он же друг семьи. И давай договоримся. Ты забудешь навсегда о том, что у тебя было с ним. И второе. Я буду сам отвозить тебя в театр утром, и увозить вечером. Извини, мне придётся, контролировать каждый твой шаг. Пока... Сама понимаешь.

Фрэнк каждое утро отвозил Ирэн в театр, а вечером заезжал за ней. Иногда он оставался на репетиции. Сегодня он тоже сидел в зале, почти на самом последнем ряду, чтобы не смущать Ирэн. Она и Палментери репетировали любовную сцену в «Тоске». Режиссёр Оливер Перкинс, плотный мужчина с тёмным бобриком волос, давал указания. Усы и борода, обрамлявшие тонкие губы, крупный, крючковатый, с широкими крыльями нос,

пронзительные, карие глаза под густыми бровями придавали ему мефистофельский вид. Перкинс отличался вздорным, невыносимым характером, жёстко третировал бедных артистов, но при этом обладал невероятным талантом.

— Вы никогда не любили, мисс Веллер? — язвительно орал Перкинс. — Ну, может быть, вы что-то читали об этом? Пофантазируйте. Нельзя играть любовную сцену с таким каменным лицом.

У Фрэнка сжалось сердце от жалости, когда он заметил слезы на глазах Ирэн. Перед мысленным взором опять вспыхнули недавние события, когда, казалось, он держал в руках нежное тело, которое, кажется, уже покинула жизнь. Фрэнк подошёл ближе к сцене, и как можно доброжелательней сказал:

— Мистер Перкинс, не могли бы вы повежливее разговаривать с мисс Веллер?

Перкинс резко обернулся на голос и воскликнул:

— Почему в зале посторонние?! Молодой человек, выметайтесь! Немедленно! Пока я не вызвал охрану!

Фрэнк быстрым шагом приблизился к нему, Перкинс узнал его, но выражение его лица не стало более благосклонным.

— А, мистер Кармайл, — буркнул сухо Перкинс. — Все же я вас попрошу выйти. Иначе мисс Веллер так и не сможет сосредоточиться.

Фрэнк усмехнулся, и не стал спорить. Он прекрасно знал о мерзком характере Перкинса, который оказался выброшенным на дно жизни, именно потому, что не умел льстить, пресмыкаться, и не видел различий между бедным и богатым. Фрэнк не удержался, и когда проходил мимо сцены, поймал руку Ирэн и поцеловал с улыбкой, стараясь её ободрить. Оказавшись на улице, быстро зашагал по тротуару к своему «Мустангу». Услышав рёв несущейся машины, удивлённо обернулся. По улице стремительно нёсся взявшийся ниоткуда «понтиак» чёрного цвета. Глазастая, тупая морда, с торчащими «клыками» из решётки радиатора быстро увеличивалась в размерах. Фрэнк инстинктивно отпрянул, в последнее мгновение выкатился из-под колёс машины. С трудом поднявшись, он оглядел улицу, но мерзавца простыл и след. Доковыляв до машины, и уняв дрожь в пальцах, завёл мотор, решив все-таки поехать на завод.

— Здравствуйте, миссис Леман. Для меня есть что-нибудь? Спасибо! — сказал он, взяв из рук секретарши папку.

— Мистер Кармайл, вас ждут, — сказала она осторожно.

Фрэнк обернулся и скривился от досады, увидев приземистую, маленького роста женщину, с абсолютным отсутствием талии и покатыми плечами, одетую в бесформенный балахон темно-серого цвета. Почти квадратное лицо, обрамленное иссиня-чёрными волосами, уложенными в старомодную причёску, тёмные, выпуклые глаза рептилии, способной убить взглядом, длинный нос и тонкие губы не вызвали ничего, кроме омерзения.

— Мистер Кармайл! — взвизгнула дама. — Вы должны меня выслушать!

— Мисс Розенберг, я вам уже все сказал, — резко бросил Фрэнк, совершенно не расположенный к разговору с этим уродливым крокодилом. — Письменно изложил все претензии, почему не могу напечатать ваше творение, — последние слова он произнёс с нескрываемым отвращением.

Он прошёл в кабинет и хотел закрыть дверь, но дама ворвалась за ним и нервно закричала:

— Мой роман — лучшее, что создавали когда-либо! А вы не хотите его даже прочитать!

— Я прочёл ваш роман. И не вижу никаких литературных достоинств, — устало объяснил Фрэнк, ощущая, как у него зверски разболелась ушибленная нога. Доковылял до стола, присел, поморщившись, и начал растирать колено. — Плоский, однобокий мир вашего романа оторван от реальности. Ваши персонажи произносят нудные, смертельно скучные монологи, будто герои древнегреческих трагедий. О каком уникальном сплаве железа с медью вы там талдычите? О мельхиоре?

— Мистер Кармайкл, я не писала диссертацию на тему металлургии. Это роман о великих людях, титанах мысли, — с пафосом произнесла Розенберг, и голос с сильным акцентом зазвучал, будто скрип железа по стеклу. — Это Библия предпринимательства! Основная идея моего романа в том, что капиталистический строй, является не только строем наивысшей справедливости, но и наивысшей морали. Разве вы не согласны с этим, мистер Кармайкл? Или вы считаете, что высшим строем является коммунизм? — спросила она саркастически.

— Я не располагаю временем для ведения философских дискуссий, — холодно проронил Фрэнк. — Вы прекрасно знаете, что я не разделяю вашу теорию. Обратитесь к мистеру Райзену. Уверен, он поддержит вас. Ваши мысли о том, что благотворительность — это зло, очень созвучны его принципам эгоизма и индивидуализма.

— Не эгоизма, а разумного эгоизма! Основная идея моей книги в том, что никто не должен жертвовать ради других своей жизнью, и не заставлять жертвовать ради себя. Я доказала, что альтруизм — это моральный кодекс диктатур! — выпалила Розенберг.

— Да при чем тут политический строй?! У вас извращённое понимание этой идеи! — разозлился Фрэнк. — Альтруизм — желание бескорыстно творить добро, которое идёт от сердца, из души. И не имеет ни малейшего значения, при каком строе живут люди! Ваши отрицательные персонажи используют гуманную идею, чтобы грабить других людей.

— Именно это я видела в России! — возбуждённо оборвала его Розенберг. — Я показала всему миру гибельность коммунизма и социализма, в основе которых лежит коллективизм и требование жертвовать всем ради общественного блага! — затараторила она.

— Вы подменили законы рыночной экономики действиями отдельных личностей с прекрасными идеалами. Исключили реальные механизмы, регулирующие рынок. Прославляете анархию.

— Я должна отметить, что вы ничего не поняли в моей философской системе, — произнесла Розенберг, скривившись в презрительной гримасе. — Рыночная экономика, свободный рынок — саморегулирующаяся система. Моя книга доказывает, если государство вмешивается в экономику, это приводит к её разрушению. Государство с помощью насильственных методов отнимает у производителей плоды их труда, чтобы тратить на огромное количество бездельников, сидящих на шее тех, кто умеет работать. Это путь к гибели!

— Мисс Розенберг, вы создали такой же миф, как большевики в России, — устало проронил Фрэнк, чувствуя, как дамочка все-таки завлекла его в бесполезную дискуссию. — Только, коммунисты ставили во главу угла якобы интересы общества, которые на самом деле были интересами кучки партийных бонз. А вы — эгоистичные желания одного индивидуума. С помощью прописных истин, которые знает и ребёнок, протаскиваете социал-дарвинизм, безжалостную, антигуманную теорию

— Разве вас не убедила история о претворении в жизнь принципа уравниловки? —

настаивала она, совершенно не прислушиваясь к тому, что говорит собеседник. — Вот яркий пример к чему приводит распределение общественного богатства, созданного талантливыми людьми, по принципу потребностей каждого паразита.

— У вас вульгарное понимание этой идеи. Применять на одном предприятии, как вы представили в вашей книге, подобный принцип — абсурдно. Маркс называл это «казарменным коммунизмом», и резко критиковал. Это не имеет ничего общего с тем коммунизмом, о котором он писал. Напомню, как звучит основной принцип коммунизма на самом деле: «когда вместе со всесторонним развитием индивидуумов вырастут и производительные силы, и все источники общественного богатства польются полным потоком, — лишь тогда общество сможет написать на своём знамени: от каждого по способностям, каждому — по потребностям». Где в вашей книге говорится о всестороннем развитии индивидуумов и источниках общественного богатства, которые льются полным потоком? — насмешливо спросил Фрэнк — Вы описываете жуткое, нищее общество.

— Вы читали Маркса, — с нескрываемым омерзением протянула Розенберг. — Я прихожу к выводу, что вы не просто человек левых, а ультралевых взглядов.

— Я бы вам посоветовал вначале читать то, что вы критикуете, а потом только это осуждать. А вы постоянно низвергаете то, в чем не смыслите, — спокойно возразил Фрэнк.

— Почему же вы можете печатать стихи продажной шлюхи о цветочках и птичках, и не хотите печатать серьёзную литературу? Пронизанную мудрыми, философскими мыслями? — с металлом в голосе изрекла Розенберг.

— Мисс, сборник стихов Симоны Бонье разошёлся мгновенно, — с гордостью сказал Фрэнк. — Мы сейчас готовим переиздание, которое выйдет большим тиражом. Я печатаю лишь то, что мне выгодно. Разве не этому учит ваша теория? — насмешливо добавил он — Вы должны радоваться, что я следую ей, хотя бы в чем-то.

— Вы сильно пожалеете, мистер Кармайкл, что отказали мне, — процедила она, сквозь зубы.

Фрэнк вздохнул с облегчением, провожая взглядом гордо удаляющуюся писательницу.

— Миссис Леман, принесите, пожалуйста, кофе и что-нибудь от головной боли, — нажав кнопку селекторной связи, проговорил он. — Да, позовите Мэллори. И ещё. Больше никогда не пускайте ко мне эту даму.

Открыв папку, которую взял у миссис Леман, пролистал её и довольно улыбнулся. Откинувшись на спинку кресла, и, закрыв глаза, представил нежный овал лица Ирэн, лебединую шею, пышную грудь с очаровательной родинкой, подумав с удовольствием, что вечером опять заедет к ней, обязательно с роскошным букетом белых роз. Самых лучших, только что срезанных. Благоухание которых напоминало о возбуждающем, свежем аромате её духов. «Ну вот, котёнок, для тебя будет ещё один подарок», — подумал он, улыбаясь.

От приятных размышлений его отвлек Мэллори. Он пришёл вместе с Питермэном мастером цеха и главным инженером Бертраном.

— Ну что скажите о моем проекте? — спросил Фрэнк.

— Мы провели расчёты, мистер Кармайкл, и пришли к выводу, что это совершенно невыгодно, — сухо сказал Мэллори. — Это приведёт к огромным убыткам. Совершенно бессмысленным.

Фрэнк в недоумении взглянул на него и попросил:

— Дайте мне расчёты.

Пролистав папку, нахмурился и сказал:

— Мистер Мэллори. Мы потеряем вначале, но потом приобретём. Вы думаете только о сиюминутной выгоде, а я о будущем. Вы сами работали на конвейере?

— Работал. Два года.

— И вам понравилось?

— Если бы мы всегда делали работу, которая нам нравится, — усмехнулся Мэллори.

— Вы знаете, какой это монотонный, сводящий с ума труд? Почему вы против замены? — мрачно поинтересовался Фрэнк. — Люди начнут работать с большим интересом, мы получим прирост производительности труда. В дальнейшем.

— Людей надо обучить. На это уйдёт время и средства. По крайней мере, полгода, — возразил Питермэн. — Эффект этого нововведения эфемерен. Я не понимаю, мистер Кармайкл. Мы работает в соответствии с методами Генри Форда, который первым применил конвейер. Зачем что-то ломать?

Фрэнк помолчал, сказать, что на заводах Форда первыми смогли отказались от конвейера, он не мог. Перед мысленным взором опять возникла лупоглазая, оскаленная морда Понтиака, Фрэнк нахмурился, подумав, что полгода в Сан-Франциско, и полгода в этом городе совершенно не равнозначны. Если Райзен все-таки расправиться с ним, все нововведения заморозятся. Он разрушит созданный порядок, и не сможет довести до конца свой проект.

— Хорошо. Но хотя бы на пару операций можно перевести на модульный тип? Для эксперимента? — спросил Фрэнк, уже совершенно разуверившись в своих идеях.

— Конечно, мистер Кармайкл, — обрадовано воскликнул Мэллори. — Мы так и сделали. Здесь и здесь, — добавил он, показывая на схеме.

Фрэнк облегчённо вздохнул и спросил уже более доброжелательно:

— Ну, расскажите мне, как продвигаются дела с моделью Т-1908.

Фрэнк назвал так новый турбодизель в честь первой модели автомобиля, выпущенной в 1908 году Генри Фордом.

Фрэнк обвёл глазами присутствующих и недовольно нахмурился, заметив, что все молчат и отводят глаза. Наконец, Питермэн тихо пробормотал:

— Мы не можем его сделать.

— Это ещё почему? — в сильнейшем раздражении воскликнул Фрэнк. Присутствующие испуганно вжали головы в плечи, зная, что босс, несмотря на мягкую улыбку, может быть очень жёстким и даже грубым. — Я дал вам подробный чертёж, полную спецификацию, вплоть до сплавов, которые должны использоваться, черт возьми! Если через неделю этот двигатель не будет готов, уволью всех к чёртовой матери! — прорычал Фрэнк, бросив грозный взгляд, и присутствующие хорошо знали, что это не пустые угрозы.

— Проблема в том, что для изготовления клапанов нужна сталь, легированная молибденом, — нашёлся, наконец, Бертран.

— И что? Вы не можете заказать такой сплав? — саркастически спросил Фрэнк. — Это так сложно?

— Нет. Это было бы не сложно. Если не одна загвоздка. Все рудники в городе принадлежат мистеру Блейтону, а он никогда не позволит использовать молибден для нашего нового двигателя, — твёрже объяснил Бертран. — Как только он пронюхает о том, что нам нужно, тут же перекроет все поставки. Или заломит такую цену, что дешевле будет изготавливать кузов из чистого золота, чем ставить новый движок.

Фрэнк задумался. Как не прискорбно, но Бертран сказал чистую правду. Хотя Блейтон

перестал быть конкурентов компании Кармайклов, он сделал бы все, чтобы «перекрыть кислород» своему заклятому врагу.

— Ладно, я набросаю вам чертёж установки для добычи молибдена из морской воды, — произнёс Фрэнк уже спокойным тоном. — Не думаю, что в городе, окружённом океаном, это станет проблемой.

— Но, мистер Кармайкл, — осторожно начал Мэллори. — По приказу Райзена мы не имеем права выходить за пределы города, на берег океана.

— Я знаю, — усмехнувшись, проговорил Фрэнк. — Но, если сказанное мною здесь останется тайной для него, то мы решим нашу проблему. Согласны? Идите, работайте.

Поздно вечером, очень усталый, но довольный, Фрэнк к Ирэн в театр. Она сидела в гримёрке, стирала грим. Фрэнк проскользнул внутрь, положил ей руки на плечи. Поцеловав в шею, весело спросил:

— Ну как, удалось укротить Перкинса? По-моему, он стал много себе позволять, — добавил он, делая вид, что рассержен. — Хочешь, я его уволю? Найду другого. Они в очередь выстраиваются, только, чтобы я разрешил им поработать с тобой.

— Нет, милый. Я хочу помучиться, — ответила Ирэн, улыбаясь. — Почему у тебя такой загадочный вид? — спросила она.

— У меня для тебя сюрприз, — проронил он. — Я решил немного расширить наш семейный бизнес. Чтобы он приносил больше дохода. Как ты на это смотришь? Ты опять будешь петь у Каваллини, — хитро добавил он, и рассмеялся, заметив, как у Ирэн вытянулось от омерзения лицо. — Не волнуйся. Каваллини продаёт театр, а я покупаю. Ты опять будешь петь на этой сцене, но уже в качестве примадонны. Согласна?

Ирэн, взвизгнув от радости, бросилась ему на шею. Фрэнк начал жадно целовать её, гладить по волосам.

— Ну ладно, — сказал он, едва отдышавшись. — Ты меня отблаговаришь дома.

Глава 16. В ловушке

— Вам нравится, сэр Роджер? — спросила Ирэн.

— Да, очень вкусно. Вы великолепно готовите, — ответил он. — Все больше убеждаюсь, что мой племянник совершенно не стоит вас, Ирэн.

— Роджер, мы с Ирэн так благодарны вам за этот дом, — сказал с улыбкой Фрэнк. — Роскошный подарок.

Роджер усмехнулся, обвёл глазами столовую, оформленную в мягких, коричневых тонах, с широкими окнами, выходящими в экзотический сад с бассейном. В углу стояли высокие металлические треножники, которые заканчивались широкой блестящей чашей, а на паласе с неярким восточным рисунком — круглый стол, окружённый стульями с ажурными спинками. На стенах, отделённых кожей, висели картины с пейзажами. Это место не поражало роскошью, или богатой отделкой, но создавало ощущение уюта и защищённости. Люстра с изящным металлическим основанием, и маленькими плафонами-кувшинками бросала мягкий свет.

— Не стоит благодарности. Я вижу, вы многое тут сами сделали. Получилось неплохо. Особенно светильники. Как дела с новой постановкой?

— Отлично! — воскликнул возбуждённо Фрэнк. — Билеты проданы уже на две недели вперёд!

— В таланте Ирэн я не сомневался никогда, — сказал спокойно Роджер. — А вам придётся постараться, чтобы доказать, что вы её стоите. Да, совсем забыл. У меня для вас маленький сюрприз, — добавил он, вытащил из портфеля папку с документами и подал Фрэнку. — Надеюсь, это поможет вам решить проблему с вашим новым проектом.

Фрэнк открыл папку, лицо озарила радостная улыбка.

— Вы просто гений, Роджер. Как вам это удалось?

— Бизнесмен из меня лучше, чем из вас. Вы всегда идёте простым, честным путём, и сразу отступаете, когда сталкиваетесь с чужой подлостью, — объяснил Роджер. — Я купил этот заброшенный рудник за сущие гроши. Блейтон не знал о нём...

— И не успел прибрать к своим липким ручонкам, — усмехнулся Фрэнк. — Роджер, я совершенно не понимаю, зачем Блейтону рудники?! Для его черепах движки можно из чугуна делать. Он захапал весь молибден в городе и сидит на нём, как собака на сене.

— Конкуренция, мой друг, — усмехнулся Роджер. — Главное, не делать лучше других, а воспрепятствовать другим сделать лучше тебя. Все решили, что я выжил из ума, когда я собрался покупать истощившийся медный рудник. Я знал, что это пригодится. В сопутствующей руде пятьдесят процентов молибденита, — объяснил он.

— Роджер, я не знаю, как вас благодарить. По-моему, в последнее время мне слишком везёт. Не может, чтобы это длилось долго.

— Возможно, — проронил Роджер, и чуть заметно нахмурился. — Райзен пребывает в сильнейшем раздражении. Особенно после того, как в «Городских новостях» начали активно критиковать сыворотку А-192. Прибыли Райзена стали сильно падать. И он прекрасно понимает, кто в этом виноват.

— Люди и раньше знали об этом безобразии, — усмехнулся Фрэнк. — Треть горожан уже превратилась в безумцев. И Райзену совершенно плевать на это. Пусть перестроит свой

бизнес на что-то другое.

— Он этого не понимал и не поймёт. Считает, что люди сами выбирают себе судьбу, добровольно соглашаются на использование сыворотки по закону спроса и предложения свободного рынка.

— Роджер, эти разговоры вызывают у меня тошноту.

— Ирэн, милая, принесите-ка нам, пожалуйста, ещё чая, — мягко проронил Роджер. — Как продвигаются дела с камерами жизни? — спросил он, когда Ирэн вышла.

— Берте удалось понять, как их можно взломать. Она считает, камеры надо выводить из строя одновременно. Иначе это вызовет подозрение у Райзена. И он выставит охрану. Кроме того, у нас нет схемы расположения всех камер. И к некоторым вообще не подобраться. В особняке Райзена несколько штук. Но все это дело решаемое. Роджер, а что вы собираетесь делать потом? — поинтересовался Фрэнк. — Кто будет управлять всем этим?

Роджер бросил на него задумчивый взгляд.

— Вы хотите покинуть город?

— Возможно. Вместе с Ирэн.

— Зачем вам уезжать? Здесь, по крайней мере, у вас стабильный бизнес. Или боитесь, что не справитесь с управлением этого города? — с мягкой иронией поинтересовался Роджер.

Фрэнк бросил на него раздражённый взгляд.

— Почему вы решили, что я буду главой? Пусть буду свободные выборы, демократичные. Выберут кого-нибудь. Я не хочу участвовать. Мне это не нужно, Роджер. Поймите.

Вошла Ирэн, и поставила перед каждым фарфоровую чашечку с золотой каёмочкой. А на середину стола заварочный чайник, сахарницу и молочник.

— Спасибо, котёнок, — сказал Фрэнк, прижав её руку к своим губам.

— Ирэн, хотите быть женой мэра этого города? — спросил Роджер с улыбкой.

Ирэн, положив руки на плечи Фрэнка.

— Почему нет? — лукаво ответила она, заставив Фрэнка поморщиться.

Требовательный, пронзительный звонок в дверь огласил столовую.

— Милорд, — голос Дорис дрожал. — Там полицейские. Они сказали, что пришли за мистером Кармайклом.

Распахнулась дверь. За столом сидел хмурый Стэнвуд, делал вид, что перебирает бумаги. У него чуть заметно дрожали руки, которые он не знал, куда девать. Открывал ящики стола, вытаскивал какие-то вещи, бросал их назад. Усадив Фрэнка на стул в центре, копы вытянулись в струнку, как часовые. Все замерли в томительном ожидании. Время тянулось невыносимо медленно. Наконец, хлопнула входная дверь. Вошёл, будто влетел, Райзен. Его обычно бесстрастное лицо излучало сейчас такое откровенное злорадство и ликование, что Фрэнка передёрнуло.

Бросив удовлетворённый взгляд, Райзен присел на подобострастно предложенный ему стул. Взял со стола Стэнвуда пухлую папку, взвесил на руке.

— Видишь, сколько на тебя, мерзавец, компромата?

— Я внимательно слушаю, — насмешливо проронил Фрэнк.

— Мы знаем, что тебя зовут Франклин Фольклэнд.

— Да, это ужасное преступление.

— Не перебивай, — сказал Райзен без тени раздражения. — Ты пробрался тайком в этот город, выдавал себя за Эдварда Кармайкла. Реальный племянник сэра Роджера в клинике. Втёрся в доверие к уважаемому человеку, чтобы скрыть свою истинную деятельность.

— Интересно какую? Работу в качестве конструктора на его заводе? Или занимаясь благотворительностью? — спросил насмешливо Фрэнк.

— Ты занимался благотворительностью, исключительно для того, чтобы завоевать дешёвую популярность в городе. Тебе это удалось. Но это ненадолго. Когда люди узнают, кто ты на самом деле, они будут проклинать тебя.

— И кто я на самом деле, Райзен? Ну да, я действительно Фолькленд, попал на этот остров случайно. Оказался на заводе Хаммерсмита, где вместо оплаты меня подвергали пыткам. Это страшное преступление.

Губы Райзена тронула гадливая улыбка.

— Мы знаем, что ты главарь бандитов, — изрёк он. — Грабил уважаемых людей, шантажировал их. Разрушал жизнь в городе.

— И кого я ограбил?

— Ну, к примеру, Хаммерсмита, — вытащив из папки несколько листов, Райзен помахал перед носом Фрэнка. — Он, между прочим, на грани разорения.

— Да, это правда, Райзен. Согласен. Но мы вернули ему все, до последнего цента. Мы сделали это, чтобы заставить его отказаться от пыток и кандалов на его заводе. Он был вынужден пойти на это.

— Благородный Робин Гуд, — с откровенной гадливостью протянул Райзен. — Самый презренный и безнравственный из всех легендарных героев. Заслужил ореол благодетеля, потому что занимался благотворительностью. Убедил людей, что главное не производить, а нуждаться. Это оправдание посредственности, которая не способна заработать себе на хлеб и поэтому требует лишить людей, которые богаче, их собственности. Подлейшее существо, дважды паразит. Отнимал у талантливых и отдавал паразитам.

— Это что Хаммерсмит талантливый? — усмехнулся Фрэнк. — Может, только как карточный шулер. Но я лишил его этой возможности. А то, что он разорился — это его проблемы. Если его рабочие разбежались, после того, как он перестал приковывать их к конвейеру. Потому, что он не в состоянии платить им столько, насколько они работают.

— Я говорил, что ты ничего не смыслишь в бизнесе. Рабочие получают ровно столько, насколько производят. Чем выше их производительность, тем больше они получают.

— Ну да, конечно. На нашем заводе самый короткий рабочий день, самая высокая оплата, социальные пособия. И мы выпускаем лучшую продукцию в городе. Если бы ты видел ту машину, которую я сделал перед ралли! Я не стал её демонстрировать. Это было бы просто нечестно. Я выступал на устаревшей тачке, и победил, несмотря на то, что конкуренты пытались мне помешать. Вплоть до того, что могли убить меня.

— Фолькленд, твои машины лучшие не потому, что твои рабочие так хорошо работают. А потому что ты — талантливый конструктор. А Роджер — великолепный бизнесмен. Без вас обоих, рабочие ничего бы не смогли сделать. Неужели ты будешь с этим спорить? Из-за тебя в городе стало больше паразитов. Ты создавал для них приюты и выплачивал пособия. За счёт тех, кто талантлив и трудолюбив. Зачем ты это делал, Фолькленд? Молчишь? А я тебе объясню. Ты хотел завладеть этим городом, ты жаждал, чтобы тебя боготворили, ставили тебе памятники из золота. Молились на тебя.

— Райзен, ты — идиот, — усмехнулся Фрэнк. — Не понимаешь элементарных вещей — я просто хотел помочь людям. И делал это исключительно анонимно. Я не трезвонил об этом в газетах, и не привлекал к себе внимания. Мне это не нужно. Тебе просто этого не понять.

— Также, под псевдонимом Тревор Спенсер ты клеветал на уважаемых людей города, — продолжил Райзен спокойно. — Что тоже привело к их разорению.

— Ты про Каваллини?

— Разумеется. Он был вынужден продать театр. Очень дёшево. И кому же именно он продал? Тебе! Именно этого ты и добивался.

— Каваллини — бездарность. И все прекрасно это поняли, Райзен. Я предложил людям настоящее искусство. А он потакал низменным инстинктам толпы. Он ничего не мог дать зрителю, кроме голых задниц и матерщины. Это вышло из моды, он разорился. Это его проблемы. Не мои.

— Но самого главного ты не учёл, — торжество в голосе Райзена достигло апогея.

Он вытащил пачку фотографий, на которых был запечатлён миловидный темноволосый парень с нежным овалом лица, как у юной девочки. Вьющиеся волосы изящной волной обрамляли высокий, чистый лоб. Пронзительные умные глаза, маленький рот с пухлыми губами, волевой подбородок с ямочкой.

— Мне очень лестно, Райзен. Но я так до пластической операции не выглядел. Этот парень лучше будет.

— Нейл Саммерс и Джон Коннели опознали в этом молодом человеке тебя. Они же знают, как ты реально выглядел, когда работал на заводе Хаммерсмита. Ты не сможешь это отрицать.

— И кто он?

— Психопат-убийца. Вымогал деньги у несчастных родителей за похищенную дочь, двенадцатилетнюю девочку, которую насиловал, потом убил. И пришел ей веки к бровям, чтобы долго выдавать за живую.

Райзен с удовольствием заметил, как пленник замер, от лица отлила вся кровь.

— Что, Фольклэнд? Ты не ожидал, что мы это узнаем?

— Райзен, я этого не делал, чёрт возьми! — возмущённо воскликнул Фрэнк. — Роджер знает, как я выглядел до операции! Это знает и Юргенсон, его личный врач! У Саммерса и Коннели огромный зуб на меня. После того, как я вывел их на чистую воду. Рассказал правду об их, так называемой, профсоюзной деятельности. На самом деле, они занимались настоящим рэккетом. Им выгодно мне отомстить. Роджер скажет...

— Кармайклу тоже выгодно тебя прикрывать, — перебил его Райзен, брезгливо поморщившись. — Благодаря тебе он утроил прибыль своего завода. Стал лидером на рынке. Ему было скучно в одиночестве. Он убил сразу двух зайцев. Вместо своего лоботряса-племянника нашёл преемника и великолепного конструктора. А то, что ты — безжалостный насильник и убийца, его не будет волновать.

— Райзен, ты не пойдёшь на такой подлог, — покачал головой Фрэнк. — Я не верю. У тебя тоже есть принципы. Да, я признаю, что я — лидер мятежников. Мы действительно грабили бизнесменов. Я готов понести за это наказание. Могу отсидеть в тюрьме, ты можешь меня повесить за это. Но я не убийца и не маньяк. Зачем мне похищать невинного ребёнка?

— Ну, к примеру, чтобы отомстить. Эта несчастная девочка — дочь Барта Джордана,

который не выдал тебе кредит, когда кто-то похитил твою жену и требовал выкуп. Ты разозлился, и решил, таким образом, его наказать.

Фрэнк сглотнул комок в горле, у него задрожала нижняя губа, выдавая сильное волнение. Вместе с удовлетворением, у Райзена шевельнулась жалость в груди.

— Райзен, в запальчивости ты потерял весь свой хваленый рациональный разум, — неожиданно подал голос Фрэнк. — Когда этот мошенник Джордан не выдал мне кредит, я уже был похож на Эдварда, а не на этого мерзавца. А, во-вторых, никакой дочери у Джордана нет. Я знаю, ни у кого из крупных бизнесменов города нет детей. Воспитание детей — бессмысленная трата времени и денег на существ без интеллекта, разума, которые не могут ничего дать взамен, пока маленькие...

Райзен помрачнел. Противник вновь перехватил инициативу.

— А у тебя есть дети, Фолькленд?

— Да. Две девочки и мальчик.

— Так почему же ты не захотел к ним вернуться? А, Фолькленд? Что тебе помешало? Ну, когда ты был никем, ты не мог это сделать. Но сейчас, когда почти весь город принадлежит тебе. Лучшие мощности на заводе Роджера.

Фрэнк сжал плотно губы, отвёл глаза.

— А, вот я тебя и поймал! Ты не хотел уезжать, потому, что хотел занять моё место!

— Бред. Райзен, там, на большой земле, я был советником мэра Сан-Франциско по правам человека...

— От коммунистов... — брезгливо перебил его Райзен.

— От демократов, Райзен. От демократов.

— Это одно и то же.

— Через десять-пятнадцать лет я мог стать мэром. Мэром города, который в сто раз превышает твой, — спокойно пояснял Фрэнк. — Но ты знаешь прекрасно. Вокруг твоего города установлен барьер.

Райзен усмехнулся, в глазах появилось дьявольское самодовольство.

— Барьер стоит только для выхода в море. А ты мог сделать самолёт, вертолёт, космический корабль.

— Космический корабль? — быстро переспросил Фрэнк. — Откуда ты знаешь...

— Так почему, Фолькленд? Вот я тебя и поймал. Ты остался, чтобы завладеть всем. А теперь все узнают, что их благодетель — психопат, убийца, маньяк, насильник. Это ведь не единственный случай похищения. Но я могу дать тебе шанс умереть честным человеком. Ты должен будешь рассказать все о мятежниках, дать координаты штаба, сдашь всех своих людей. Изложишь письменно все, что вы делали. И тогда мы просто тебя повесим. Но никто не узнает, что ты — психопат-убийца

— Никогда, — проронил Фрэнк, самообладание уже вернулось к нему. — Никогда в жизни, Райзен. Скорее ад замёрзнет, чем я предам своих друзей. А пытками ты ничего не добьёшься. Я прошёл такой ад на заводе Хаммерсмита, что выдержу все.

— Нет, Фолькленд. Не выдержишь. Вот именно потому, что ты знаешь, как это больно ты уже сейчас внутренне дрожишь от страха. Ты боишься, что тебя каждый день будут доводить до предсмертных конвульсий, а потом вновь воскрешать.

— Ты так красиво и убедительно это говоришь, Райзен, — спокойно отозвался Фрэнк. — Потому что сам много раз испытывал эти предсмертные муки. Когда кто-то из недовольных горожан тебя убивал, ты вновь возрождался в камерах жизни. Но перед этим ты

жутко страдал. Это вранье, что человек умирает сразу. Сознание угасает постепенно, заставляя страдать. Мучительно.

Райзен зло сузил глаза, нахмурился.

— Кто-то тебе рассказал об этом, — мрачно проговорил он. — Может быть, ты собирався вывести из строя камеры, чтобы убить меня?

Фрэнк криво усмехнулся.

— Видишь, ты во всем сознался, — подытожил Райзен. — Ты хотел меня убить, чтобы насаждать свои красные порядки. Но я не позволю тебе этого сделать.

— Райзен, если ты меня осудишь, публично повесишь. Закроешь приюты, библиотеку, дома для престарелых и инвалидов, которые я построил. Неужели ты думаешь, что твоя популярность вырастет из-за этого? Она упадёт до нуля. Гарантирую. А, может быть, ты получишь гражданскую войну. На моё место придут другие.

— Не придут. Я уничтожу всех, выжгу калёным железом всю красную заразу. И в городе вновь воцарится мир. А ты мне в этом поможешь. Давайте пока начнём, — он кивнул Стэнвуду, который насупившись, сидел за столом, выслушивая весь этот диалог.

Охранники застегнули на руках арестованного кандалы и потащили в угол, где защёлкнули на его ногах металлические скобы, прибитые к полу, пропустили цепь кандалов через вделанное в потолок кольцо и закрыли на замок, растянув тело так, чтобы он не имел ни малейшей возможности отклониться от ударов. Один из охранников взял длинный кнут и стал хлестать по обнажённому телу.

Охранник был мастером своего дела: кнут с крючком на конце зацеплялся за кожу, палач, не отнимая от тела, он проводил вверх, сдирая полосы кожи, оставляя длинные, кровавые борозды, текли струйки крови, которая скапливалась внизу в лужице.

После трёх десятков ударов, тело несчастного безвольно повисло. Райзен сделал предупреждающий жест рукой.

«Моё предложение остаётся в силе. Признание и твои мучения закончатся».

И услышал лишь одно короткое слово:

— Никогда.

Райзен задумался. Безусловно, он не надеялся, что враг сдастся так быстро. Нужно было придумать нечто иное. Он развернулся и молча вышел из кабинета. Стэнвуд с облегчением вздохнул. Взглянув на Фрэнка, который безвольно повис на руках охранников, подошёл к столу, достал из ящика шприц и передал охраннику, чтобы тот сделал укол сыворотки. Когда глаза арестованного стали более осмысленными, Стэнвуд подошёл к нему.

— Соглашайся, Фолькленд, иначе будет только хуже, — грозно проговорил он, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

За завтраком, Камилла обратила внимания на задумчивый, напряжённый взгляд мужа, спросила, чем тот озабочен.

— Полиции удалось арестовать маньяка-убийцу, — ответил Райзен. — Его теперь допрашивают. Но пока он молчит. И знаешь, кто он такой? Эдвард Кармайкл.

Камилла замерла, чуть заметно побледнела. Взяв себя в руки, наклонилась над тарелкой и начала ковырять гарнир.

— Кстати, он вовсе не Эдвард, — продолжил Райзен. — Этот подонок только выдавал себя за племянника сэра Роджера. На самом деле, его зовут Фрэнк Фолькленд. Когда он

признается, я его повешу.

— Люди могут решить, — произнесла Камилла очень тихо, одними губами. — Что ты разделался с ним из личной мести.

— Да уж, этот гадёныш сумел завоевать популярность у людей. Я забывал тебе сказать. «Городские новости» это его газета, он писал там гнусные статейки под псевдонимом Тревор Спенсер. Обливал грязью уважаемых людей, дискредитировал их. Из-за него мистер Каваллини чуть не покончил с собой. Но теперь я верну ему здание театра. И справедливость восторжествует.

— Ты закроешь приюты?

— Разумеется. Дорогая, никто не должен пользоваться плодами чужих трудов, сам ничего не делая.

— И для детей тоже? — сказала Камилла, в голосе ощутимо проскальзывала жалость. — Они не виноваты.

— Разумеется, я закрою все сиротские приюты. На чьи деньги они будут содержаться? — спросил он язвительно. — Большая часть средств поступала от Кармайкла. Я конфискую его компанию и выставлю на торги.

— Почему? — поразила Камилла. — Если Эдвард, то есть этот человек — преступник, причём тут компания сэра Роджера? Лорд Кармайкл мог чувствовать себя очень одиноким, поэтому нашёл похожего молодого человека, — предположила она

— Камилла, дорогая, Роджер прекрасно знал, что его мнимый племянник — бандит и маньяк-убийца. У меня есть неопровержимые доказательства. Кармайкл оплатил пластическую операцию по превращению этого мерзавца в Эдварда. И более чем уверен, что Роджер сам участвовал во всех махинациях. Вся эта благотворительность была лишь прикрытием мерзких дел, которые творил его мнимый племянник. Он и его дружки шантажировали уважаемых бизнесменов города, заставляя выполнять все их условия.

— А что именно они требовали? — робко произнесла Камилла.

— Выполнение их требований приводили к разорению многих бизнесменов, — ушёл от конкретного ответа Райзен. — Например, мистера Хаммерсмита.

Он заметил ироничный взгляд, который бросила на него жена, и ощутил, как внутри начинает закипать ярость.

— И зачем же ему все это?

— Неужели ты не понимаешь, дорогая? Этот мерзавец хотел захватить власть в городе! Чтобы установить свои порядки. Заставил бы всех плясать под свою дудочку — служить его идеалам, всеобщему общественному благу. Он коммунист, — добавил он с отвращением, вспомнив разговор с Алисой Розенберг, которая сообщила о том, как хорошо Фольклэнд разбирается в марксизме. — Я подозревал, что у него левые взгляды. И кое-кто позволил мне в этом убедиться. Можешь себе представить, чернь пришла бы к власти, как в России в 1917-м году. Они уничтожили бы всех талантливых людей, умеющих работать. Тех, кто сумел тяжким трудом заработать своё богатство. Они бы отняли их собственность и отдали бы паразитам.

— Алан, он сам бизнесмен, зачем ему свергать других? — возразила Камилла. — И талантливый инженер.

— Ты стала слишком рьяно его защищать, — с отвращением оборвал её Райзен. — Тебе его так жаль? Молодой, привлекательный мужчина. Умеет доставить удовольствие? — проговорил он, бросив изучающий взгляд на жену.

Камилла смутилась и опустила голову.

Этот разговор посеял в душе Райзена серьёзные сомнения. Нейл Саммерс был ненадёжным свидетелем. Значит, надо все-таки привлечь Кармайкла. Райзен вздохнул. Как он ни старался, не мог отогнать от себя мысль, что с Роджером их связывала многолетняя дружба, они не вели общего бизнеса, но хорошо понимали друг друга. Роджер вёл дела в Штатах, там и познакомился с мультимиллиардером Аланом Райзеном. И присоединился к его проекту — городу, отрезанному от остального мира. Но Роджер — предатель. Он рассказал врагу о камерах жизни.

Райзен прошёл в кабинет к Стэнвуду, который тут же подобострастно вскочил и двинулся к главе города.

— Ну что ж, — проронил Райзен. — Продолжил допрос. Думаю, стоит вывести на сцену новых персонажей. Приведите пока Кармайкла. Пусть он присутствует при допросе Фолькленда.

— Мистер Райзен, нам не удалось арестовать сэра Роджера. А также полиция не смогла найти и Ирэн Веллер. Они исчезли, — быстро проговорил Стэнвуд, стараясь придать голосу сожаление, злорадно наблюдая, как вытянулось лицо босса.

— Раз так, — произнёс зловеще Райзен. — Тогда проведите Фолькленда через «испанский стул».

Стэнвуда бросило в холодную дрожь. Он не ожидал таких решительных действий.

— Мистер Райзен, — попытался возразить Стэнвуд. — Бандит может погибнуть слишком быстро, и мы ничего от него не добьёмся.

— Ничего страшного. Этот мерзавец — молод, здоров. Выдержит. Кроме того, он может просто испугаться, все нам выложит. И пытаться его не понадобится, — добавил он насмешливо, незаметно наблюдая за выражением лица Стэнвуда.

Фрэнк ощутил, как у него подкашиваются ноги, когда увидел, что ему уготовили. По спине потекли холодные струйки пота.

— Ну что, Фолькленд, соглашайся, пока не поздно. Ты уже через это проходил. На заводе Хаммерсмита. Знаешь, что это такое. Наверно, очень больно? Адски больно? И унижительно. Когда кол медленно входит в твою задницу, раздирая потом внутренности? — поинтересовался он издевательски. — Если будут задеты жизненно важные органы — мгновенная смерть. Но все в твоих руках.

Фрэнк постарался унять страх, отключиться от зрелища «стула», с торчащим из него металлическим штырём.

— Райзен ты такой же извращенец, как и твой дружок Каваллини. Тебе доставляет сексуальное удовлетворение видеть подобные мучения. По-другому уже не можешь его получать?

Райзен повернул голову в сторону врага. Фрэнк даже не отвёл взгляда, продолжая улыбаться. Этот подонок умудрялся иронизировать. Бравада на эшафоте. Хочет разозлить, чтобы его сразу повесили.

Райзен кивнул головой для начала экзекуции. Стэнвуд дал указание и отвёл глаза, чтобы не видеть мучений бедняги. Леденящий душу мучительный крик заставил его вздрогнуть и вжать голову в плечи. Он перевёл глаза на Райзена, и с отвращением передёрнулся, заметив, с каким дьявольским наслаждением тот наблюдает страдания несчастного, который корчился от дикой боли. Когда тело беспомощно повисло на цепях, на лице Райзена

отразилось сильнейшее разочарование. Он остался недоволен тем, что адские муки его врага закончились слишком быстро.

— Снимите эту пададь, — проронил он, всматриваясь с брезгливостью в лицо Фрэнка.

Стэнвуд сделал знак полицейским, и с облегчением вздохнул, когда понял, что истерзанный пленник жив.

— Видишь, — сказал Райзен, когда Фрэнку ввели сыворотку, и он открыл глаза. — Продукция моей компании возвращает человека к жизни. Ты бы сдох, если бы её не существовало. А ты с такой злобой осуждал это замечательное, уникальное вещество в своей гнусной газетёнке. И поверь мне, тебе придётся пройти через множество мучений, прежде чем ты окончательно отправишься на тот свет. Впрочем, ты можешь в любой момент прекратить свои страдания. Одно твоё слово — и ты будешь свободен.

— Ненавижу тебя, Райзен, — прошептал сдавленным голосом Фрэнк. — Сам скорс сдохнешь! Получишь за все. Сполна!

Райзен начал терять самообладание. Пока из Фолькланда выбивают признание, его подельники работают над тем, как вывести из строя камеры жизни. И тогда все потеряет значение. Всё! Фольклэнд умрёт. Но и Райзену останется недолго. Надо было пожертвовать чем-то очень важным, может быть самым важным и дорогим в жизни.

Фрэнк услышал звон ключей в двери, и встал. Охранник вошёл в камеру и привёл его в кабинет шефа полиции, где Фрэнк опять увидел сидевшего за столом насупившегося Стэнвуда. Он хотел что-то сказать, но лишь молча опустил голову. Фрэнка привязали к одной из балок, подпирающих потолок в кабинете. Вошёл Райзен, подошёл ближе и зловеще объявил:

— Я тебе хочу показать очень интересное зрелище. Надеюсь, что тебе понравится.

Он сделал знак и к ужасу Фрэнка двое полицейских втащили в кабинет Камиллу, и привязали. Один из них, скаля зубы, подошёл к ней, и, погладив её по щеке, произнёс гадливо:

— Какая сладкая девочка!

Фрэнк бросил взгляд на ухмыляющегося Райзена и проговорил, чуть заикаясь:

— Райзен, клянусь, у меня ничего не было с твоей женой.

— Не было, говоришь? — достав из пухлой папки фотографии, Райзен сунул их Фрэнку. — А это как называется?

Фрэнк бросил взгляд. Именно эти снимки Райзен прислал Ирэн. Кто-то сфотографировал его с Камиллой в тот единственный вечер, когда они занимались любовью.

— Боже, Райзен, она же твоя жена, — прошептал Фрэнк. — Как ты можешь?!

— Тебе её жалко? — поинтересовался Райзен с довольной ухмылкой. — Так спаси, ты же у нас великодушный, благородный человек, альтруист. Я даже не требую жертвовать ради неё жизнью. Лишь хочу, чтобы ты признался в своих преступлениях. И все закончится. Уверяю тебя. И для неё. И для тебя.

Фрэнк, замерев от ужаса, тяжело дыша, наблюдал, как содрогается тело Камиллы, слышал её сдавленные стоны. И волна отчаянного, невыносимого бессилия заполняла душу.

— Я согласен, Райзен, — пробормотал он. — Я дам координаты штаба, список всех, кто состоит в группировке, расскажу обо всех технических устройствах, которые я сделал. Отпусти её.

Райзен сделал жест, чтобы копы прекратили издеваться над Камиллой, и спросил,

наклонив голову, изучая выражение лица Фрэнка:

— Не передумаешь?

Фрэнк отрицательно помотал головой.

Райзен с возрастающим интересом наблюдал, как Фолькленд летящим, каллиграфическим почерком покрывает значками бумагу. Когда он отложил в сторону лист, Райзен мгновенно выхватил его и жадно впился глазами.

— Ага! Как же я сразу не догадался, что штаб на закрытой станции метро. Там была лаборатория Берты Верден. Черт возьми, это же элементарно!

Он коротко расхохотался. Выхватил ещё один лист бумаги, пробежал глазами.

— Бедфорд, соберите отряд полицейских. Из самых лучших ваших людей, и сейчас же отправляйтесь! Самых лучших, слышите?! Их всех надо взять живыми. Всех бандитов надо взять живыми! — повторил он отдельно и чётко. — Вы поняли, Бедфорд?

— Слушаюсь, мистер Райзен! — бодро отрапортовал тот.

— Стэнвуд, а вы подготовьте все для казни. Завтра, мы избавимся от этой красной заразы навсегда. И в городе опять воцарится мир и спокойствие.

Стэнвуд бросил взгляд на Фрэнка, перевёл на Райзена, угрюмо буркнул:

— Слушаюсь, мистер Райзен.

Оставшись наедине с пленником, Райзен самодовольно изрёк:

— Ну что, ад замёрз? А, Фолькленд, — он вновь зло хохотнул. — Представь, если бы ты не был таким альтруистом, ты бы не предал своих товарищей. И они бы не погибли. Теперь ты понимаешь разницу между разумным эгоизмом и альтруизмом? Моральный каннибализм, который ведёт к полному разрушению. А я забочусь только о своём выживании.

— Да, Райзен, ты готов ради этого на всё, даже пожертвовать собственной женой, — тихо сказал Фрэнк.

— Ей было непросто согласиться на эту инсценировку, — ухмыльнулся Райзен.

— Инсценировку? — не выдержал Фрэнк, вскочив на ноги. Цепь, которая приковывала его руку, натянулась до предела, заставив Райзена инстинктивно отшатнуться. — Инсценировку?! — голос звучал так отчаянно, что Райзен ощутил прилив физического наслаждение от своей победы.

— Разумеется. Камилла поняла, что таким образом она поможет мне выжить. Я очень дорог ей. Да, Фолькленд.

Фрэнк сглотнул комок в горле. У него на глазах начали собираться слёзы, которые он всеми силами пытался скрыть.

— Безжалостный подонок, — прошептал он одними губами. — Мерзавец.

— Нет, Фолькленд, если бы я был безжалостным. Я заставил тебя наблюдать за гибелью твоих товарищей. Одного за другим. На виселице. И повесил бы тебя последним. Нет-нет. Я оставил бы тебя в живых! Чтобы ты всю оставшуюся жизнь мучился под грузом своего предательства. Но так уж и быть, я тоже могу проявить великодушие и повешу тебя первым.

Глава 17. Шантаж

Ровно в два часа, Док услышал громкий, требовательный голос, усиленный мегафоном:
— Вы окружены, сопротивление бесполезно. Даю три минуты на размышление, чтобы сдаться!

Шон усмехнувшись, посмотрел на Дока, с сарказмом проронил:

— Бедфорд разоряется. Предвкушает, как будет докладывать Райзену об успехе операции.

Док бросил на него взгляд, в котором ощущалось отчаянное веселье, и перезарядил дробовик. Не дождавшись никакой реакции, копы начали пушкой разбивать стальные ворота шлюза, которые перекрывали путь на станцию.

Копы ворвались на станцию, их встретил проливной огонь турелей, встроенных в пол и стены у входа, но они сдержали натиск полиции ненадолго. Быстро уничтожив пулемётные точки выстрелами из гранатомётов, копы бросились на платформу, и начали долбить стальные ворота, ведущие в основное помещение.

У Дока ожила рация, и он услышал голос Боба:

— Док, Стэнвуд, быстро возвращайтесь. Мы отходим.

— Мы задержим копов, пока вы будете отходить, — ответил Док.

— Не надо, Док! Мы установим защитный барьер. Быстрее!

Копы, не заметив никакого сопротивления, пронеслись яростной лавиной. Заметив в глубине, словно в лёгкой дымке, несколько фигур, вскинули дробовики и залпом выстрелили. К их изумлению, пули воткнулись в полупрозрачную преграду, которая как тетива лука упруго отстрелила их под ноги. Бедфорд, стоявший за ними, заорал:

— Что вы вылупились, остолопы, стреляйте снарядами!

Копы, быстро сняв с плеча гранатомёты, выпустили несколько снарядов, которых невидимая стена тоже с лёгкостью отбросила, и они просвистели над головами еле успевших пригнуться копов.

Бедфорд подкрался к тому месту, где находилась преграда, и провёл рукой, ощущая податливую, вязкую массу.

— Что это за чертовщина? — проронил он почти шёпотом, с ужасом ощущая, что операция провалилась. Постояв пару минут, Бедфорд, уже собрался скомандовать отступление, как заметил, что преграда начала таять и исчезла.

— Вперёд! — скомандовал Бедфорд радостно.

Копы стремглав пробежав по коридору, выскочили в круглый зал, через стеклянную крышу которого пробивались редкие лучи света. Обыскав помещение, они обнаружили дверь, ведущую в подвал, где по стенам тянулись трубы, изъеденные ржавчиной.

Копы ринулись туда, на них посыпались сверху камни, банки с краской, где-то вспыхнул огонь, ударил разряд тока. Часть копов свалилась замертво. Бедфорд скомандовал продвигаться осторожно, и не попадаться в ловушки, которые казались наивными.

Они выскочили в коридор. Медленно поднявшись по лестнице, попали в основное помещение, куда тоже выходило несколько дверей. Бедфорд отправил пару парней на разведку. Они вернулись через пять минут, растерянные и испуганные.

— Ну что? — воскликнул Бедфорд в нетерпении. — Вы нашли бандитов? Что устались на меня, болваны эдакие?

— Мы никого не нашли, — пробормотал один из копов.

Бедфорд в изумлении уставился на него.

— Что ты несёшь, мерзавец! Как это никого не нашли?! Куда же они все делись? — заорал он, с ужасом представив, что бунтовщикам каким-то образом удалось сбежать, хотя, кажется, он смог предусмотреть все. — Быстро обыскать все помещение, и чтобы мышь не ускользнула!

Копы поднялись вверх, и стали осторожно обыскивать комнаты, медленно прошли до конца коридора, и вошли в зал с большим экраном, занимавшим всю стену. Бедфорд медленно обошёл весь зал, и устало опустился на стул. На большом экране возникло изображение красных цифр, которые быстро стали уменьшаться. Один из копов, увидев это, с испугом посмотрел на своего босса, и, чуть заикаясь, пролепетал:

— Сэр, мне кажется, здесь сейчас все взорвётся.

Бедфорд обернулся к нему и, заметив быстро меняющиеся цифры, скомандовал:

— Быстро отходим!

И первым, как заяц стремительно ринулся назад. Он успел добежать до выхода из туннеля, как взрывная волна ударила его в спину, сбив с ног. Проворно вскочив, он ринулся вперёд, не видя, как языки яростного огня пожирают то место, где они только что находились.

Райзен стоял у окна, всматриваясь в панораму города, от вида которого даже его, рационально мыслящего человека, не подверженного случайным, неконтролируемым эмоциям, порой охватывал немыслимый, невероятный восторг. Небо посветлело над горизонтом. Вырвались первые лучи, окрасив каменные стены в бледно-розовый цвет. Этот город никогда не спал. Здесь всегда кипела жизнь — днём и ночью. Он ощущал единение с этими башнями. Жизнь в мёртвый камень вдохнул не Бог, а человек. Алан Райзен. Он создал это рукотворное чудо, он поддерживал его жизнедеятельность. А сейчас он спас этот город от катастрофы, чумы, красной заразы.

«Это праздник, которого я давно ждал. Жаль, что я не умею писать стихи. Ладно, к чёрту все. Надо заняться делом». Он подошёл к стене кабинета, нажал кнопку. Бесшумно отъехала панель, обнажив схему с весело перемигивающимися лампочками. Губы Райзена тронула удовлетворённая улыбка, он вышел в коридор, и быстрым шагом достиг спальни жены.

— Дорогая, ты готова?

Глубокая тишина. Он постучал и тут же, не дождавшись ответа, распахнул дверь. Камилла, полностью одетая, сгорбившись, сидела на кровати. Кажется, она даже не ложилась. Райзен сел рядом, взял за руку. Она вздрогнула.

— Алан, избавь меня от этого зрелища, — глухой, безжизненный звук, совсем не похожий на сочный, звонкий голос его жены.

— Дорогая, ему будет приятно видеть, что с тобой все в порядке. — Райзен излучал любезность и доброжелательность. Это выглядело искренним. — Не переживай. Я же не собираюсь его сажать на кол, сжигать, поджаривать на электрическом стуле. Лишь повешу. Вполне цивилизованный, почти безболезненный метод.

— За что, Алан? За что? За то, что он самый талантливый человек в городе? Может

быть, во всем мире. Атлант, о котором ты писал в своей книге. На плечах которого держится мир.

Слова звучали безжизненно, неестественно пафосно. Но она давно собиралась сказать их мужу. Хотя сейчас в её голосе ощущалась абсолютная безнадежность. Она не пыталась переубедить. Лишь констатировала факт бытия.

— Камилла. Он — главарь бандитов, которые боролись против порядков в городе. Он боролся против меня. Он хотел убить меня. Он сам в этом признался, — Райзен повторил то, что говорил много раз, и в чем был всегда убежден.

— Если бы он хотел тебя убить, давно бы это сделал.

Райзен ощутил, что закипает. Камилла стала вести себя совершенно нелогично, неразумно. Не понять элементарных вещей! Он ненавидел подобное больше всего. Райзен выбежал в коридор, но через мгновение вернулся.

— Вот, посмотри, Камилла. До того, как он стал Эдвардом, он был маньяком и убийцей. Он похищал и насиловал маленьких девочек.

Камилла бросила мимолётный взгляд на пачку листов с фотографиями в руках мужа. В её глазах промелькнуло презрение, и Райзен успокоился.

— Ты арестуешь сэра Роджера?

— Конечно, дорогая. Он помогал этому бандиту во всем. Он выдавал его за своего племянника, используя дружбу со мной.

— А его компания?

— Продам Блейтону. Может быть. Если у него хватит денег, конечно. Если не хватит, то пока установлю своих временных управляющих. Не волнуйся, дорогая, все будет в порядке. Сколько тебе нужно времени, чтобы привести себя в порядок?

— Нисколько, — также безжизненно ответила она.

Он оглядел её распухший нос, красные от бессонницы глаза, растрёпанные волосы. Она так следила за собой.

— Ты уверена? — не поверил он.

Она устало полуприкрыла глаза и вновь открыла, взяв сумочку с тумбочки, встала. Они спустились вниз, на улицу, Райзен услужливо распахнул перед женой дверь. Она прошествовала мимо, села на заднее сидение. Они ехали в гнетущем молчании. В конце концов, Райзен стало казаться, что он едет, чтобы повесить собственную жену.

Они проехали мимо площади Меркурия, и Райзен с удовольствием увидел ряд виселиц, выросших буквально за пару часов. «Стэнвуд — молодец. Он тоже бросил эти неразумные замашки. Понял, как надо работать».

— Куда мы едем, Алан? — Камилла решила нарушить молчание.

— Его не будут казнить публично, — объяснил он, прекрасно понимая, почему она спросила. — Некоторые несознательные горожане могут попытаться его освободить. Это будет частным порядком. Так. Маленький праздник, только для своих. В тюрьме.

Она опустила голову, кусая губы.

Машина въехала на тюремный двор, окружённый угрюмыми, кирпичными стенами с колючей проволокой наверху. Мрачное место. Райзен сам не мог сдержать дрожи, когда приезжал сюда. Он подал руку жене, ощутив её ледяной холод. Копы, поклонившись, услужливо распахнули перед ними дверь.

Это место выглядело, как узкий, каменный колодец. Из маленького окна, напоминающего бойницу, падал свет, обрисовывая место казни — эшафот, коробку из

необструганных досок. Около столба с рычагом уже стоял палач в форме, которая сливалась с общей темнотой, только поблескивали пуговицы. Со скучающим видом он курил.

Внутренний двор представлял собой роскошный зрительный зал для увеселения великосветской публики. Вокруг эшафота выстроились ряды бордовых кресел с бархатной обивкой и подлокотниками резного дерева с позолотой. Задником служила кирпичная стена, увитая плющом с плотными тёмно-зелёными листьями, который каким-то невероятным способом смог выжить, пробиться в этом месте, куда почти не проникал солнечный свет.

Здесь собрался весь цвет города собрался, самые влиятельные люди, крупные бизнесмены, владельцы газет, журналов. Райзен оглядел зрителей, с удовлетворением отметив, что пришли все — Каваллини, Блейтон, Хаммерсмит.

Удобно устроившись в центре первого ряда, Райзен быстро обвёл присутствующих довольным взглядом и сделал знак Стэнвуду, чтобы зрителям представили главного «актёра».

Фолькленд выглядел осунувшимся, настолько бледным, что все лицо сливалось в единый белый цвет, кроме глаз, которые словно горели ярко-голубым огнём. По губам Райзена пробежала довольная ухмылка. Фолькленд заметно боялся, у него дрожали колени, подкашивались ноги. Копы его подтолкнули нетерпеливо в спину, он споткнулся о ступеньку. Тяжело поднялся.

Копы установили арестанта на закрытый люк, один из них широко распахнул рубашку, обнажив незащитную шею, надел толстую, шершавую петлю. Райзен усмехнулся, успев заметить блеснувшую цепочку с крестиком. Камилла опустила голову, плотно сцепив пальцы рук, словно в молитве.

Фолькленд слабо пошатнулся, упав на одно колено. Опустил безвольно голову, выскользнув из петли. Райзен замер в ожидании, что преступник начнёт умолять о пощаде, но тот лишь попытался встать. Копы помогли ему, стали придерживать сзади. Райзен сделал знак. Палач резко опустил рычаг. Верёвка со свистом раскрутилась, распахнулись дверцы люка. Несчастный стал задыхаться, дёргаться в конвульсиях, но его безнадёжные попытки становились все слабее и слабее.

Камилла прижала платок к губам, словно её тошнило. Вскочила и быстро убежала.

Тело безжизненно обвисло, лишь покачивалось с лёгким скрипом. Райзен ощутил вновь прилив невероятного восторга, переходящего в почти физическое наслаждение. Все прошло, как по нотам. Он встал, вновь обвёл присутствующих взглядом. В какой-то момент ему хотелось услышать аплодисменты, овацию, но потом решил, это лишнее. Райзен подошёл к распростёртому на земле телу. «Хорошо, что Камилла не видит, как мерзко он теперь выглядит». Выпавший изо рта лиловый язык, свёрнутая набок шея с багровой бороздой. Между ног на брюках расплывалось мокрое пятно. В мертвецах никогда не было ничего привлекательного.

— Он мёртв? — поинтересовался Райзен скорее для проформы, чем из любопытства.

Врач, встав с колен, молча кивнул.

— Вы уверены?

— Можете сами убедиться, — ответил тот с чуть заметной иронией, махнув рукой в сторону неподвижного тела.

— Мистер Райзен, такое невозможно инсценировать, — проговорил Стэнвуд саркастически, но в голосе ощущалась только усталость.

— Хорошо. Кремируйте тело. Прямо сейчас, — приказал Райзен, не спуская глаз со Стэнвуда.

Шеф полиции замер, нахмурился, но быстро взял себя в руки.

— Что уставились? — грубо прикрикнул он на стоящих рядом копов. — Выполняйте приказ.

Райзен стоял около печи крематория, сложив руки на груди. Адский огонь с шумом и завыванием пожирал останки. Когда операция завершилась, выехал металлический ящик, наполненный толстым жирным слоем пепла. Что-то сверкнуло между полупрозрачными тёмными чешуйками. Райзен быстро протянул руку. Расплавленные, потерявшие форму часы. Перед глазами промелькнул, как видение яркий, солнечный день и счастливый гонщик, прижимающий сверкающий кубок к груди за победу в ралли. Такие часы были у него на руке.

Райзен поднял глаза и заметил отстранённый, печальный взгляд Стэнвуда.

— Неужели вам жаль этого мерзавца, Стэнвуд? — подняв одну бровь, спросил Райзен.

— Вы сейчас сожгли последнюю надежду на улучшение жизни в нашем городе, мистер Райзен, — ответил Стэнвуд с глубокой горечью.

Он медленно снял с груди значок и швырнул под ноги Райзену. Маленький предмет звонко щёлкнул по кафельной плитке, упруго отскочил в сторону. Тяжело переставляя ноги, заложив руки за спину, Стэнвуд медленно ушёл, совершенно не опасаясь, что его схватят.

Райзен остолбенел. Но через мгновение, показавшейся вечностью, крикнул полицейским, стоявшим рядом:

— Схватите его! Быстро!

Он не узнал своего срывающегося голоса.

Копы переглянулись между собой и бросились вслед Стэнвуду. Или сделали вид.

Райзен вернулся к эшафоту, вышел на свежий воздух, на каменный пустырь, где ждал автомобиль. Камиллы там не было. Он нахмурился и, перекатывая желваки, устроился на заднем сиденье.

— Моя жена не вернулась? — первым делом спросил Райзен, когда увидел на пороге особняка дворецкого.

— Нет, мистер Райзен, — ответил тот.

Райзен бросил взгляд на часы. С начала штурма штаба прошло уже больше восьми часов. Бедфорд скоро должен явиться с докладом.

Райзен поднялся к себе в кабинет, упав в кресло, нажал кнопку связи.

— Бедфорд не звонил?

— Нет, мистер Райзен, — послышался спокойный голос секретарши.

Райзен начал заметно нервничать.

— Найдите его немедленно!

Прошёл ещё час, затем второй и лишь к обеду Бедфорд явился к главе города, чтобы доложить о проделанной операции. На его лице Райзен к своему сильному неудовольствию увидел странную смесь ужаса и отчаянья.

— Бедфорд, доложите мне, как прошла операция, — в сильнейшем нетерпении воскликнул Райзен. — Сколько вам удалось захватить бунтовщиков, какие потери у полиции? Вы сожгли этот гадюшник? Черт возьми, вы должны были сообщить мне об этом несколько часов назад!

Бедфорд, пытаясь взять себя в руки, пробормотал:

— Да, там все сгорело. Абсолютно все. Сплошной ад.

— Что вы лепечите, Бедфорд? — раздражённо вскричал Райзен. — Что у вас произошло?! Немедленно расскажите мне, что случилось! Или я не знаю, что с вами сделаю!

— Мы напали на штаб, бунтовщики слабо сопротивлялись, — начал рассказывать Бедфорд хрипло. — Мы быстро сломали ворота, которые вели на станцию. Уничтожили все пулемётные точки по схеме, которую вы дали. И все это почти без сопротивления. Они отстреливались, но вяло. Но потом...

— И что потом? — перебил его Райзен, не понимая, почему взгляд собеседника стал таким безумным.

— Потом в коридоре, ведущем к штабу, появилась странная полупрозрачная стена, от неё отскакивали пули и ракеты.

— И вас это остановило? — резко спросил Райзен.

— Нет, потом барьер исчез, мы ворвались в штаб, но там было пусто. Никого. Мы обошли все, обыскали каждый дюйм. А потом все взорвалось! — с нескрываемым ужасом произнёс Бедфорд.

— Я ничего не понимаю! — прорычал раздражённо Райзен. — Как же бунтовщикам удалось скрыться?

— Наверно, их кто-то предупредил, — проблеял Бедфорд.

Райзен откинулся на спинку кресла, задумался.

— Что вы там нашли, доложите.

— Лабораторию, типографию, просмотровый зал с каким-то оборудованием. Но ни одного человека. Хотя у них было много раненных. Но мы никого не нашли.

— Ладно, Бедфорд. Что сделано, то сделано. Вам придётся начать все сначала, черт возьми! И найти логово бандитов. Вы поняли меня?

«Этот мерзавец все-таки смог обвести меня вокруг пальца. Ну, тогда я тоже не буду с ним церемониться»

Когда Бедфорд, понутив голову, ушёл, Райзен быстро набрал номер телефона.

— Соедините меня с мистером Бейкером.

Когда в трубке раздался голос главного редактора «Трибуны», Райзен проговорил:

— Не отправляйте номер в печать. Прежде сделайте добавление. Вы поняли меня? На первую полосу поместите заметку о том, что Фольклэнд был не только главарём бандитов, но и психопатом-убийцей, растлителем малолетних. Маньяком-убийцей. Вы слышите? Фотографии я вам передал. Вы поняли меня?

Он не смог уснуть всю ночь. Когда утром посыльный принёс свежие выпуски «Трибуны» и «Стандарт», Райзен лишь мельком бросил взгляд на первую полосу. Редактора обеих газет выполнили в точности его указание, поместив красочные фоторепортажи с места казни, статьи о маньяке-убийце. Но Райзена почему-то это оставило совершенно равнодушным.

Резкая трель звонка прервала его размышления. Райзен нетерпеливо схватил трубку и поморщился.

— Алан, я восхищаюсь тобой, — услышал он жеманный голос Каваллини. — Ты был на высоте. Уничтожив этого негодяя, ты стал героем. Нет. Ты был им всегда. Но сейчас ты просто поднялся на недостижимую высоту. Я хочу поставить в твою честь спектакль. Великолепное шоу. Ты разрешишь? Ты ведь так скромн.

— Да, — сухо ответил Райзен.

— Алан, — Каваллини застеснялся. — Я могу вновь работать в моем театре? Тот, который у меня отнял этот мерзавец?

— Это твой театр, — отрезал Райзен.

Он откинулся на спинку кресла, сцепив пальцы на животе. Потом встал и прошёлся по кабинету. Усмехнулся, представив, какое шоу получится у Каваллини. И ринулся к телефону, когда услышал новый звонок.

— Мистер Райзен, я не успел вам выразить своё восхищение, — в трубке раздался густой, низкий голос Блейтона. — Эта виртуозная операция. Наш город, наконец, избавился от раковой опухоли, которая расползалась, внушая людям дерзкие мысли, мешая им работать.

— Да, Джаред, что вы хотите? — перебил его Райзен, прекрасно осознавая, зачем тот позвонил.

— Ничего. Ничего особенного. Просто выказать своё восхищение и уважение. Ничего более. Ничего более. Ну, если только, — замялся Блейтон. — Я хотел узнать по поводу сэра Роджера? Я слышал, что он исчез. Это правда?

— Да, Джаред. Полиция не может его найти.

— Алан, я понимаю... Это не совсем честно. Но не могли бы вы передать мне компанию Кармайкла. Временно. Я думаю, никто, кроме меня не сможет поддержать её работоспособность...

— Джаред, компания будет выставлена на торги. Вы можете её купить.

— Я знаю. Но может быть в виде исключения, рассмотреть мою заявку. Я был бы очень благодарен...

— Джаред, я думаю, что эта компания должна принадлежать вам, — сухо бросил Райзен.

Больше всего на свете ему хотелось как можно быстрее оборвать этот неприятный разговор.

— Благодарю, Алан! Благодарю!

Райзен ощутил комок в горле, нахмурился. Помимо его воли перед мысленным взором возник жёлто-серый спорткар. Его массивный и в то же время изящный, обтекаемый корпус, который придавал облику стремительность. На этом авто Фольклэнд выиграл ралли, продемонстрировав невероятные способности, свои собственные и его детища. Машины Блейтона выглядели на этом фоне динозаврами.

«За что, Алан? За то, что он самый талантливый человек в городе?» Райзен словно наяву услышал голос Камиллы. Он звучал в голове, перебивая все мысли.

Телефон разрывался от звонков. Крупные бизнесмены города восхищались действиями главы города и выпрашивали у него подачки. Приторно восхищались и просили.

И Райзен так и не дождался самого главного звонка. От Камиллы.

Казнь Фольклэнда не восстановила мир, наоборот город стал погружаться в хаос гражданской войны. Спустя пары недель в городе появился новый лидер, наглый, хитрый, он будто бы знал все лазейки в окружении Райзена, и виртуозно наносил удар за ударом. Начались грабежи и погромы. После убийства нескольких крупных бизнесменов, Райзен решил взять управление этими компаниям в свои руки, но это только разозлило остальных горожан. Они стали переходить под знамя бунтовщиков ещё активнее. Полиция перестала вылавливать бандитов и стала заниматься охраной крупных бизнесменов. Это было выгоднее

и безопасней.

Райзен пришёл поначалу в ярость, когда главарь бандитов предложил ему встретиться с ним. Но любопытство взяло верх. Райзену захотелось воочию увидеть этого мерзавца, который разорял его город.

Они решили встретиться на нейтральной территории — в заброшенном ангаре на краю города. В назначенный час, Райзен приехал туда с охраной, хотя пока не опасался за свою жизнь. Ни одна камера жизни не была остановлена, все работали безукоризненно.

Он увидел высокую, стеклянную стену, разделившую помещение пополам. Около стены стояло два стула. Сев на один из них, приготовился ждать. Из образовавшегося портала вальяжно вышел человек в сопровождении пятерых амбалов. С презрением Райзен заметил на лице главаря маску. «Бойтся, что я его узнаю?». Вальяжно развалившись на стуле напротив Райзена, тот произнёс низким, глухим голосом:

— Мистер Райзен, я готов выслушать ваши предложения.

— Вначале я хочу услышать, что предлагаете вы, — произнёс Райзен как можно спокойнее.

— У нас одно предложение. Вы передаёте все компании города в наши руки, и мы прекратим войну.

Райзен понял, что голос собеседника тоже искажён до неузнаваемости, и лицо скривила гримаса презрения.

— И почему я должен это сделать? — спросил с насмешкой Райзен, — у меня достаточно сил, чтобы справиться и с вами, и с вашими бандитами.

— Здесь условия диктуем мы, и не называйте моих людей бандитами, они могут сильно рассердиться.

— Мне хотелось поговорить с человеком, — сказал Райзен брезгливо, — который решил предъявить права на то, на что он не имеет никаких прав.

— А какие у вас права?

— Я создал этот город, я вложил весь свой капитал в него.

— Разве это отвечает вашим принципам свободного предпринимательства? Вы писали в вашем философском труде, что государство не должно вмешиваться в экономику. Разве вы не олицетворяете государство? Или таким образом к этим действиям вас подтолкнула ваша свободная воля?

— Какое вам дело до моих принципов? — холодно бросил Райан. — Какое вам вообще дело до компаний, к которым вы не имеете никакого отношения?

— Мистер Райзен, в городе есть две силы — вы и я. Наши силы практически равны. Поэтому я считаю, что вы должны передать часть компаний моим людям, ради мира в городе.

— Мистер-не-знаю-как-вас-зовут, я вам ничего не должен. Я хотел посмотреть в лицо мерзавцу, который разжёг пожар гражданской войны в городе. В моем городе! И больше меня ничего не волновало. К моему прискорбию, я не смог увидеть даже это — вы трусливо прикрыли лицо. Вы боитесь меня, трус и негодяй!

— Мистер Райзен, ваши оскорбления меня не задевают. Главным виновником войны являетесь вы, а не я. Люди восстали против вашей тирании, против того, что вы заняли место Бога и решаете единолично, кого миловать, а кого казнить! Вы предали свои же идеалы!

— Какие напыщенные слова. И от кого я их слышу? От бандита! От одного из тех

паразитов, которых я ненавижу, потому что они требуют долю того, на что не имеют никакого права! Вы ничего не получите! Никогда!

— Мистер Райзен, это ваша серьёзная ошибка. И вы вскоре пожалеете о ней, — спокойно ответил собеседник, как будто ожидая этого.

— Не угрожай мне. Я пожалел только о том, что такие подонки ведут себя нагло и бесцеремонно. Чувствуют себя хозяевами, не имея для этого никакого основания. Знай, мерзавец, ты никогда не получишь мой город. Моя сила не в бетоне и стали, а в моей воле и моем интеллекте, и таким паразитам, как ты, этого никогда не понять.

— Мы не боимся вас, мистер Райзен, не боимся полиции во главе с Бедфордом, — он усмехнулся. — Даже Стэнвуд не смог служить под вашим началом. И никто не сможет.

— Значит, все будут служить тебе? Тогда я хотел бы увидеть лицо того, кому они будут служить.

— Вы действительно хотите этого, мистер Райзен? — спокойно спросил собеседник, и в его голосе Райзен услышал странное удовлетворение, как будто враг хотел, чтобы Райзен специально попросил об этом. — Может вам не стоит этого делать? Зачем вам страшные сны по ночам?

— А что твоё лицо так ужасно, что ему не помог даже мой препарат А-192? — язвительно проронил Райзен. — Кошмарнее лица мутанта? Хотя ты и есть сумасшедший мутант. Хуже тех, кто бегает по городу с обрезками труб.

— Ну что ж, мистер Райзен, я не хотел вас мучить воспоминаниями, — проронил саркастически собеседник и снял маску.

Райзен вздрогнул, увидев лицо Эдварда Кармайкла, под личиной которого так долго скрывался Фрэнк Фолькленд. Впрочем, глава города быстро обрёл самообладание. Любой человек в городе с помощью сыворотки мог сделать пластическую операцию и стать похожим на Эдварда. Это выглядело наивно.

— Видишь, Райзен. Раньше только ты использовал камеры жизни. А теперь и я смогу воскреснуть, благодаря им! — воскликнул бандит. — Пару месяцев назад ты подло и низко убил меня. Но я вернулся, чтобы предъявить свои требования!

— А ты займёшь моё место, Фолькленд? — спросил Райзен насмешливо. — Ты всегда этого хотел, я знал, что ты — коммунист. Хочешь установить свои красные порядки?

— Ты прав, Райзен. Я действительно коммунист. И если ты не пойдёшь на уступки. Я сравняю этот город с землёй! Мы уничтожим все автоматы по продаже сыворотки А-192, камеры жизни, которые даруют тебе бессмертие. И повесим всех буржуев на фонарях, — высокомерно изрёк он. — Даю тебе сутки на раздумье. Если ответа не последует, мы разнесём на клочки весь город! — злорадно добавил он, и вместе с амбалами исчез в портале.

Глава 18. Хаос

— Давай, Хэнк, поднимай свой задницу. На дело идём, — сказал Джон Карпентер, верзила с абсолютно лысой головой, бугристым черепом, и маленькими, близко посаженными глазками.

Средством передвижения банды служил студебекер пикап, раздолбанный и грязный. Они расселились на скамейки, из которой торчали ржавые шляпки гвоздей.

Моросил мерзкий дождик, ледяной, не по-осеннему, ветер пробирал насквозь. Воздух наполнял запах гари и разлагающейся плоти. Город лежал в руинах, останки некогда великолепных особняков зияли чёрными провалами, разрушенными стенами, сгоревшими дотла садами. На улицах валялись трупы и почерневшие остовы машин, которые никто не убирал. Редкие прохожие, боязливо втянув головы в плечи, перебегали быстро с одного места на другое и шмыгали в незаметные щели, как мыши. Тёмные личности торговали в подворотнях неопределённого вида тряпьем. Машина зафырчала и понеслась, грохоча, как танк по улице.

— А почему мы не поехали в квартал Джона Голта? Там же все богачи и живут. Блейтон, Хаммерсмит, — поинтересовался его сосед.

Карпентер высокомерно взглянул на него, как на полного идиота. Хэнк появился в банде недавно. На первый взгляд, он мало отличался от остальных бандитов, бывших работяг — скуластое лицо, словно грубо вылепленное из глины, крупный рот, длинный нос, вечно растрёпанные тёмные волосы. Он быстро приобрёл доверие главаря, неплохо стрелял, умел отлично водить тачку, но, главное, здорово разбирался в технических устройствах города и мог вскрыть сейф любой сложности за секунды. Но Карпентер не доверял ему. В этом парне ощущалось что-то чуждое.

— Ты спятил? Там же охрана дай боже, — сплюнув бычок, проворчал Карпентер. — Элитное подразделение полиции, заборы под электротоком. Охнуть не успеешь, как в головешку превратишься. Ты что не видел, какой там контроль стоит на въезде? Вышки, охранники до зубов вооружённые.

Мимо промелькнул длинный, остроконечный, металлический забор, почти заслонивший небо за ним. Пикап свернул на улицу и остановился около одного из кирпичных домов с треугольной крышей. Главарь ногой вышиб дверь, и остальные гурьбой вкатились в прихожую.

Двое громил притащили немолодого мужчину с аккуратной стрижкой бобриком.

— Ключи от сейфов! — приказал главарь.

Хозяин дома вскрикнул:

— Эдвард? Как вы можете?! Я Кливленд, директор... директор вашего завода. Вы же хорошо меня знаете!

— Заткни пасть. Быстро ключи, или от тебя мокрое место останется! Директор он, — проорал главарь недовольно.

Кливленд, ощутило дрожа, вытащил из кармана связку и подал ему.

— Показывай, — высокомерно изрёк он. — Где держишь награбленное у рабочего класса добро.

Бандиты ворвались в кабинет, и радостно ухмыляясь, стали тащить из открытого сейфа

пачки банкнот, мешочки с драгоценностями. Они обошли дом, сорвали со стен пару гобеленов, картин, опрокинули сервант с посудой. Удовлетворившись, вывалились из дома, и отправились на новое место. В одном из особняков они наткнулись на слишком строптивного хозяина, который отказался отдавать ключи. Главарь приказал его избить и сам с садистским наслаждением наблюдал, как двое здоровых бандитов метелят щуплого, небольшого роста хозяина в пенсне.

— Я могу вскрыть эти сейфы, зачем с ним возиться?

Главарь бросил взгляд на новичка и кивнул. Хэнк подошёл к сейфу, начал прослушивать щелчки кодового замка.

— Негодяи, подонки! — закричал хозяин в отчаянье. — Я всю жизнь работал, чтобы это накопить!

Парень прервался, и, перехватив хозяина, бросил в объятья Карпентера, который тут же приставил к виску бедолаги револьвер.

— Заткнись, паскуда! — проревел верзила. — Заработал он. На нашем горбу ездили. Хапуги. Теперь мы — хозяева. Понял? Давай, Хэнк, чего возишься!

Замок щёлкнул, тяжёлая дверь приоткрылась, в глубине что-то блеснуло. Бандиты бросились жадной толпой, но обнаружили лишь небольшой слиток золота и пару шкатулок с кучкой бус из жемчуга и янтаря. Не найдя ничего особо ценного, пошли громить дом. Хозяин остался один на один с парнем, вскрывшим сейф. Тот отошёл к окну, прислонившись к подоконнику, молча закурил.

— Как вы можете, — плачущим голосом пробормотал хозяин, подойдя к нему и вглядываясь в лицо. — Зачем... вы это делаете?

Он присел, и, всхлипывая начал собирать разбросанные бусинки.

— Вот, возьмите, — услышал он тихий голос.

Парень протягивал горсть собранных драгоценностей. Кливленд вгляделся в его лицо, ему показалось, что он уже слышал этот голос раньше.

Банда переместилась к другому дому. Они ввалились в сад, состоящий из сожжённых деревьев, растоптанных клумб прекрасного некогда сада, прошли, всматриваясь в окна, закрытые плотными, металлическими ставнями. Главарь взошёл на крыльце, подёргал ручку и с досадой смачно харкнул на землю.

— Кодовый замок. Эй, ты, как тебя, новичок. Вскрыть сможешь?

Новичок молча кивнул. Главарь, пережёвывая сигаретный бычок, понаблюдал, как тонкие, изящные пальцы парня легко пробежали по кнопкам, замок услужливо щёлкнул.

— Быстро, — не выдержал бандит. — Где ж ты так научился, а Хэнк?

В его голосе ощущалась явная зависть и подозрительность.

— Хорошие учителя были, — ответил тот коротко.

Бандиты завалились внутрь, стали бродить по комнатам, удивлённо цокая языками, осматривая роскошное убранство.

— Нет, ну ты подумай, эти зажавшиеся буржуи сосут кровь из рабочего класса. А сами-то как живут! — крикнул Карпентер.

Он открыл дверцы серванта из красного дерева, стал доставать тонкий фарфор со сценами охоты и разбивать об пол, забавляясь тонким, жалобным звоном, который издавала посуда, рассыпаясь на мелкие осколки.

— Эй, ты, как тебя там. Хэнк, — заорал главарь. — Сюда мигом.

Бандит стоял рядом с большим сейфом.

— Здесь надо осторожно, — сказал новичок. — Защита.

— Какая ещё защита? Ты откуда знаешь? — с подозрением поинтересовался отморозок.

— Вот здесь, — парень подошёл к стене, повернул незаметную ручку. Со скрипом отошла панель, открыв ряд кнопок и перемигивающихся лампочек. Новичок, даже не глядя, пробежал пальцами, как по клавишам рояля. Лампочки погасли. Вернувшись к сейфу, отодвинул тяжёлую дверцу и отошёл в сторону.

— Что-то ты слишком быстро это сделал, — пробурчал главарь. — Может ты уже был здесь? Или с хозяином знаком?

— Можно сказать так. Работал здесь. Охранником.

— Да ну. И ты охранял? — ухмыльнулся бандит, с удовольствием перебирая содержимое сейфа. — Кто здесь жил-то?

— Эдвард. Эдвард Кармайкл с женой, — ответил тот спокойно, с чуть заметной усмешкой взглянув на главаря.

Главарь замер, выплюнул бычок.

— Ну-ну. Возможно, — сузив с подозрением глаза, пробурчал он.

— Ну и чего тут нашли? — закричал Таннер, тощий субъект маленького роста, с жидкими волосёнками и липкими руками. Жадный до невозможности, тащивший, как сорока, в свою конуру любую мелочь, лишь бы она ярко блестела.

Он с нескрываемой завистью не сводил взгляда с длинной коробки. Главарь, не сводя злобного взгляда с новичка, сунул её в руки Таннера. И медленно удалился. На бархатной подушечке переливалась всеми цветами радуги бриллиантовая диадема.

— Моё! — вскрикнул Таннер в отчаянье, засовывая драгоценную добычу за пазуху.

Новичок даже не пошевелился, только в глазах сверкнуло презрение и гадливость. Разгромив весь дом, бандиты вышли во двор, подошли к гаражу. Кто-то сорвал замок и, ввалившись внутрь, они замерли на пороге, увидев невероятной красоты машину — белый Форд «Шелби» кабриолет. Главарь обошёл машину, присвистнув, провёл волосатой ручищей по белым, кожаным сидениям, никелированным рычагам переключения скоростей и ручного тормоза, вытащил, цокая языком, расшитый золотыми нитями коврик. Унести добычу они не могли, поэтому решили её уничтожить. Начали вспарывать сиденье, вытаскивать позолоченные колпаки, разбивать приборную панель. До боли, напоминая этим разбойников из «Снежной королевы», которые с гоготом и воплями растаскивали на куски золотую карету Герды.

В следующем доме жил католический священник отец Филипп Каллахен. Он жил в маленьком, скромном домишке, за которым начинался пустырь. Бандитам не пришлось даже взламывать дверь, которую отец Филипп всегда держал открытой.

— Что же вы делаете, сын мой?

Голос звучал без раздражения, лишь с сожалением.

Главарь перестал рыться в шкафу, медленно подошёл к хозяину и, сопя, пробурчал:

— Давай, пастырь божий, показывай, куда награбленные деньги трудящихся спрятал. Иначе мы тебя к твоему Богу тут же отправим.

Отец Филипп, с грустью взглянув на разбойника, которого раньше знал, как хорошего человека, подошёл к деревянному ящичку, и достал оттуда пачку мелких купюр, которые собирались на строительство церкви. Бандит, жадно выхватив купюры, засунул в карман, и, оглядев с презрением нищее жилище, проследовал к выходу.

У следующего дома их ждала засада, хозяин приготовился к нападению. Как только

банда вступила на двор, раздался выстрел. Карпентер охнув, схватился за руку. Грязно выругался, спрятавшись за забор. Главарь, насупившись, приказал расстрелять хозяина. Залп из гранатомёта разнёс в щепки окно. Прячась за деревьями, бандиты добрались до дома и ворвались внутрь. Хозяин лежал неподвижно в луже крови, выронив из рук дробовик. На втором этаже, куда вела эллипсоидная лестница с изящными чугунными перилами, находился кабинет. Вытащив ящики стола и, выбросив книги из шкафчика красного дерева, бандиты наткнулись на сейф, спрятанный в укромном углу за картиной.

— Как тебя там? Хэнк? Разберись, — скомандовал главарь.

Он отошёл к столу массивного красного дерева, уселся в большое кожаное кресло, положив ноги в мокасынах с белым орлом на стол. Сбросив пару бронзовых подсвечников, приготовился ждать, когда новичок сделает своё дело.

Тот оглядел сейф, начал прокручивать ручки кодового замка. Раздался подозрительный звук. Открылась небольшая ниша с турелью, которая обрушила проливной огонь по похитителям. Купер, приземистый бугай, один из телохранителей главаря, рухнул вниз всей тяжестью своего тела и затих.

— Твою ж мать! — пробормотал главарь, проворно убрав ноги, спрятался под стол. — Косой, быстро уничтожь эту хрень.

Губастый, молодой человек, у которого глаза смотрели в разные стороны, невнятно пробормотал, в нос:

— Отошли все. Чичас рывать буду.

Главарь, к которому уже вернулось спокойствие и самообладание, гордо прошествовал из кабинета. Все остальные, кроме Косого, последовали за ним.

— Что нашу детку ранило? — кривляясь, поинтересовался Таннер, увидев, как новичок засучил рукав, на котором расплывалось кровавое пятно, достал носовой платок. — Какая жалость, мамочки нет, она бы тебя пожалела, сопли вытерла. Новичок только усмехнулся.

Послышался негромкий хлопок. Из кабинета гордо ухмыляясь, выплыл Косой.

— И усё делов, — изрёк он. — Учитесь, придурки. Эй, ты, как тебя, Хэнк, давай работай. Чего сидишь, салага?

Хэнк вернулся к сейфу, прокрутив ручку, уловил код и отодвинул массивную дверцу. Бандиты, бесцеремонно отпихнув труп Купера, жадно кинулись вытаскивать с полок коробочки с драгоценностями, пачки банкнот.

Удовлетворившись, бандиты вернулись в логово, начали увлечённо делить награбленное добро, периодически возникали перепалки, с воплями и потасовками. Карпентер заметил — новичок вновь не пришёл делить добычу.

В маленькой комнатушке, представлявшей собой импровизированную кухню, Ирэн чистила картошку. Она услышала шорох и обернулась. Увидев новенького, равнодушно вернулась к готовке.

— Помочь? — спросил он тихо.

Она вновь бросила на него взгляд. Этот парень, как только появился в банде, неотступно следовал за ней. Ирэн привыкла к подобному вниманию со стороны мужчин, а новичок ничем не отличался в лучшую сторону от остальных бандитов. Может быть только излишней вежливостью, которая порой раздражала своей навязчивостью. Он не пытался к ней приставать, как остальные, которые лапали её при первой же возможности. Но не сводил с неё печальных, голубых глаз, которые притягивали, как магнит, и контрастировали с остальной, мало симпатичной внешностью.

— Почисти вот, — указала она равнодушно на чисто вымытые картофелины в кожуре в кастрюльке.

Он взял нож, засучил рукава рубашки. Она заметила, какие у него изящные, тонкие запястья, длинные пальцы. «Красивые руки, как у...».

— Тебе нравится здесь? — спросил он.

Она вздрогнула, оторвавшись от своих мыслей.

— Мы ведём борьбу. Против Райзена.

Он криво усмехнулся.

— Борьбу? Это же настоящие бандиты. Людей грабят, убивают. Борьбу.

— А что ты можешь предложить? — в её голосе звучала только злость и раздражение.

Он подошёл к ней, мягко обнял сзади, чуть заметно коснувшись губами шеи. Она брезгливо высвободилась.

— Я так сразу поняла, что тебе нужно. Ходишь за мной, как приведение. Одно только на уме. Затащить в постель. Больше ничего.

Он выдохнул воздух, сжал полные губы, став, похожим на обиженного ребёнка.

— Ирэн, я могу тебе помочь сбежать от этих мерзавцев, — быстро предложил он. — К остальным твоим друзьям. Берте, Доку, Роджеру.

— Что ты несёшь? Они все погибли, — в её голосе звучала досада и отчаянье. — И все из-за этого подонка. Он их предал. Их повесили.

Он покачал отрицательно головой.

— Ирэн, они не погибли. Они все живы. Клянусь.

— В газетах писали, что их всех повесили. Потому что Фолькленд их всех предал. Сдал Райзену. Почему он это сделал? Как он мог!

— Ирэн, бывают такие обстоятельства... Райзен подверг его таким пыткам. Он не выдержал. Пойми.

— Как ты его защищаешь рьяно, — насмешливо протянула она. — А то, что он был на самом деле маньяком-убийцей?! Тебе все равно?

— Это ложь! — возмутился он, голубые глаза мгновенно вспыхнули, как огонь в газовой горелке такой ненавистью и злостью, что она отшатнулась. — Райзен его оклеветал! Роджер знает, как Фолькленд выглядел на самом деле. Ты можешь сама его спросить! Пожалуйста, Ирэн, — добавил он мягче, попытался взять за руку.

Она вырвала её.

— Почему я должна тебе верить? Я же вижу, что ты в меня втюрился. Может быть, просто хочешь увезти куда-то. В свою банду. Вы все одинаковые, — она бросила недочищенную картофелину в воду, и вытерла кончиком рукава глаза.

— Да, я тебя люблю, Ирэн. Я и раньше тебя любил. Я был на премьере «Кармен». У тебя потрясающий голос, пластика. Ты — совершенство. С тобой ни одна певица сравниться не может.

— А кем ты был раньше? Почему не познакомился со мной?

— Ты же была замужем за Эдвардом. Ну, то есть, за Фольклендом.

— Я не всегда была за ним замужем. Я была просто певицей.

Он тяжело вздохнул, ощущая безнадёжность своей попытки.

— Я раньше в банке работал. Мелкий клерк. Кто я, и кто ты. Я даже и не помышлял с тобой познакомиться, — объяснил он спокойно.

— Врёшь ты все. По глазам вижу, что врёшь.

Ей захотелось разрыдаться. Она отвернулась к столу, вновь принялась чистить картофелину, опустив голову.

— Так. И что у нас тут?

Ирэн вздрогнула. В дверях стоял Карпентер, с подозрением разглядывая их. Ухмыльнувшись, вразвалочку подкатился к Ирэн, бесцеремонно полез под юбку, стал лапать. Она сжалась от омерзения, но не попыталась высвободиться.

— Карпентер, оставь её. Ты что не видишь, ей не нравится.

Бандит словно ждал этих слов, бросив Ирэн, с гнусной ухмылкой направился к новичку.

— А ты что возникать стал много, салага? — пережёвывая бычок, процедил он сквозь зубы. — Будешь выпендриваться, мы не её, а тебя раком поставим. Ты и на мужика-то не похож.

Он мерзко захохотал, закинув голову назад. И тут же отлетел назад, получив удивительно мощный, но безошибочно точный удар в нижнюю челюсть. С трудом удержавшись на ногах, Карпентер размахнулся волосатым кулаком, который бы мог размазать противника по стенке, но тот отскочил в сторону. И нанёс ещё один удар под дых. Карпентер задохнулся, глаза вылезли из орбит. Но в ту же секунду пришёл в себя. Схватил со стола нож.

Треск разрываемой материи, на рубашке новичка начало быстро расплываться кровавое пятно. Карпентер размахнулся ещё раз и тут же охнув, схватился за руку, на которую обрушился удар такой силы, что верзила выронил нож, отскочивший прямо к ногам перепуганной до смерти Ирэн. — Все, ты меня разозлил. Вот теперь точно разозлил! — взревел отморозок

Всей здоровенной тушей налетев на парня, прижал и начал бить головой об пол. Как вдруг обмяк, схватившись за голову. Его противник пружинящим движением отшвырнул его, вскочил на ноги, встав в защитную боксёрскую стойку.

— Так, твою мать! Чего тут затеяли?

В проёме показался главарь и пара его прихлебателей.

— Да вот, салага, выпендриваться стал много, — пробасил Карпентер, не сводя взгляда, полного ненависти и злобы с новичка. — Решил его поучить.

— Да? Ну и как? И кто кого? Карпентер, ты кулачищами размахивать горазд, а по делу — ни хрена, — оглядев взъерошенного Хэнка и сильно помятого Карпентера, загоготал главарь.

— Ну, я тебя прирежу, суку, — прошипел Карпентер, проходя мимо противника. — Яйца оторву и в твою задницу засуну.

Парень, вытащив из кармана идеально чистый носовой платок, медленно вытер с губы кровь и, бросив чуть заметный взгляд на Ирэн, вышел в коридор.

Ирэн не могла заснуть, ворочалась с бока на бок. Разговор с новеньким никак не выходил из головы, как она не старалась. И вновь перед глазами вспыхивали его нежные руки с изящными запястьями, белый платок, которым он вытер кровь. И боксёрская стойка, будто он знал приёмы профессионалов. «Откуда он взялся здесь?» Она не выдержала, выскользнула в коридор и прошла мимо мужского «общежития», где спали рядовые бандиты. Койка новенького была пуста.

Она продвинулась вперёд и наткнулась на него. Он протянул руки, она чуть не упала в его объятия. Даже в скудном свете лампочки, свисавшей со шнура, было заметно, какой радостью горят его глаза.

— Ты действительно сможешь отвезти меня к Берте? — прошептала она.

— Ирэн, я специально сюда проник, чтобы увезти тебя отсюда, — объяснил он просто. — Я люблю тебя.

— Но я-то тебя не люблю, — бросила она холодно. — И никогда не полюблю. А ты ведь что-то захочешь. Взамен.

— Ничего не захочу. Поверь.

— Откуда ты такой альтруист взялся? — усмехнулась она с откровенной горечью. — Все вы одного хотите. Ладно, как ты собираешься это сделать?

— Там на улице, у мусорных баков, стоит моя машина. Пошли.

Они быстро направились к выходу. Распахнулась дверь сортира. Карпентер, зевая, застёгивал ширинку. Увидев беглецов, он чуть не подпрыгнул и проорал на весь дом так, что зазвенели стекла:

— Суки! Сбежать решили!

— Ирэн, беги! — крикнул парень.

Он подпрыгнул, и ударил обеими ногами Карпентера в живот. Тот хрюкнул, согнувшись, но мгновенно выпрямился. И ринулся в погоню.

Ирэн, не ощущая ног под собой, вылетела во двор, увидев рядом с мусорными контейнерами, заполненных вонючим хламом, обтекаемый тёмный корпус.

— Ирэн, быстро садись!

Перед ней распахнулась дверь. Она юркнула на заднее сиденье.

— Пристегнись! — крикнул он.

И в тот же миг невероятное ускорение вжало её в мягкую обивку. Парень легко переложил руль, резко свернув в переулок, виртуозно объезжая ржавые остовы машин, разбросанные по мостовой.

Чёрный зев туннеля открылся перед ними, как пасть чудовища.

— Там провал! — в отчаянье воскликнула она.

— Держись, — коротко бросил он, почти не разжимая губы.

Машина на полном ходу влетела внутрь. Ирэн вздрогнула от звона пуль, барабанивших по корпусу. Но водитель был абсолютно спокоен. Тачка выскочила из туннеля и Ирэн с ужасом увидела зияющую пропасть, разверзшую перед ними. Прыжок. Каким-то невероятным способом машина взвилась вверх, приземлившись на другой стороне. Лихо развернувшись, остановившись, как вкопанная.

Водитель вылез, подошёл ближе к краю. Внизу догорала груда металлолома. Он выплюнул жвачку и достал из нагрудного кармана сигареты.

— Мерзавец, негодяй! — Ирэн бросилась на него. — Зачем ты это сделал?! Зачем! Мы могли погибнуть!

Парень, поморщившись, пытаясь отстраниться от её слабых ударов.

— Ирэн, успокойся. Эта мразь отправилась к праотцам. Сейчас мы будем на месте. Садись.

Он бросил недокуренную сигарету вниз и сел за руль.

— Ты использовал меня, как приманку, — глухо сказала она. — Куда ты меня везёшь?

— Изнасиловать хочу, — бросил он спокойно. — Могу я себе позволить? Все равно ты в моих руках.

— Так и знала, — спокойно произнесла она, отвернувшись к окну.

— Ирэн, я пошутил, — миролюбиво пояснил он. — Эй, там, спите, что ли? Принимайте

гостей, — сказал он в шуршащую эфиром рацию.

Заурчал мотор, они быстро промчались по опустевшему городу. Свернули в незаметную подворотню. Машина притормозила на миг перед абсолютно глухой стеной дома. Медленно поднялась незаметная дверь. Авто почти бесшумно покатилося под уклон. Они оказались в помещении, напоминающим заброшенный ангар, с высокими потолками, стены из серого необработанного камня, куда были встроены незаметные светильники.

Она выскользнула из машины, минуя протянутую им любезно руку, бросив попутно злой взгляд. Он ухмыльнулся, устало вытянул руки на крыше, стал ждать.

— Боже, Ирэн! Слава Богу!

Берта бросилась к ней, прижала к себе. Оторвавшись на мгновение, взглянула в лицо.

— Все в порядке?

Ирэн кивнула. Парень медленно, как будто нехотя, подошёл к ним.

— Берта, представь меня нашей гостье.

Берта лукаво улыбнулась.

— А ты не сказал? Ирэн, ты знаешь, кто это? Ни за что не догадаешься! Это Фрэнк Фрэнк Фольклэнд. Понимаешь, мне удалось перестроить камеры жизни, и я его воскресила. Ну как это было сделано для Райзена.

Ирэн остолбенела. Стояла, открыв рот, пытаясь осознать сказанное. Кажется, она не обрадовалась, испугалась. Берта, обняв Ирэн за талию, прижала её к себе.

— Ну ладно, пойдём, я чаем угощу тебя с пирожными. Расскажу, как мы тут живём. Фрэнк, а тебя ребята ждут. Погулял и хватит. Делом займись.

Фрэнк вздохнул, бросил взгляд на исчезнувших в дверях Берту и Ирэн и побрёл за ними. Захватив одежду, зашёл в душевую, сбросил грязную рубашку с бурым пятном около сердца. Тёплые струйки потекли по коже. Он потёр лицо руками, не в силах отогнать видение изумлённого лица Ирэн. Он вышел из душа, переоделся. Взглянул в зеркало. Недовольно скривился.

И направился к конференц-залу. Из-за двери доносился шум, взрывы смеха, чей-то голос в лицах рассказывал анекдот. Он решительно распахнул дверь, сел за стол, бросил папку. И сразу ощутил, как пять пар глаз уставились на него. Все заулыбались.

— Привет, Фрэнк! Ну чего, чего ты решил? — воскликнул Док. — Когда едем?

— Куда? — спросил Фрэнк равнодушно, достав сигареты, обвёл глазами помещение.

Он сделал здесь конференц-зал и пульт управления одновременно. Насколько хватило его знаний и технологий, которые смог раздобыть. Огромный экран, встроенный в стену, и множество видеотабло. Посредине находился круглый стол красного дерева, с кожаными креслами вокруг.

— Убивать Райзена, ты забыл? — захихикал Боб. — Короче, Фрэнк, когда отправляемся? — добавил он серьёзно.

— Никогда. Я считаю, что убивать Райзена совершенно бессмысленно. Он уже ничего не решает. Сидит тихо в своём особняке, как мышь в норе, и нос боится высунуть. Надо расправиться с этим отморозком, который терроризирует город. Это первоочередная задача.

— Ты достал всех своим гуманизмом, — проворчал Шон. — Райзен тебя пытал, казнил, а потом ещё выдал за маньяка-убийцу. А ты его прости?

— Спасибо, что напомнил, — проронил Фрэнк ледяным тоном. — А то я уже начал об этом забывать. Начал забывать, как я вас всех сдал Райзену, так что вы все могли болтаться в петле. По моей вине...

— Так. Я думал, мы пришли делом заниматься. А чувствую, опять будем выслушивать покаянные признания Фолькланда в предательстве, — сарказм в тоне Дока зашкаливал, он достал трубку, кiset и стал аккуратно набивать табаком. — Фрэнк, это очень интересно. Ты всегда так трогательно каешься.

— Фрэнк, Стэнвуд нас предупредил, — мягко сказал Боб. — И никто не пострадал. Кроме тебя.

— Тебя никто не считал предателем, — отозвался Стэнвуд. — Все понимают, что это вина Райзена. И хаос в городе возник тоже по его вине.

— Фрэнк, мы должны отключить камеры хотя бы потому, что это сделает Райзена простым смертным. А там уже тебе решать, что делать, — подытожил Док, закулив трубку, расслабленно откинулся в кресле и зажмурился от удовольствия.

Фрэнк задумался, подперев голову ладонью.

— Ну, действительно, Фрэнк, — миролюбиво сказал Боб. — Мы все хотим отомстить Райзену. И ты в первую очередь. Ты же говорил, что у тебя уже готов план. Почему ты передумал?

Фрэнк сжал губы. Они ждали от него вполне определённых действий. И не могли понять, почему он медлит. Что ему мешает сделать последний шаг? Он не мог объяснить, почему оказавшись в шаге от того, чтобы нанести последний удар, он остановился. Они верили ему, были готовы идти хоть в рай, хоть в ад. А он медлил.

— Хорошо, план такой, — Фрэнк достал пульт и над столом раскрылся голографический экран. — Три панели управления. Одна высоко в горах. Другая — под землёй, в заброшенной канализации. Ну и последняя, естественно — у Райзена в особняке. Взламывать панели одновременно, смысла нет. Райзен уже не может выставить охрану. Поэтому будем действовать последовательно.

Сменились одна за другой схемы, фотографии местности.

— Ну вот, отлично! — наконец, сказал Боб, потягиваясь. — Теперь все ясно. Тебя отпускать одного никуда нельзя. У тебя крыша едет и тебе надо периодически вправлять мозги.

Все загалдели, бурно обсуждая услышанное. Фрэнк поморщился. Мыслями он был далеко отсюда.

— Ладно, ребята, — бросил он. — Готовьтесь.

Он вышел из зала и быстрым шагом направился к лаборатории Берты. Распахнул дверь. Берта рассматривала что-то в микроскоп, делала быстрые пометки в блокноте.

— А, Фрэнк, заходи! — обрадовалась она.

— Берта, а где... Где Ирэн?

— Она уснула. Намучилась сильно. Я её спать отправила. Тебе бы тоже стоит отдохнуть. Ты уже на тень стал похож.

Он тяжело вздохнул, уселся на диванчик напротив стола. Помолчал.

— Она смотрела на меня, как на кусок дерьма, — бросил он хмуро.

— Не преувеличивай. Ну да, лицо у тебя изменилось. Но это не страшно, Фрэнк. Сделаем тебе какое хочешь. Будешь опять красавчиком.

— Дело не в этом, Берта. Она считает меня предателем. И правильно делает.

— Опять начинается, Фрэнк. Твои муки совести уже всем надоели. Тебя никто никогда не упрекал. Ты прошёл такие пытки в руках этого мерзавца Райзена, что никто бы тебе ни одного слова не сказал.

— Дело не в этом. Не в этом. Понимаешь. Я бы любые пытки выдержал.

Берта осеклась, удивлённо всматриваясь в его лицо.

— А в чём?

Он вздохнул так тяжело, что, казалось, разорвётся сердце.

— Стэнвуд, Камилла знает в чем.

— Камилла? Она тут при чем? Райзен тебя кастрировать, что ли хотел?

— Да нет же! — взвился он так раздражённо, что Берта чуть на месте не подпрыгнула. — Кастрировать. Какая разница, с яйцами или без, я болтался бы на виселице! Не в этом совсем дело. Не важно все это. Если узнаете, все меня проклянете.

— Фрэнк, знаешь, я не психиатр, не психолог. Но, по-моему, у тебя что-то с головой. Может это моя вина, что я слишком задержалась с твоим оживлением... Извини, что так получилось. Понимаешь, я никак не могла понять, почему вижу другое лицо. Потом решила, что вообще взяла не твой генетический материал. Стала думать, где раздобыть ещё. Столько времени упущено! И тут пришёл Роджер...

Фрэнк поморщился, он слышал это уже сто раз. Ему до смерти надоело.

— Странно, Берта, — проронил он, задумчиво обхватив рукой подбородок. — Все говорят, что после смерти душа попадает в какой-то туннель, движется к свету. Я ничего не помню. Только боль, сожаление, досаду, что ничего не успел. И тьму. Куда делась моя душа? И потом как она вернулась? В моё тело. Может вообще не вернулась?

— Не знаю, я учёный-материалист, — саркастически возразила Берта. — Мне чужда идеалистическая теория происхождения человека. — Тогда и душа Райзена куда-то делась. Он-то воскресал много раз. И никогда, по-моему, его это не интересовало.

— Ну да, Берта, в том-то и дело. Стэнвуд мне говорил. Райзен был романтиком, идеалистом. Поначалу. А потом стал диктатором. Может быть, потому что потерял свою душу?

— По-моему, он так и родился. Без души, — голос Берты стал жёстким. — С холодным, расчётливым разумом. Ты боишься, что тоже стал бездушным?

— Я изменился?

— Незначительно. Стал более нервным. Все время дёргаешься, мучаешься. Что ты решил с Райзенем?

— Завтра отправляемся. С ребятами. Все отключим.

— Ну, это прекрасно! Что тебя смущает, Фрэнк? Что ты так мучаешься?

Фрэнк откинулся на спинку дивана, заложил руки за голову.

— Берта, ну вот я убью Райзена. Но разве мне вернёт это два месяца жизни? Что мне даст эта месть? Он сидит в своём особняке. Брошенный всеми. Все его близкие люди у нас

— Роджер, Камилла. Стэнвуд.

— Тебе надо памятник поставить за твой гуманизм, — язвительно бросила Берта. — Ты какой-то не от мира сего. Иди отдохни.

Фрэнк вышел в коридор и медленно направился к одной двери, заветной. Тихо отворил, проскользнул внутрь. Прислушался.

Железная кровать со старинными набалдашниками. Ирэн спала, положив руку под подушку. Так сладко, как маленький ребёнок. Он тихо присел рядом, вглядываясь в её лицо. Она выглядела такой незащитной. Наклонился, поцеловал в щёку. Она вздрогнула, медленно раскрыла пушистые ресницы, поморгала, пытаясь разглядеть в полутьме неожиданного гостя.

— Фрэнк, господи! — она вскочила, прижавшись к нему, всхлипнула. — Почему ты сразу не сказал, что это ты. Что ты жив? Ты просто негодяй. Я столько страдала...

Его глаза непроизвольно наполнились слезами. Он прижал её к себе, зарывшись в спутанные, мягкие волосы. Сердце заколотилось где-то около горла, перехватило дыхание так, что стало трудно дышать.

— Прости, я боялся, ты не согласишься, — прошептал он. — Я ведь изменился. Очень сильно.

Она выскользнула из его объятий, сжала его голову в руках, вглядываясь со счастливой улыбкой в глаза.

— Ты дурачок. Как ты не понимаешь. Разве это имеет значение? Твои глаза, улыбка, руки, все твоё. Господи, если бы ты знал, как я тебя люблю.

Глава 19. Местъ

Они выехали рано утром, как только солнце выглянуло из-за горизонта. Машина пронеслась стрелой до границы города, вылетела на шоссе, которое извивалось между невысокими холмами из красной глины.

Остановив машину, Фрэнк вылез и замер от восхищения. Перед ним раскинулось озеро, утопавшее в зелени. За рядами деревьев и кустарников ввысь поднимались высокие, остроконечные скалы, отражавшиеся вместе с белыми, пушистыми облаками в зеркальной глади.

Здесь был удивительно свежий воздух, дышалось невероятно легко. Он присел на корточки, зачерпнул чистой, студёной воды, и будто наяву увидел, как Ирэн бежит по берегу, по воздуху развевается её роскошная чёрная грива волос, подсакивают на бегу яблоки грудей. Бросается в воду, которая расходится зеркальными волнами.

Голос Боба вернул его в жестокую реальность:

— Фрэнк, ну ты размечтался. Пошли. Ё-мое.

Фрэнк с сожалением встряхнул головой, отогнав чудесное видение. Достал из рюкзака надувную лодку, и когда насос накачал воздух, прикрепил мотор, и скомандовал:

— Залезайте.

Сравнив раскинувшийся ландшафт с картой, он уверенно направил лодку к незаметному входу в гроте, утопавшему в листве, уже пронизанной осенней желтизной. Они оказались в длинном, извилистом коридоре, стены которого все больше и больше раздвигались по мере того, как они продвигались вглубь.

— Интересно, и никакой охраны? — спросил Фрэнк.

— Раньше охраняли, теперь не до этого, — ответила Берта. — Хотя бдительности не теряй. Возможно, кого-то здесь все равно оставили.

— Может мутантов напихали? — предположил Боб. — Каких-нибудь уродов с головой осьминога. Помнишь, как мы видели в лаборатории у тебя, Берта?

— Сомнительно. Мои мутанты так нигде и не использовались. Остались пробные экземпляры. Да и живут они недолго, — пояснила Берта.

Они дошли до ворот, встроенных в скалу. Фрэнк подошёл к кодовому замку, посветив фонариком, соединил какие-то проводки, разъединил другие. Ворота медленно, со скрипом поднялись.

За ними начинался огромный зал, уставленный оборудованием, встроенными в стену мониторами, на которых высвечивались столбики цифр, круги диаграмм, формулы и непонятные значки.

— Берта, и все это для камер жизни сделали? Ни фига себе, — присвистнул от удивления Фрэнк.

— Нет, для чего это все построили, я не знаю, — ответила она задумчиво. — Вряд ли для камер жизни. Нам надо найти панель управления именно камерами.

От переливающихся люминесцентными красками стен, выполненных из странного, светящегося материала разболелись глаза. Фрэнк подошёл поближе, провёл рукой, от его прикосновения по стене прошла радужная волна. Он усмехнулся. Все здесь казалось настолько нереальным, будто он попал в павильон, где снимают кино.

— Странный материал, похож на шёлк, но твёрдый.

— Фрэнк, ты пришёл стены изучать, или делом заниматься? Тоже мне исследователь, — буркнул нетерпеливо Шон.

Они вышли в другой зал, стены которого представляли собой сваренные листы светлого, блестящего сплава. Здесь находилось массивные агрегаты темно-серого цвета, усеянные индикаторами, рядами кнопок и тумблеров, назначение которых Фрэнку, несмотря на все его глубочайшие познания в технике, тоже было непонятно.

— Берта, это все вычислительная техника? — спросил Фрэнк.

— Нет. Не могу сказать, для чего все это. ЭВМ в отдельном зале, я там работала.

Фрэнк подумал, что, возможно, здесь узнает тайну этого города, как он возник на острове, и почему здесь застыло время. Он напрягся, услышав подозрительный шум, вытащил тепловизор и тихо пояснил:

— Похоже люди. Ну, или прямоходящие существа на двух ногах. Один хрен.

— Охрана? — предположил Боб.

— Нет, не похоже. Они кучей стоят, охранники рассредоточились бы. Хотя черт их знает. Штуки три, не больше. Я проверю, сидите тихо, — предупредил Фрэнк.

Он спрятал тепловизор, положил рюкзак на пол и... испарился. Несмотря на то, что все сопровождающие знали об уникальном костюме, который сконструировал Фрэнк, все равно чуть заметно растерялись.

Он осторожно проскользнул в зал. В дальнем углу виднелась кучка вооружённых до зубов людей. Они о чем-то громко спорили. Фрэнк спокойно подошёл к ним и узнал бывших товарищей по банде, из которой он вызволил Ирэн.

— Монди сказал, чтобы мы взломали эту чертовщину, а не взрывали, — буркнул один из них, высокий, тощий субъект, осматривающий щит с фонариком. — Ты понял, балбес эдакий?

— Сам балбес, — бросил злобно второй, в котором Фрэнк узнал Косого и улыбнулся. — Попробуй взломать.

— Он сказал, что она может потом пригодиться. Поэтому не уничтожать. Идиот!

Фрэнк чуть не расхохотался, слыша этот разговор. Ему хотелось выйти из невидимости и предложить свои услуги. Все равно именно за этим они сюда и пришли. Он постоял рядом с ними, слушая их перепалку, обдумывая, как от них избавиться. Так ничего и, не решив, он вернулся к остальным.

— Видно, этот бандит тоже пронюхал про камеры, — задумчиво проронила Берта. — Я этого опасалась. Если они начнут взрывать, все здесь может на воздух взлететь.

— Тогда другого не остаётся, — проронил Боб, взяв в руки дробовик.

Фрэнк покачал головой осуждающе.

— Ты что тут перестрелку собрался устраивать? — спросил он насмешливо.

— А ты, гуманист хренов, что предлагаешь? — зло поинтересовался Шон. — Хочешь заняться их перевоспитанием? Прямо сейчас?

— Шон, ты дурак или валенком прикидываешься? — проговорил саркастически Фрэнк. — А если здесь рядом вся банда в засаде? Услышат выстрелы, прибегут. Ты очень хочешь жизнь положить, мужественно сражаясь с этими ублюдками?

Он с довольной улыбкой щёлкнул пальцами, вспомнив о чем-то. Тут же достал из рюкзака три устройства, напоминающие пистолеты с маленьким арбалетом наверху. Передал Шону и Бобу и объяснил:

— Стреляет, как из пистолета, только бесшумно. Действуем одновременно и без суеты. Понятно?

Уложив врагов на месте, Фрэнк молниеносно оказался рядом с ними и нацепил на них наручники.

— Косой, где вы все, черт бы вас всех побрал! — услышал Фрэнк знакомый голос по рации.

Он отцепил от Косого передатчик и, подражая его голосу, невнятно пробормотал:

— Чичас усе будет делано, Монди.

Боб прыснул в кулак, а Фрэнк подошёл к щиту и расстроено покачал головой.

— Это не панель управления, — объяснил он. — Пошли дальше.

Боб открыл дверь из зала, сделал шаг и тут же, грязно выругавшись, прыгнул назад. Фрэнк осторожно выглянул. Внизу кипела огненная лава, жар которой заставлял колебаться потоки воздуха.

На другом берегу вверх уходила каменистая тропка. Фрэнк вытащил устройство перемещения, образовал портал и вместе с остальными оказался наверху. Они перебежали выше, открыли дверь. Здесь было темно, Фрэнк поискал выключатель. Яркий свет залил зал, видимо, представляющий собой операционную, с разбросанными всюду медицинскими инструментами, скальпелями, раздавленными ампулами, обрывками бинтов и шприцами разных размеров.

— Инопланетяне опыты проводили над людьми? — спросил с улыбкой Фрэнк, обращаясь к Берте.

Она не оценила его юмора и направилась к выходу. Они оказались в другом зале, со стенами из необработанного, серого камня, которые ковром покрывал зелёный мох, образовавший причудливый узор.

Здесь ясно ощущался запах сырости и гниения. У дальней стены, Фрэнк обнаружил нечто, похожее на приборную панель, расположенную полукругом. На маленьких табло высвечивались цифры, значки, формулы, столбики диаграмм, которые постоянно менялись. Посредине всего этого хозяйства Фрэнк обнаружил под стеклом маленький рубильник.

— Кажется, то, что нам нужно, — удовлетворённо проговорил он.

— Ага, а если все на воздух взлетит? — опасливо предположил Шон.

— А зачем с нами увязался, если боишься? — проворчал Боб.

Берта подошла и тоже стала изучать приборы. Боб и Шон со скучающим видом отошли и начали бесцельно бродить по залу.

— Похоже, это пульт управления всеми системами жизнеобеспечения города, — объяснила Берта. — Водопровод, теплоснабжение, электросеть, — стала показывать она на разные видео табло.

— Черт, значит здесь все завязано друг на друга? — пробормотал расстроено Фрэнк.

— Нет, здесь отдельная сеть, — сказала она, показав на экранчик, где мигали ярко-красные точки, разбросанные в хаотичном порядке.

Фрэнк внимательно изучил схему, достал планшет, начал делать расчёты. Подошёл к одному из шкафов, стоящих около стен, уверенным движением открыл и стал копаться в микросхемах.

— Отлично, Фрэнк, — воскликнула радостно Берта. — Выключилось.

Фрэнк вернулся к схеме, заметив, что большая часть красных огоньков погасла.

— Ну, будем считать, что я именно камеры отключил, а не что-то другое, — проворчал

он, понимая, что проверить правильность своих действий не сможет, пока не вернётся в город.

Он пощёлкал тумблерами, внимательно просматривая колонки цифр и символов, быстро пробежавших по экрану. Услышав шорох за спиной, резко обернулся и заметил ухмыляющуюся рожу подкравшегося к нему бандита. Фрэнк мгновенно присел, сжал в ноги противника, и сбросил его на пол. Обрушив ему на голову мощный удар.

Как оказалось, в зал незаметно пробралось несколько отморозков, которые теперь держали в тисках Берту и Шона. Боб стонал на полу. Главарь вразвалочку прошествовал к Фрэнку и хрипло прошипел:

— Значит, это ты, гребанный кусок дерьма, похитил мою жену?

Фрэнк ощутил, что его крепко схватил за руки, а бандит, приблизившись, с силой ударил между ног.

— Получил? — прохрипел тот, гнусно ухмыляясь. — А я добавлю, чтобы ты хорошенечко запомнил, — злорадно проронил он, замазав по лицу.

Фрэнк, отдышавшись, с трудом поднялся и нашёл в себе силы улыбнуться.

— Значит, Монди, это ты всех нае...л? Балбес, какой балбес, не догадался об элементарных вещах. Ну, куда уж тебе.

Мерзавец замер, ошалело взглянув на противника, который не только умудрился не потерять присутствия духа, но ещё и издевался над ним.

— Какой ещё Монди? Я — Эдвард Кармайкл, — изрёк он высокомерно, но в его голосе уже не ощущалось прежней уверенности.

— Монди, ну как же ты так. Ты пропустил в газетах информацию, что под именем Эдварда Кармайкла жил другой человек. Фрэнк Фолькленд. Он сделал пластическую операцию, чтобы быть похожим на Эдварда. Но как ты сделал. Если бы ты был Фольклендом и воскрес, то стал бы похож на него реального. А как он выглядел, ты никогда не знал. Зато, это знаю я. Потому что реальный Фрэнк Фолькленд — это я.

— Не заговаривай мне зубы, гадёныш! — завопил Монди.

Бандиты растерялись, ослабили хватку. Используя их руки, как опору, Фрэнк хорошо приложил своими ботинками Монди по физиономии. Не ожидая такой прыткости от врага, тот свалился, как мешок с дерьмом.

Освободившись, Фрэнк молниеносно оказался рядом с Бертой, дав бандиту, который держал её, в глаз. Шон уже яростно метелил одного из бандюг. В один прыжок, Фрэнк оказался около рюкзака, схватив за шкуру стонавшего Боба, скомандовал:

— Быстро все сюда!

Бандиты, очухавшись, бросились к ним, но наткнулись на невидимую стену. Ошарашено взглянув на странное препятствие, тут же в бессильной ярости начали по нему колошматить.

— Братва, уходим. Моментально, — скомандовал Фрэнк подбежавшим товарищам. — У нас две минуты.

Он открыл портал, Берта и Шон шагнули туда, а Фрэнк замыкал процессию, поддерживая раненого Боба. Они вновь оказались в гроте, откуда начинали свой путь.

— Я — идиот, полный! — вскрикнул Фрэнк, ударив со всей силы кулаком по каменной стене. — Как я мог так потерять бдительность?! Ну как? Яйца мне точно надо оторвать за такое!

— Ну что ты, в самом деле, — сказала Берта. — Ты опять всех спас. Переживать нечего. Держи, — добавила она, подавая шприц с сывороткой.

— Не надо, — буркнул Фрэнк.

Он взглянул на сидевшего у стены Боба, подскочил к нему, вглядываясь в лицо. И с облегчением заметил, что тот уже пришёл в себя.

— Вторым номером нашей программы будет канализация, — объявил Фрэнк уже веселей. — Так, Боб и Берта отправляются домой, а мы с Шоном продолжим наши игры.

— Нет, Фрэнк, я пойду с вами, — твердо сказал Боб. — Мне уже лучше.

— И я тоже. Фрэнк, ты без меня не справишься, — добавила Берта.

— Я прекрасно справлюсь. И, пожалуйста, не спорьте! Или вы слушаете мои приказы или я вообще ничего делать не буду, — холодно буркнул он.

Он сел за руль и задумчиво, себе под нос пробормотал:

— Надо было этого козла там пришить. А теперь придётся с ним разбираться отдельно. Ну что за день сегодня?!

— Отличный денёк. У нас всё получается, — резюмировала спокойно Берта. — Давай заводи свою тарантайку.

Фрэнк отвёз Берту и Боба в штаб и отправился с Шоном к входу к канализации.

Они остановились где-то на пустыре, где ветер гонял обрывки газет. Здесь находилась старая котельная, ворота которой закрывала стальная балка с массивным замком. Фрэнк легко сорвал замок и распахнул ворота.

В самом углу они нашли лаз, прикрытый деревянным щитом. Фрэнк прыгнул вниз и сразу попал в лужу вонючей грязи. Шон последовал за ним и даже не поморщился, будто лазить по канализации было для него привычным делом.

Темень обволакивала как чёрный туман все стыки в камнях, висела в каждой щели, колеблясь от сквозняка. Метров через сто проход разветвлялся на два, и Фрэнк уверенно направился в левую часть и наткнулся на труп, затопленный высохшей грязью. Они подошли к закрытой круглой, выпуклой двери, у которой Фрэнк остановился в замешательстве и почесал в затылке.

— Там видно все водой залито, надо помпой воду откачать, — понял быстро Шон.

Фрэнк развернул карту, поискал глазами помпу. Она оказалась в коридоре наверху, куда вела лестница со сгнившими перилами. Осторожно попробовав прочность лестницы, он побежал наверх и наткнулся на скалившегося мутанта, стоявшего на первой площадке. Увидев врага, урод развернулся и, заорав, накинулся на Фрэнка, который лишь отступил в сторону — мутант с воплями скатился по ступенькам вниз, и забарахтался, пытаясь подняться. Вытащив револьвер, Фрэнк прикончил его и с облегчением вздохнул. Эту задачу удалось решить легко. Увы, тут же выяснилось, что помпа не работает. Фрэнк с усмешкой взглянул на расстроенного Шона. Вытащил из взятого с собой барахла тестер, начал искать обрыв в цепи. Потом сделал скрутку.

— Ну и что ты так переживал? — спросил Фрэнк с иронией напарника, покрутив большое колесо, похожее на штурвал.

Ворота, наконец, открылись, им удалось пройти внутрь. Коридор освещался лишь редкими лампами под круглым жестяным абажуром, давая слабый, мертвенный свет, подчёркивающий нереальность происходящего. Добравшись в конец коридора, они обнаружили, что он завален ящиками, кусками бетона, мусором. Разбирать это вручную — значит, потерять много времени. Фрэнк тут же решил заложить взрывчатку, которая смогла очистить путь для них. Взрыв разметал мусор по подвалу, и Фрэнк еле успел закрыться рукой, которую посекали осколки бетона.

— ОК. Пока без проблем, — проронил Шон, взглянув весело на Фрэнка.

— Да, пока обошлось, — ответил Фрэнк, улыбнувшись через силу, вытирая руку от крови.

Из заваленного мусором коридора они попали в широкий каменный колодец, из которого влево и вправо вели узкие проходы. На стене колодца виднелась лестница, уходящая куда-то ввысь. Фрэнк забрался наверх, быстро переставляя ноги. Распахнул люк, прикрывающий выход колодца. Осторожно оглядевшись, крикнул Шону, чтобы тот вылезал за ним.

Они оказались в комплексе из комнат, соединяющихся узкими, извилистыми коридорами со стенами из необработанного камня. Увидев парочку турелей, защищавших территорию от вторжения непрошенных гостей, Шон хотел их разбить из дробовика, но Фрэнк предложил кое-что получше. На глазах изумлённого напарника быстро подполз вниз и взломал одну, лампочка на турели вспыхнула зелёным светом. Со следующей турелью он расправился с тем же успехом. Когда Фрэнк вернулся к Шону, тот с восхищением поглядел на него.

— Ну, ты даёшь, — прошептал он. — Не знал, что это можно сделать.

— Так же лучше, пусть нас охраняют, — подмигнул ему Фрэнк.

Они, наконец, вышли, к конечной цели их путешествия, панели управления, которая находилась в маленькой, незаметной комнатухе. Фрэнк попытался вскрыть сигнализацию на входе, но она взревела, как гудок паровоза. Они еле успевали перезаряжать оружие, уничтожая прибежавших мутантов. Когда поток уродов иссяк, Фрэнк прошёл к шкафу и, распахнув его, начал ковыряться в микросхемах.

— Так, ну всё, — удовлетворённо сказал он, когда буквально через полминуты красные огоньки на схеме погасли.

Шон покачал восхищённо головой и пробормотал:

— Эх, если бы мы это раньше сделали...

Фрэнк лишь нахмурился, подумав с сожалением, что Шон как никогда прав. Но теперь отключение камер жизни не имело ни малейшего смысла. Смерть Райзена уже ничего не могла изменить в городе, который поглощал хаос.

Добравшись до люка в канализацию, Фрэнк уже облегчённо вздохнул, считая, что их миссия завершена, но сдвинув крышку, обнаружил, что вода медленно, но уверенно поднимается, отрезая путь назад. Фрэнк развернул карту и обнаружил рядом ещё одну помпу. Он быстро взбежал по лестнице вверх, пробрался к помпе и с сильнейшей досадой обнаружил, что насос кто-то разнёс на куски.

От обиды и досады Фрэнк стукнул изо всех сил по ограждению колодца с лестницей, безнадёжно оглядел это мерзкое помещение — потрескавшуюся плитку, тусклое аварийное освещение, потолок в трещинах и вспомнил, что видел на карте рядом с этим помещением точно такое же. Выбежав в коридор, пронёсся, как метеор под другую арку — там действительно находился другой насос. Но, увы, рядом топталась куча безумцев.

Фрэнк опять отругал себя за неосмотрительность, он не захватил с собой ничего, кроме револьвера, который носил в заднем кармане брюк. Но ему понадобилось полминуты, чтобы найти решение.

Он вскочил на ограждение колодца с лестницей, пробежал по нему. Прыгнул на кожух помпы, схватил искрящийся провод, и огрел всех уродов, находящихся рядом с ним. Воздух прорезал синхронный дикий вопль, двое мутантов упали на пол, дёргаясь в конвульсиях.

Один урод избежал удара током. Схватив Фрэнка в охапку, он прижал его к ограждению лестницы, явно собираясь выкинуть в колодец. Они начали перекатываться по ограждению колодца. Его противник, мелкий, тщедушный мужичонка, демонстрируя невероятную силу, сдавил на шею Фрэнку так, что у него засверкали в глазах звезды. Ощущая, что слабеет, и скоро окажется на дне колодца, Фрэнк собрал все силы, и каким-то чудом вырвался из крепких объятий мутанта. Подхватив револьвер, с грохотом разрядил всю обойму в физиономию уroda, который дёрнулся, обмяк и свалился на пол.

Фрэнк долго пытался отдышаться, упёршись руками в колени и одновременно осматривая помпу. Мутанты успели порвать провода, но, к счастью, сломать ничего не успели. Фрэнк сделал скрутку и, собрав последние силы, повернул колесо. О, чудо, помпа заработала. Вода начала постепенно уходит. Но надолго ли?

Когда Фрэнк вышел к Шону, в рванной, перепачканной одежде, с «фонарём» под глазом, красной полосой на шее, и расцарапанной физиономией, тот со скучающим видом оглядел его и спросил:

— Ты что так долго возился? Заснул что ли? А я тут чуть со скуки не умер, тебя ожидая.

И чуть заметно кивнул на полдюжины трупов мутантов, лежащих неподалёку. Фрэнк расхохотался.

Без приключений выбравшись из канализации, Фрэнк нашёл машину, которую спрятал неподалёку, среди кучи мусора и вместе с Шоном они отправились в штаб.

Они неслись по разрушенному, некогда прекрасному городу, и Фрэнк ощущал немыслимую, тоскливую пустоту в душе. Он гнался за призрачной целью, а оказавшись в шаге от неё, понял, что она не стоила ломаного гроша.

Он вошёл в штаб с таким потерянным лицом, что Берта бросилась к нему с удивлённым возгласом:

— Не получилось? Почему?

— Получилось, — буркнул Фрэнк хмуро и ушёл в душ.

Он лежал на кровати, уставившись в потолок, с абсолютно пустой головой. Кто-то вошёл в комнату, но он даже не пошевелился, и притворился спящим. Даже Ирэн ему не хотелось видеть.

— Фрэнк, — услышал он тихий голос. — Ты теперь сможешь его убить?

Рядом стояла Камилла. Фрэнк присел на кровати и задумчиво посмотрел на неё.

— А ты этого не хочешь? — спросил он, наконец. — Мы камеры жизни отключили. Кроме его особняка. Пока они включены...

— Тебя удивляет, что я прошу об этом? — пролепетала она, через силу выдавливая из себя слова. — Я понимаю, ты ненавидишь его. Он так мучил тебя...

— И тебя тоже, — перебил Фрэнк. — Или ты его уже простила?

Камилла замаялась.

— Не знаю, мне просто жаль, что так получилось, — прошептала она совсем еле слышно, и тяжело вздохнув, ушла.

Фрэнк, ощущая, что не может найти покоя душе, вышел в коридор и наткнулся на Роджера.

— Мы отключили все камеры. Как вы хотели. Остался только особняк Райзена. Может быть, вы хотите сами его убить? — поинтересовался Фрэнк.

— Не знаю, что сказать вам, — сухо проговорил Роджер, отводя глаза. — Моя мечта исполнилась слишком поздно. И уверен, уже не принесёт никакого облегчения и радости.

Вы должны испытывать к нему ненависть. Я понимаю. Но моя ненависть уже перегорела. Я ничего не чувствую. Может только жалость.

Фрэнк проводил взглядом его сторбленную спину. Все перестало иметь значение. Райзена не станет. Что будет дальше? Пустота. Он ощущал, что потерял что-то очень важное, ориентир, цель, за которой гнался, как безумец, не понимая, что цели никакой нет. Прислонившись к холодной стене, он ощутил, как на глазах собираются слезы. Берта натолкнулась на него, сердито воскликнула:

— Фрэнк, ну что ты медлишь? Ты должен довести дело до конца! Прямо сейчас! Да что с тобой?! Тебе, что стало жалко Райзена? Он мучил тебя. Он мучил всех нас!

— Берта, а что сейчас что-то изменится? — глухо проронил Фрэнк. — Месть? Мне плевать. Не хочу.

— Но ты должен вывести эти камеры из строя не из-за Райзена, а из-за этого мерзавца, который может ими воспользоваться. Представляешь, если он начнёт создавать армию бандитов?

Райзен, заложив руки за спину, стоял около подробной схемы города, на стене кабинета. Весело перемигивались лампочки. Он наблюдал, как они начали гаснуть одна за другой, пока основная часть схемы не погрузилась во тьму. Огоньки светились теперь только в одном углу. Но это уже не имело значения. Райзен подошёл к окну, откуда открывался вид на город. Когда запиликал предупреждающий сигнал, он усмехнулся и медленно направился к двери кабинета. Спустился на лифте вниз, в самый подвал. Около щита он заметил худощавую фигуру.

— Камеры хочешь отключить?

Человек обернулся и поднял на уровень груди короткоствольный пистолет-пулемёт.

Райзен усмехнулся, подошёл к панели, около которой стоял незнакомец, набрал код и резко опустил ручку рубильника вниз. Индикаторы погасли.

— Ну, теперь убей меня. Давай! Твой главарь этого же хотел. Но зачем? Все в его руках и так. Он добился своего.

— Райзен, я не буду тебя убивать, — произнёс незнакомец. — Наоборот, помогу справиться с этим мерзавцем, который устроил хаос.

Райзен нахмурился, пытаясь понять, почему голос незваного гостя кажется таким знакомым.

— Ты кто такой? — спросил он холодно.

— Фрэнк Фолькленд. Настоящий.

— Фолькленд. Я убил его, — медленно проговорил Райзен, словно разговаривая сам с собой. — Сжёл тело. Теперь все будут приходить ко мне, и пугать его тенью.

Он усмехнулся.

— Берта перестроила камеру жизни в своей лаборатории и вернула меня к жизни, — объяснил спокойно Фрэнк. — Она — гениальный генетик. Тебе ведь должно быть это известно. Сколько раз ты воскресал, благодаря ей? Вспомни. Теперь она сделала это для меня.

— Вот как? Я догадывался об этом. Ладно. Пошли, поговорим.

Они молча поднялись на лифте. Райзен зашёл в кабинет, тяжело опустился в кресло.

— Ты говоришь, Берта воскресила тебя? Но Фолькленд был казнён два месяца назад.

Почему же ты явился ко мне только сейчас? Я воскресал сразу, — в голосе Райзена ощущалась чуть заметная насмешка.

— Берте понадобилось гораздо больше времени, чем нужно. Она допустила ошибку, которая стоило мне два месяца жизни.

— Неужели? Гениальная Берта Верден, — лицо Райзена скривилось в сардонической гримасе. — Какую же ошибку она допустила?

— Пластическая операция не меняет генетического кода. Когда я воскрес, я стал похож на себя. Таким я прибыл в твой город. Но Берта забыла об этом. Увидев незнакомое лицо, она обрывала операцию.

— И кто ей помог?

— Роджер. Я говорил тебе, он знал меня до пластической операции. Теперь видишь, я совсем не похож на маньяка-убийцу.

— Значит, Роджер тоже с тобой?

Фрэнк кивнул.

— Я так и не понял, зачем он помогал тебе, — тихо, с затаённой горечью проговорил Райзен. — Он так скучал в одиночестве?

— Я починил музыкальную шкатулку, память о его жене, которая сошла с ума. По твоей вине, Райзен. Он решил, что я смогу отключить камеры жизни. Ты станешь простым смертным. И тебя можно будет убить. И отомстить.

— Да, тебе это удалось, — задумчиво проговорил Райзен. — А Камилла? Она с тобой?

— Тебя не удивляет, что близкие тебе люди перешли на нашу сторону?

— Нет. Не удивляет. Прекрасно понимаю, почему это произошло. Они поддались эмоциям. Берта начала переживать за «генетический материал» — смертников. Стэнвуд стал сочувствовать бандитам. Роджер решил отомстить. Камилла погналась за призрачной тенью бывшей любви. Закономерный итог разложения умных людей до состояния неопределённой формы студня, не способного мыслить. Когда человек начинает руководствоваться своими эмоциями, отключая при этом мозг, он ничего не добьётся в жизни, кроме уничтожения себя.

— Сострадание, сочувствие тебе неведомо. Да, Райзен? Мыслишь всегда рационально, а решения казнить людей принимаешь, руководствуясь беспощадными, бездушными принципами.

Райзен усмехнулся.

— Бездушными? А тебе, Фольклэнд, тоже придётся решить эту проблему.

— Какую? — не понял Фрэнк.

— По религиозным канонам христианства, когда человек рождается на свет, Бог наделяет его бессмертной душой. Когда он умирает, то Бог забирает эту душу в ад или рай. Камеры жизни дают возможность восстановить тело, но не душу. Где твоя душа, Фольклэнд, теперь? В аду или раю? — Он расхохотался, увидев, как растерялся собеседник. — Гуманист. А ведь именно твои гуманные идеи привели к хаосу. Ты разрушил жизнь города тем, что якобы творил добро. До твоего появления все жили мирно и спокойно. Да, были те, кто не вписался в общую систему. Они остались предоставленным сами себе. Но это помогало им стать сильнее. Потом явился ты и разрушил гармонию, которой подчинялась жизнь.

— Райзен, ну ты же прекрасно понимаешь, что это не так, — возразил спокойно Фрэнк. — Если бы ты не казнил меня без суда и следствия, в городе не возник бы хаос. Ты

убил гуманиста, а его место занял негодяй. Так всегда бывает. Спроси себя, что было плохого в том, что я помог Ирэн Веллер, Симоне Бонье, или Дэвиду Дэнтону проявить их талант? Ты просто сводил со мной счёты, потому что я посмел критиковать твои принципы, действия твоих дружков, таких как Каваллини. Я не хотел захватывать город. Просто хотел выбраться. Вместе с Ирэн.

— И что тебе все-таки мешало? Уверен, ты остался, чтобы занять моё место. Ты за этим и явился сюда.

— Ты не понимаешь, Райзен. Дело совсем не в этом. Как тебе удалось построить в 1948 году такой потрясающий город? Все страны только поднимались с колен, восстанавливали разрушенную экономику после войны, а ты смог найти технологии, которые позволили на острове посреди океана возвести такие удивительные башни?

— Какое отношение это имеет к нашему разговору? Не заговаривай мне зубы.

— Может быть, тебе странно будет это слышать. Я мог сбежать из твоего города, но не мог вернуться домой. В мой реальный мир. Потому что здесь 1959 год, а там, откуда я прибыл — 2059. Я хотел вернуться в своё время. Там, где мой дом и мои дети, которых я очень люблю. А вот этого я сделать не мог.

— Значит, там уже двадцать первый век, — протянул Райзен. Кажется, его это совсем мне удивило. — И что все захватили коммунисты? Такие, как ты?

— Райзен, я сто раз говорил тебе, что я — не коммунист. Я не собирался все отнимать и делить. Лишь немного помочь тем, кто в этом нуждается. Впрочем, похоже, ты так этого и не понял.

— И ты думаешь, я помогу тебе вернуться? — покачал головой Райзен. — Нет, не помогу. Я просто не знаю как. Если бы я знал, может быть, мой город остался бы в целости и сохранности.

— Райзен, я помогу восстановить город! Я клянусь. Он не нужен мне! Я лишь хочу вернуться домой! К моим детям!

Райзен уставился на него невидящим взглядом.

— Ирэн родит тебе других детей.

— Она не может, — печально проговорил Фрэнк. — После того, как твои подручные избили её. Она стала бесплодной.

— Тогда пусть это сделает Камилла. Она тобой восхищается. — Райзен криво усмехнулся. Со скрипом отодвинув ящик письменного стола, достал револьвер. — Иди, — тихо сказал он. — Ты разрушил большее, чем город. Ты сломал, уничтожил мои принципы.

Фрэнк всё понял, и даже не переложил ближе свой пистолет-пулемёт.

— Не надо, Райзен. Ты можешь начать все сначала, — Фрэнк предпринял ещё одну попытку, прекрасно осознавая, что она бесполезна. — Восстановить город, сделать все иначе!

Райзен молча наставил на него револьвер, взвёл курок:

— Если ты сейчас же не уберёшься отсюда, я тебя убью. И Берта уже не сможет тебя воскресить. Камеры жизни отключены навсегда.

Фрэнк с сожалением встал, сделал лишь пару шагов к двери, как резкий звук, словно удар хлыста, заставил инстинктивно вжать голову в плечи. Быстро обернувшись, он увидел, как рядом с упавшим на стол Райзенем расплывается тёмное пятно. Он так и не выдал свою тайну.

Фрэнк шагнул в открывшийся портал, увидел стены коридора, выкрашенные серо-

голубой краской. Их штаб. Доплёлся до своей комнаты и ничком рухнул на кровать, которая жалобно скрипнула. «Я никогда не вернусь к вам, маленькие мои», — подумал он с тупой горечью, которая постоянно жила в глубине его сердца.

Вдруг один за другим послушались взрыв, отчаянные вопли, топот ног. Хотел выйти в коридор, открыл дверь, но перед ним выросла стена огня, сквозь которую с трудом видел перебегающих и кричащих людей. Он бросился в душ, намочил пиджак и, закрывшись, прорвался сквозь пламя, которое пожирало все вокруг. Ловил бегающих в панике людей и толкал в портал, переносивший их в другое помещение, которое недавно подобрал для нового штаба.

— Что случилось? — бросил он Берте, увидев бегущей с безумными глазами по коридору.

— Кто-то напал на нас. Не знаю!

Стало невыносимо трудно дышать, он закашлялся, ощутив, как кружится голова, темнеет в глазах.

Кольцо пламени неумолимо сжималось. Фрэнк прислушался, пытаясь расслышать хоть один звук, сквозь треск сжираемых яростным огнём деревянных перекрытий. Понимая, что уже никого не найдёт в этом аду, щёлкнул кнопкой пульта. Безрезультатно. «Аккумулятор разрядился. Как не вовремя! Твою мать!» Несмотря на жестокий жар, прошиб холодный пот. Он начал лихорадочно шарить по карманам, надеясь найти другой пульт. Ужасный взрыв потряс помещение, волна вынесла его вверх и швырнула, словно котёнка с огромной высоты.

Фрэнк потерял сознание от тупого удара о воду, пошёл камнем ко дну, но потом насколько хватало сил, ринулся к поверхности, пронизанной солнечными лучами. Вынырнув, он лихорадочно огляделся. Всюду, куда хватало глаз, простирался равнодушный океан. Мимо проплыла стайка весело стрекочущих дельфинов. Восходящее солнце окрашивало волны в тёплый золотисто-оранжевый свет. Фрэнк распластался на спине, раскинув руки. Он лежал без сил, вглядываясь в пробегающие над ним облака. «Черт, неужели мне все это приснилось? Остров, Берта, Роджер, Ирэн?»

Он вновь осмотрелся и почти у горизонта заметил нечто похожее на кусок скалы, торчащий из воды. Медленно поплыл туда, несколько раз останавливаясь и переводя дух, чтобы хватило сил. Он выбрался на скалистый берег, где торчал утёс, заросший редкой, жёсткой травой. Фрэнк опустился рядом, закрыв глаза

Он уже потерял счёт времени, как вдруг услышал стук дизеля. Небольшое рыболовецкое судёнышко, выкрашенное в блёкло-зелёный цвет, направлялось прямо к нему. Он вскочил, и как Робинзон закричал от радости и запрыгал на месте. От судна отделилась шлюпка. Человек в рыбацкой робе протянул ему руку и сказал по-французски:

— Привет!

Через четверть часа Фрэнк сидел в каюте, закрытый пледом, с кружкой горячего бульона. Рядом стоял рыжебородый капитан.

— Как вы здесь оказались? — поинтересовался он. — В открытом море?

— Я принимал участие в спасательных работах. Недалеко теплоход «Атлантида» потерпел крушение. Мой вертолёт захватило торнадо и выбросило здесь неподалёку, — объяснил Фрэнк неуверенно, сомневаясь, что француз помнит происшествие, которое случилось так давно.

— Да-да. Точно, два дня назад потерпел крушение лайнер. Как же вам удалось выжить? Удивительно. А как вас зовут? Мы сообщим в службу спасения.

— Франклин Фолькленд. Два дня? — воскликнул Фрэнк изумлено. — Но этого не может быть!

— Почему? — удивился капитан. — Если бы вас нашли позже, вы бы точно погибли. Так вы тот самый Фрэнк Фолькленд, о котором писали все газеты! Очень приятно познакомиться, — француз расплылся в широкой улыбке. — Это большая честь для нас! Пожалуйста, будьте нашим гостем. Отдохните.

Фрэнк спустился в каюту, улёгся на койке в каюте и задумался. «Неужели действительно мне все это привиделось? Остров, маяк, Райзен, Роджер, Берта? И Ирэн Боже, неужели этого всего не было? И я не встретил её?!» В дверь каюты постучали, вошёл капитан и поинтересовался:

— Как себя чувствуете, мистер Фолькленд? Я сообщил в службу спасения. Они вас примут. Очень рады, что вам удалось спастись. Вы можете продать вашу историю таблоидам за большие деньги, — улыбнувшись в рыжие усы, проговорил он.

Фрэнк бросил на него взгляд, подумав, что капитан даже представить себе не может, где на самом деле побывал спасённый им человек.

Больше книг на сайте - Knigolub.net